

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1978

И. И. М. Слав

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1

1978

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шафир М. А., Ковешников Е. М.</i> Конституция социалистического общенародного государства	3
<i>Щербаков Ю.</i> Февраль 1948 года — великий рубеж в истории народов Чехословакии	21
<i>Шерлашова С. А.</i> К 100-летию со дня рождения Зденека Неядлы	31
<i>Волков В. К.</i> Мюнхен: внутривополитические и международные последствия для Югославии	37
<i>Багинский Э. С.</i> Политические концепции санации и польская конституция 1935 года	56
<i>Харциева Г. Ю.</i> Газета «Словенске народне novice» (август 1845 — июнь 1848) и формирование программы словацкого национального движения	77
<i>Верещагин Е. М.</i> Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики «цепочки»	88
<i>Григорян Э. А.</i> Некоторые семантические явления в болгарской географической терминологии	101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Носкова А. Z. Kozik.</i> Partie i stronnictwa polityczne w Krakowskiem. 1945—1947.	107
<i>Парсаданова В. С.</i> Ценный труд польского историка Копруковняка Альбин (ПНР). J. Jachymek. Oblicze spoleczno-polityczne wsi lubelskiej 1930 — 1939	109
<i>Мыльников А. С.</i> «Зарубежные славяне и Россия».	111
<i>Билунов Б. Н., Москаленко А. Е., Таранова В. Г.</i> «Из истории балканских стран»	114
<i>Горский И. К. Г. Д. Вервес.</i> В интернациональных литературных языках	116

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1977 г. (продолжение)	118
Содержание иностранных журналов	123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кузьмин М.</i> Первое заседание Бюро Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур.	125
<i>В. З.</i> Празднование 100-летней годовщины со дня рождения академика Н. С. Державина	127

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

М. А. ШАФИР, Е. М. КОВЕШНИКОВ

КОНСТИТУЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ГОСУДАРСТВА

Нам, современникам, трудно до конца оценить значение новой Конституции СССР. Реализация ее положений откроет новые горизонты в понимании ее эпохальности. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что Конституция СССР 1977 г. войдет в историю прогрессивного человечества как важнейший политический документ XX в. Конституция СССР не только закрепляет главные черты развитого социалистического общества, но и определяет историческую перспективу нашего продвижения к вершинам коммунизма. Вчитываясь в ее главы и статьи, размышляя над содержанием отдельных ее положений, советские люди вновь убеждаются в мудрости Коммунистической партии, в созидательной силе Советского общенародного государства, его интернационалистском, гуманистическом характере, в жизнеутверждающей стойкости социалистической демократии, богатстве и реальности прав и свобод советских граждан, в гигантских достижениях и преимуществах социалистического образа жизни.

Зрелость социалистического демократизма проявилась и в содержании Основного Закона, и в самом ходе его обсуждения. Высказывая свои суждения и предложения, советские люди стали полноправными творцами Конституции 1977 г. Всенародное обсуждение проекта, проходившее в свободной и деловой обстановке, явилось новым ярким свидетельством сплочения советского народа вокруг Коммунистической партии. Повсеместная поддержка и одобрение проекта позволили депутатам Верховного Совета СССР единогласно принять новую Конституцию, выразив тем самым волю и интересы всего 250-миллионного советского народа, всех его классов и социальных групп, всех наций и народностей нашей страны.

Разработка и утверждение конституций всегда были крупным событием в истории нашей страны, ибо каждая конституция закрепляла важнейший этап в развитии Советского государства, являлась мощным импульсом развертывания социалистической демократии. Это имеет еще большее значение сейчас, когда речь идет о Конституции СССР, призванной отразить и закрепить тот всемирно-исторический факт, что первая в мире страна социализма первой в истории человечества приступила к строительству коммунистического общества. Характерной чертой новой Советской Конституции является ее глубокая преемственность. «Работая над проектом,— говорил на майском (1977 г.) Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— мы прочно стояли на почве преемственности. В нем

сохранены и развиты намеченные еще В. И. Лениным характерные черты конституции социалистического типа»¹.

Каждая Советская Конституция — восходящая ступень в развитии социалистического государства. Конституция РСФСР (1918 г.) закрепила победу Октябрьской революции, классовую сущность Советского государства и конструкцию Советской власти. Конституция СССР (1924 г.) зафиксировала принципы образования союзного социалистического государства. Конституция 1936 г. юридически закрепила победу социализма, социалистических общественных отношений, общественное и государственное устройство, принципы организации и деятельности высших и местных органов государственной власти и управления, суда, прокуратуры, избирательной системы, основные права и обязанности граждан и т. д.

Конституция является Основным Законом Советского государства. Уже само название — «Основной Закон» говорит о ее особом значении в сравнении с любым другим законом. Составляя целостную систему важнейших правовых норм, Конституция СССР закрепляет не какую-нибудь одну сторону экономической или политической организации советского общества, а все ее основные начала. В ней находят свое выражение и закрепление все основные черты общественного строя и политической организации общества. Поэтому Конституция СССР обладает высшей юридической силой по отношению к другим законодательным актам и определяет исходные направления всей текущей законодательной деятельности. Все остальные законы должны строго соответствовать Конституции и могут лишь конкретизировать и развивать конституционные нормы. Но Советская Конституция — это не только государственно-правовой акт, а и важнейший общественно-политический документ. Она исходит из принципиальных положений марксизма-ленинизма о социализме, о социалистической демократии, о роли коммунистической партии, о задачах и функциях социалистического государства. В ней обобщается опыт государственного строительства, что имеет существенное значение для дальнейшего развития марксистско-ленинского учения о государстве и праве.

Сила советских конституций в том и состоит, что они, правильно отражая действительность, являются вместе с тем могучим фактором движения вперед. Вот почему в связи с выходом Советского Союза на рубеж зрелого социализма, открывшего качественно новые возможности для дальнейшего продвижения по пути строительства коммунизма, Коммунистической партией Советского Союза был поставлен вопрос о необходимости выработки новой Конституции СССР.

Известно, что Конституция СССР 1936 г. была принята Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов, когда по существу только завершилось строительство основ социализма. С тех пор прошло более 40 лет. За эти годы в нашей стране произошли глубокие изменения, затронувшие все без исключения стороны общественной жизни.

Важнейшим итогом самоотверженного труда советского народа, руководимого Коммунистической партией, стало построение в СССР развитого социалистического общества. Теперь, когда социализм развивается уже на собственной основе, все полнее раскрываются могучие созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни, трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний.

¹ Л. И. Брежнев. О Конституции СССР. Доклады и выступления. М., Политиздат, 1977, с. 13.

За истекшие 40 лет неузнаваемо изменилась экономика страны. В ней безраздельно господствуют социалистические формы собственности. С построением развитого социализма общество располагает мощной, гораздо более современной экономической базой. Движущей силой развития производства стало соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства. Осуществлен решительный поворот к интенсивным методам развития экономики, качественно новому уровню и масштабам производства, позволяющим непосредственно решать задачи создания материально-технической базы коммунизма, обеспечивать непрерывный рост благосостояния трудящихся.

Развитой социализм знаменует высокую степень зрелости всей системы общественных отношений, постепенно перерастающих в коммунистические. Ему присуще дальнейшее упрочение союза рабочих, крестьян, интеллигенции при руководящей роли рабочего класса. Происходит дальнейшее стирание классовых различий, укрепляется социальная однородность общества. Сложилась и окрепла новая историческая общность людей — советский народ. Современный этап развития отмечен также дальнейшим укреплением Советского государства, углублением и расширением социалистической демократии. Государство пролетарской диктатуры, выполнив свои исторические функции, превратилось в общенародное государство, выражающее волю всех классов и слоев общества.

В условиях зрелого социализма, на базе марксистско-ленинской идеологии значительно повысился общеобразовательный и культурный уровень граждан, стали гораздо более полно удовлетворяться их духовные потребности, выросла общественная активность трудящихся. Вместе с тем упрочился социалистический образ жизни, характеризующийся подлинным коллективизмом и расцветом личности, всесторонним сближением наций и народностей.

Созданы широчайшие возможности для последовательного достижения великой цели: все — во имя человека, все — для блага человека.

Опираясь на достигнутое, наш народ под руководством Коммунистической партии, роль которой все более возрастает, сейчас успешно решает новые исторические задачи, связанные с созданием материально-технической базы коммунизма, постепенным преобразованием социалистических общественных отношений в коммунистические, воспитанием людей в духе высокой коммунистической сознательности.

Очевидно, что в новых исторических условиях Конституция СССР 1936 г., хотя в нее неоднократно вносились изменения, касавшиеся формулировок отдельных статей, уже не соответствует достигнутому уровню развития социалистического общества и общенародного государства.

Кроме того, нельзя забывать, что за время, прошедшее с момента принятия этой Конституции, произошли принципиальные изменения в расстановке классовых сил на международной арене. Появилась и окрепла мировая система социализма. Ныне наше государство развивается в условиях мирового содружества социалистических стран. Существенно ослаблены позиции капитализма. Навсегда рухнула созданная капитализмом чудовищная система колониального гнета. На месте бывших колоний возникли десятки молодых государств, вставших на путь самостоятельного развития. В мире капитализма могучей организованной силой стало международное рабочее движение.

Неизмеримо выросли международный авторитет и прогрессивное влияние СССР на развитие международных отношений, укрепление дела мира и международной безопасности. Появилась реальная возможность предотвратить новую мировую войну, хотя это еще требует больших и настоячивых усилий всех миролюбивых сил, возглавляемых СССР.

Все эти коренные изменения во внутренней жизни страны и в ее международном положении, а также исторические задачи, ставшие перед нашим обществом в новых условиях, выдвинули необходимость разработки и принятия новой Конституции СССР с тем, чтобы политическая надстройка была приведена в соответствие с достигнутым уровнем развития общества.

Новая Конституция СССР — это результат огромной работы, анализа и теоретического обобщения глубоких изменений в советском обществе, конституционного опыта Советского Союза и других стран социализма. Ее разработка осуществлялась под непосредственным руководством и при активном участии Центрального Комитета КПСС, его Политбюро, Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева.

Проект Конституции СССР был разработан Конституционной комиссией под председательством Л. И. Брежнева и после его одобрения майским (1977 г.) Пленумом ЦК КПСС и в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР передан на всенародное обсуждение. В октябре 1977 г. состоялась внеочередная седьмая сессия Верховного Совета СССР девятого созыва. Сессия заслушала и обсудила доклад Л. И. Брежнева «О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения». Этот доклад имеет громадное политическое и научное значение, является долговременной программой всей нашей деятельности. Сессия рассмотрела проект Конституции СССР с учетом замечаний и предложений трудящихся, сделанных в ходе этого обсуждения. Таким образом, к разработке новой Конституции СССР были привлечены широчайшие массы трудящихся. Поистине ее творцом стал весь советский народ. В этом ярко проявляется подлинный народный характер Советской Конституции, которая является результатом сознательного творчества народных масс, их созидательной революционной деятельности.

В обсуждении проекта участвовало свыше 140 млн человек или $\frac{4}{5}$ всего взрослого населения страны. Состоялось около 1,5 млн собраний трудящихся. Проект был обсужден на заводах, фабриках, стройках, предприятиях транспорта и связи, торговли и бытового обслуживания, в научно-исследовательских, проектных и учебных заведениях, в колхозах и совхозах, по месту жительства граждан. Широко обсуждался проект на пленумах, активах и собраниях в профсоюзах, комсомоле, кооперативных объединениях, творческих организациях. Состоялось более 450 тысяч открытых партийных собраний, на которых выступило свыше 3 млн человек. Активное обсуждение проекта проходило на сессиях Советов, которые состоялись во всех союзных и автономных республиках, в краях, областях, национальных округах, городах, районах, селах и поселках. В работе сессий участвовало более 2 млн депутатов. Важной формой обсуждения стали письма граждан. Всего в ходе всенародного обсуждения было внесено около 400 тыс. предложений и поправок к проекту. Внимательно изучив эти поправки, Конституционная комиссия рекомендовала внести изменения в 110 статей проекта и добавить новую статью (о наказах избирателей).

По своему характеру и масштабам всенародное обсуждение проекта Конституции СССР стало величайшей политической кампанией, в ходе которой с новой силой раскрылись исторические преимущества советской демократии, подлинный гуманизм, жизнеутверждающие начала социалистического строя. Оно вылилось в яркую демонстрацию единства советского народа, его сплоченности вокруг КПСС, явилось мощным стимулом подъема трудовой и политической активности народных масс, размаха социалистического соревнования.

«Главный политический итог всенародного обсуждения состоит в том, — подчеркнул Л. И. Брежнев, — что советские люди сказали: да, это тот Основной Закон, которого мы ждали. Он правильно отражает наши завоевания, наши чаяния и надежды, правильно определяет наши права и обязанности. Закрепляя достигнутое, он открывает перспективу дальнейшего развертывания коммунистического строительства»².

Новая Конституция СССР продолжает ленинскую традицию составления Конституции как важнейшего политико-правового документа, закрепляющего в предельно ясной и доступной для широких масс трудящихся форме наиболее важные принципиальные положения, касающиеся Советского государства и общества в целом.

В ней закреплено и обобщено все лучшее, что дает практика нашего государственного строительства и что обеспечивает дальнейшее совершенствование институтов социалистической демократии. При ее подготовке в полной мере учитывались принципы советского государственного строительства, разработанные еще В. И. Лениным, а именно: решающее участие трудящихся масс в управлении, полномочие Советов, демократический централизм, федерализм, социалистическая законность. Обогащенные историческим опытом и новыми теоретическими выводами и положениями, эти принципы получили в Конституции СССР свое всестороннее воплощение.

Они стали непреложными конституционными требованиями, что полностью соответствует современному уровню развития социалистической демократии, возросшей роли марксистско-ленинской теории в решении вопросов государственного строительства. В Конституции 1977 г. сохранены также многие положения ранее действовавших советских конституций, поскольку они продолжают соответствовать сущности нашего строя, характеру современного общественного развития. Речь идет о таких конституционных нормах, которые определяют роль коммунистической партии в обществе, закрепляют положение Советов как самых демократических и подлинно представительных органов государственной власти, отражают постулаты ленинской национальной политики применительно к различным сферам государственного, хозяйственного и культурного строительства, обеспечивают всестороннее гарантирование прав и свобод граждан. Вместе с тем при подготовке проекта были учтены также новейшие законодательные акты, принятые за последнее время. Это Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, здравоохранении, народном образовании, семье и браке и по другим отраслям права, новый Устав колхоза, законодательство о жилищном обеспечении, охране природы, новые законодательные акты о статусе депутатов, правах и обязанностях сельских, поселковых, городских и районных Советов депутатов трудящихся и др. Эти законодательные акты стали основой многих статей новой Конституции.

Был принят во внимание также опыт конституционного развития братских социалистических стран, в частности, Народной Республики Болгарии, Германской Демократической Республики, Республики Кубы и некоторых других стран социализма, где в последние годы были приняты новые конституционные акты, представляющие несомненный интерес с точки зрения конституционного решения отдельных вопросов государственного строительства.

Все это составило надежную и прочную теоретическую и практическую основу новой Конституции СССР.

² Л. И. Брежнев. О Конституции СССР, с. 32.

Наряду с закреплением в законодательном порядке того, что уже добыто и завоевано советским народом, в Конституции содержатся и определенные программные положения. При этом нормативные и программные требования составляют единое целое, ибо Конституция СССР, закрепляя то, что уже существует, одновременно определяет цели и основные направления дальнейшего развития социалистической государственности и демократии, экономической, политической и духовной жизни общества.

Содержание, объем, структура и стиль Конституции определились с учетом не только государственно-правового, но и политического и идеологического назначения этого документа, возрастания масштабов и сложности задач, решаемых советским народом. По своему объему новая Конституция СССР несколько больше Конституции 1936 г. Число статей в ней увеличено со 146 до 174. Увеличилось и количество глав — с 13 до 21. Новым в структуре явилось введение разделов, позволяющих более четко систематизировать конституционные положения.

В *преамбуле* Конституции подводятся итоги пройденного советским народом пути, дается краткая характеристика развитого социалистического общества, подчеркивается закономерность движения социализма к новым этапам зрелости на пути к коммунизму, отмечается преемственность конституционных идей и принципов.

Исходя из высшей цели Советского государства — построения бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление, Конституция определяет главные задачи социалистического общенародного государства. Это — создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества, повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся, обеспечение безопасности страны, содействие укреплению мира и развитию международного сотрудничества.

В преамбуле сформулированы также основные конституционные принципы развитого социализма во всех ведущих сферах жизнедеятельности нашего государства и общества: политической, экономической, духовной. Эти принципы развиваются в соответствующих разделах Конституции, что позволяет более полно раскрыть социально-классовую сущность и направленность развитого социализма, закрепить основные черты, присущие социалистической экономике и культуре, отразить повышение роли и значения КПСС, массовых общественных организаций, трудовых коллективов, дружбу и нерушимый союз всех наций и народностей страны, весь глубоко демократический и гуманный характер советского строя.

Первый раздел Конституции посвящен основам общественного строя и политики СССР. И это совершенно понятно, ибо правильное представление об осуществленном в СССР полномочии народа, его суверенитете, положении личности, национально-государственном устройстве, сложившихся в стране государственно-правовых институтах можно получить, лишь рассмотрев предварительно сущность социалистического строя, те качественно новые черты, которые характеризуют общество развитого социализма. Здесь закрепляется политическая система советского общества, под которой понимается совокупность государственных и общественных организаций, принимающих участие в осуществлении власти и управления, в политической жизни страны.

Статья 1 устанавливает, что Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех

наций и народностей страны. В этой статье выражена суть общенародного государства, а именно — принадлежность всей полноты власти советскому народу как новой исторической общности людей. «Государство — это мы!» — с полным основанием могут заявить все советские люди.

Общенародное государство является главным орудием в руках советского народа в деле строительства коммунистического общества, защиты его завоеваний. Потребности развитого социализма, его постепенного перерастания в коммунизм определяют укрепление общенародного государства, самое полное раскрытие и использование всех его созидательных, творческих, организующих возможностей.

Главные предпосылки укрепления социалистического Советского государства заключены в расширении и углублении его демократических основ, в возрастании активности и сознательности масс, расширении их участия в управлении государством. Только на основе социалистического демократизма Советское государство может успешно решать стоящие перед ним сложнейшие задачи, в полной мере учитывать интересы общества, цели его развития. Социалистическая демократия, с одной стороны, создает условия, необходимые для выявления общественных потребностей, а с другой стороны — помогает концентрировать ум, волю, энергию масс на поисках оптимальных решений, направленных на удовлетворение этих потребностей.

Соответственно этапу развитого социализма представительные органы государственной власти будут называться теперь Советами народных депутатов. В статье 2 указывается: «Вся власть в СССР принадлежит народу».

Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие политическую основу СССР.

Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов».

Социалистическое народовластие, закрепленное в Конституции, гарантируется и на деле обеспечивается в политической жизни страны. Его реальность можно проиллюстрировать на примере представительных органов. В Верховном Совете СССР представлены все классы и социальные группы, нации и народности страны. В его составе 498 рабочих, 271 колхозник, 142 работника науки, культуры, литературы, искусства, просвещения, здравоохранения, печати, представители 61 национальности.

Организация и деятельность Советского государства строится в соответствии с ленинским принципом демократического централизма, предполагающим выборность всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетность их народу, обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих, сочетание единого руководства с инициативой и творческой активностью на местах, с ответственностью каждого государственного органа и должностного лица за порученное дело. В развитом социалистическом обществе имеются все необходимые предпосылки для более полного осуществления этого принципа в деятельности как государственных органов, так и общественных организаций, всей политической системы.

В Конституции подчеркивается, что принадлежащая советскому народу власть осуществляется не только через Советы, то есть в рамках представительной демократии, но и непосредственно самими трудящимися. «Наиболее важные вопросы государственной жизни, — указывается в ст. 5, — выносятся на всенародное обсуждение, а также ставятся на всенародное голосование (референдум)». Арсенал форм прямого народовластия чрезвычайно богат. Кроме всенародных обсуждений и референдумов, сюда входят: выборы, собрания трудящихся по месту

работы и жительства, сельские сходы, наказы избирателей депутатам и т. д. Все эти формы получили сейчас дальнейшее развитие. Они дают на практике то, что В. И. Ленин называл соединением выгод парламентаризма с выгодами прямой и непосредственной демократии. Суть такого рода выгод в обеспечении подлинной массовости, народности, в выявлении и реализации суверенной воли трудящихся.

Необходимым условием целеустремленного и эффективного управления всеми социальными процессами, планомерного преобразования социалистических общественных отношений в коммунистические является руководящая роль Коммунистической партии в советском обществе и государстве. В новой Конституции гораздо более широко, чем в Конституции 1936 г., закреплена ведущая и направляющая роль КПСС, составляющей ядро политической системы СССР. Процесс возрастания руководящей роли партии объективно обусловлен. Динамизм развития советского общества, растущие масштабы коммунистического строительства, многообразная деятельность нашей страны на международной арене — все это настоятельно требует повышения уровня партийного руководства развитием экономики и культуры, улучшения организаторской и политико-воспитательной работы партии в массах.

КПСС, будучи политическим авангардом советского народа, существует для народа и служит народу. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, она определяет генеральную перспективу развития общества, внутреннюю и внешнюю политику СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Партия не подменяет государственные и общественные организации. Напротив, она стремится развить их самостоятельность и активность в решении стоящих перед обществом задач. Конституция закрепляет принципиальное положение о том, что все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР.

Помощниками партии в осуществлении ее целей всегда были и остаются массовые общественные организации трудящихся. Значение их как неотъемлемой части политической системы и важного канала привлечения трудящихся к управлению делами общества особенно возрастает в условиях зрелого социализма, когда практически ими охвачено все взрослое население страны. Активно способствовать приобщению всей этой громадной массы людей к повседневному участию в управлении государственными и общественными делами, к решению государственных, политических и социально-культурных вопросов — прямой долг профсоюзов, комсомола, кооперации, других союзов и объединений трудящихся.

В новой Конституции СССР общественным организациям отводится значительное место, еще выше поднимается их авторитет и значимость в политической системе. Повышается роль трудовых коллективов в обсуждении и решении вопросов производственной и общественно-политической жизни, что означает новый шаг в осуществлении линии партии на развитие демократических начал в управлении производством. Значение трудовых коллективов в жизни общества сейчас получило свое конституционное выражение.

Характеристика политической системы советского общества в Конституции завершается указанием основных направлений ее развития. Это — все более широкое участие трудящихся в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной

жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения. Все это ведет к дальнейшему разворачиванию и углублению общенародной социалистической демократии.

Конституция сохраняет принципиальное положение о том, что основу экономической системы составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. Здесь же указывается, что социалистической собственностью является также имущество профсоюзных и иных общественных организаций, необходимое им для осуществления уставных задач. Государство охраняет социалистическую собственность и создает условия для ее приумножения. Оно содействует развитию колхозно-кооперативной собственности и ее сближению с государственной.

Отражая новый этап в развитии народного хозяйства, Конституция содержит положение о том, что экономика СССР превратилась в единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена на территории страны. Закреплено и такое важное начало руководства социалистической экономикой как сочетание планового централизованного руководства с хозяйственной самостоятельностью и инициативой предприятий и объединений. Свободный от эксплуатации труд является источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека.

Впервые в Конституцию включено положение о том, что высшей целью общественного производства при социализме является наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Конституционное закрепление этой цели показывает всю глубину коренного отличия социалистического общественного производства от капиталистического, подчиненного погоне монополий за максимально высокой прибылью. Советское государство активно содействует осуществлению высшей цели.

Новая Конституция в отличие от прежней содержит совершенно новую главу «Социальное развитие и культура». В ней закрепляется социальная основа СССР, составляющая нерушимый союз рабочих, крестьян и интеллигенции, говорится о том, что государство способствует усилению социальной однородности общества, созданию условий для гармоничного развития личности, развитию народного образования, здравоохранения, науки и культуры, улучшению условий труда и быта; оно осуществляет последовательный курс на повышение уровня оплаты труда, реальных доходов трудящихся в соответствии с ростом производительности труда. Наличие такой специальной главы позволяет полнее отразить роль социалистического государства в духовной жизни общества, подчеркнуть его гуманистический характер как государства, ставящего перед собой цель построения коммунизма во имя интересов трудящегося человека, во имя всего народа. Отныне высший коммунистический идеал — «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» — стал коренным принципом общенародного государства, закрепленным в Основном Законе.

Ни одно буржуазное государство в силу своих ограниченных узкоклассовых интересов не способно осуществлять столь широкие социальные функции. Направляя огромные средства из государственного бюджета на военные цели, развитие военно-промышленных комплексов, капиталистическое государство не может ликвидировать такие социальные язвы, как безработицу, нищету, голод и т. п. Зато неизмеримо растут военные расходы. Только в ФРГ за последние 7 лет ассигнования на военные нужды возросли почти в 2 раза и достигли ныне 34,3 млрд марок в год. На 11 млрд долларов увеличился в 1977 г. военный бюджет Пентагона.

В первом разделе определяются такие основы внешней политики, которые прямо вытекают из социалистических начал нашего общественного и государственного строя.

Конституционное закрепление получают основные принципы ленинской политики мира, являющейся неизменным и долговременным внешнеполитическим курсом КПСС и Советского государства. Подчеркивается, в частности, что СССР укрепляет позиции мирового социализма, поддерживает борьбу народов за национальное освобождение и социальный прогресс, последовательно осуществляет принцип мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

Могучей гарантией мирного, созидательного труда советского народа является укрепление обороноспособности страны, совершенствование наших Вооруженных Сил — оплота всеобщего мира. Советская Армия, Военно-Морской Флот кровно связаны с народом, опираются на его активную поддержку. Защита социалистического Отечества относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа, — говорится в главе «Защита социалистического Отечества».

Таким образом, в первом разделе Конституции СССР дана целостная картина политической и экономической системы зрелого социализма, социального развития и культуры, внешней политики. Тем самым выполнена установка XXV съезда КПСС о том, чтобы в новой Конституции СССР были зафиксированы не только общие принципы социалистического строя, но также основные черты развитого социалистического общества, его политической и социально-экономической организации.

В Конституции СССР значительно расширены и обогащены положения о правах граждан СССР. По сравнению с X главой Конституции СССР 1936 г. «Основные права и обязанности граждан» *второй раздел новой Конституции «Государство и личность»* содержит вдвое больше статей. Уже одно это убедительно показывает громадное внимание социалистического общества и государства к интересам личности, а также возросшие возможности удовлетворения ее потребностей.

Глава 6 Конституции СССР посвящена вопросам гражданства СССР и равноправия граждан. Здесь подчеркнуто, что в СССР установлено единое союзное гражданство. Наше государство на деле обеспечивает подлинное равноправие своих граждан. С учетом международных пактов о правах человека Конституция провозглашает равенство советских граждан перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств. Равноправие граждан СССР обеспечивается во всех областях экономической, политической, социальной и культурной жизни.

Характерной чертой социалистического образа жизни является подлинное, на деле обеспеченное равноправие мужчин и женщин. Буржуазные государства не могут обеспечить равноправие мужчин и женщин. Лишь в 20-е годы была принята XIX поправка к Конституции США, уравнивавшая женщин с мужчинами в избирательных правах. И только недавно для ратификации штатам передана поправка, уравнивающая женщин в правах с мужчинами во всех областях, в том числе и в заработной плате. Но чтобы она вошла в силу, необходимо до марта 1979 г. ратифицировать ее не менее чем в 38 штатах. Будет ли это сделано? Сомнительно. На деле же за последние 10 лет разрыв в оплате мужского и женского труда увеличился. Неравенство мужчин и женщин в американском обществе признает и такой видный американский конгрессмен, как сенатор Г. Хэмфри, заявивший, что не может быть гражданских прав, если нет равных прав у женщин.

В главе 7 Конституции отражено неуклонное расширение прав и свобод граждан СССР и дальнейшее обеспечение их гарантий по мере выполнения программ социально-экономического и культурного развития.

На первом месте, как и ранее, стоят социально-экономические права. Именно эти права являются фундаментом всех других прав советских граждан, они составляют основу правового положения личности в социалистическом обществе. Как и Конституция 1936 г., новая Конституция СССР прежде всего предусматривает право на труд, отдых, материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности, право на образование. Вместе с тем само содержание этих прав и их гарантий теперь значительно расширено. Так, например, говоря о праве граждан СССР на труд, Конституция включает сюда право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием, и с учетом общественных потребностей.

Реальность этого права обеспечивается социалистической системой хозяйства, неуклонным ростом производительных сил общества, бесплатным профессиональным обучением, повышением трудовой квалификации и обучением новым специальностям. Каждый советский человек уверен в своем сегодняшнем и завтрашнем дне. Он твердо знает, что его ум, знания, способности необходимы обществу, государству, народу. Между тем безработица, о которой советские люди знают только по книгам и кинофильмам, продолжает оставаться бичом развитых капиталистических стран, которые не в состоянии обеспечить своим гражданам элементарное для человека право трудиться. В США армия безработных насчитывает ныне 10 млн человек. Советскому человеку представляется непостижимым, что в странах Запада имеется большое число безработных с высшим образованием. Например, в Бельгии на 1 августа 1977 г. насчитывалось 7,5 тыс. безработных с университетским образованием, из них 6,2 тыс. человек — молодежь в возрасте до 30 лет, в ФРГ на 1 сентября 1977 г. насчитывалось 40 тыс. безработных учителей, инженеров, экономистов, врачей и других дипломированных специалистов.

Значительно расширены гарантии прав граждан СССР на образование, в их числе бесплатность всех видов образования, всеобщее обязательное среднее образование молодежи, широкое развитие профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, заочного и вечернего образования, предоставление государственных стипендий и льгот учащимся и студентам, бесплатная выдача школьных учебников, обучение в школе на родном языке, создание условий для самообразования трудящихся. Разительный контраст наблюдается в системах образования и воспитания в социалистическом и буржуазном обществах. Если в СССР в общеобразовательных школах, техникумах, вузах, других учебных заведениях учится свыше $\frac{1}{3}$ населения, а всеми формами обучения охвачено более 90 млн человек, то в США, например, 2,4 млн детей вообще не обучаются в школах, 1,4 млн человек — неграмотны. В условиях капиталистической системы с ее постоянными экономическими кризисами и потрясениями приходит в упадок высшее образование. Только за четыре года (1971—1974) в США закрылось около 80 вузов. За последние два года резко возросла плата за обучение. Ныне американскому студенту годичное пребывание в колледже обходится от 2,7 до 4,5 тыс. долларов. Мы уже не говорим о том, что с каждым годом все большее число юношей и девушек, получивших высшее образование, не могут в капиталистических странах найти себе работу по специальности.

В Конституции 1977 г. впервые закрепляется целый ряд совершенно новых прав граждан СССР, которые не предусмотрены Конституцией

1936 г. Это — право на жилище (ст. 44), ставшее возможным в результате осуществления широкой программы жилищного строительства за счет государства, справедливого распределения под общественным контролем жилой площади, невысокой платы за квартиру и коммунальные услуги, поощрения и содействия кооперативному жилищному строительству. Достаточно сказать, что только за 1966—1976 гг. улучшили жилищные условия почти 122 млн человек, что превышает численность населения Великобритании и ФРГ, вместе взятых.

В Конституции впервые зафиксировано также право граждан на охрану здоровья, которое обеспечивается, в частности, бесплатной медицинской помощью, развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии, расширением сети лечебных учреждений, мерами по оздоровлению окружающей среды, заботой о здоровье подрастающего поколения и т. д.

Предусмотрено и гарантировано право на пользование достижениями культуры, свобода научного, технического и художественного творчества. Под особую защиту государства ставится семья, материнство и детство.

Гораздо полнее, чем раньше, сформулированы политические права и свободы. Впервые в конституционном порядке устанавливается и гарантируется право граждан на участие в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и других решений общегосударственного и местного значения. Этим правом граждане СССР широко пользуются, но оно до настоящего времени не было закреплено в Конституции. Его суть заключается в том, что всем советским гражданам обеспечивается возможность избирать и быть избранными в Советы народных депутатов и другие выборные государственные органы, принимать участие во всенародных обсуждениях и голосованиях, в народном контроле, в работе государственных органов, общественных организаций и органов общественной самостоятельности, в собраниях трудовых коллективов и по месту жительства.

В числе политических прав и свобод указаны: свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, свобода совести, право объединения в общественные организации, право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе, право обжаловать действия должностных лиц, право на возмещение ущерба и т. д.

Закрепляются и гарантируются личные права граждан: неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, охрана личной жизни, тайны переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, право граждан на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество.

Подобные нормы в той или иной степени отражены и в буржуазных конституциях. Но какова их ценность, их реальность и обеспеченность? Хорошо известно о нарушениях прав личности в капиталистических странах. Новое свидетельство тому — недавнее признание вице-президента США У. Мондейла, прямо заявившего о таких нарушениях Конституции США, как широкое подслушивание со стороны ФБР и ЦРУ телефонных разговоров, вскрытие почты, проведение обысков, «тайное преследование лиц, находящихся под подозрением». В центральной штаб-квартире ЦРУ в Вашингтоне хранится более полумиллиона досье, которые имеют бесчисленные дополнения в местных отделениях. ЦРУ нелегально вскрыло и сфотографировало 200 тыс. частных писем и на основании этих данных составило досье на 1,5 млн человек. С 1947 по 1975 г. агентство национальной безопасности проконтролировало миллионы телеграмм, переданных частными компаниями связи, и переправило их в ЦРУ, ФБР и другие

организации подобного рода. Такова реальная цена четвертой и пятой поправок к Конституции США, на словах провозглашающих, что право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества не должно нарушаться, что никто не должен лишаться жизни, свободы или имущества без судебного разбирательства.

А что стоят, например, положения ст. 3 Основного закона ФРГ о том, что никому не может быть причинен ущерб или предоставлены привилегии вследствие его политических или религиозных убеждений, если в последнее время в Западной Германии было принято административное «Постановление о радикальных элементах», в соответствии с которым так называемую политическую проверку было вынуждено пройти более полумиллиона граждан, если многим преподавателям, юристам, врачам только за их политические взгляды отказывают в приеме на государственную службу.

Конституция исходит из того, что права и свободы граждан СССР не могут и не должны использоваться против социалистического общественного строя, в ущерб интересам советского народа, правам других граждан. В частности, политические права и свободы предоставляются в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя.

Из самой природы социалистического государства как подлинно народного государства вытекает единство прав и обязанностей. В равенстве и единстве основных прав и обязанностей советских граждан проявляется последовательный демократизм нашего строя, где нет и не может быть таких людей, которые имеют только права, и таких, которые только выполняют обязанности. Осуществление прав и свобод неотделимо от добросовестного и сознательного исполнения гражданами своих обязанностей.

«Нужно, — говорил на майском Пленуме ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — чтобы каждый советский человек ясно сознавал, что главная гарантия его прав в конечном счете — это мощь и процветание Родины. А для этого каждый гражданин должен чувствовать свою ответственность перед обществом, добросовестно выполнять свой долг перед государством, перед народом»³.

Поэтому в Конституции наряду с широчайшими правами и свободами граждан предусмотрены и их обязанности. В их число включены не только те обязанности, которые уже были в Конституции СССР, но и ряд новых: обязанность оберегать интересы советского государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета, всемерно содействовать охране общественного порядка, бороться с хищениями и расточительством государственного и общественного имущества, бережно относиться к предоставленному им жилищу, рационально использовать предоставленные им земельные участки, уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства, уважать права и законные интересы других лиц, заботиться о воспитании детей, заботиться о родителях и оказывать им помощь, беречь природу, охранять ее богатства, заботиться о сохранении культурных ценностей, содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира.

Империалистическая пропаганда, замалчивая в основном содержание Конституции, всячески пытается извратить его, особенно яростно используя при этом положение Основного Закона о взаимоотношении государства и личности, соотношении прав и обязанностей, о том, что использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам

³ Л. И. Б р е ж н е в. Там же, с. 18.

общества и государства, правам других граждан. Буржуазные оппоненты усматривают в этом подчинение прав отдельного человека интересам социалистического общества. Но мы никогда и ни от кого не скрывали, что предоставление широких прав и свобод неизбежно налагает на граждан выполнение определенных обязанностей. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Это понимает каждый здравомыслящий человек.

При этом, однако, можно напомнить «забытым» буржуазным идеологам и общепризнанные положения из некоторых международно-правовых документов. В статье 29 «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., указывается, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности», что «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Международный пакт о гражданских и политических правах, подписанный многими государствами — членами ООН, ратифицированный СССР и другими социалистическими странами и вступивший ныне в силу, в соответствующих статьях предусматривает ограничение прав граждан в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

Таким образом, Советская Конституция решает эти вопросы на базе научного материалистического мировоззрения, в полном соответствии с общепризнанными нормами международного права. Ибо для нас совершенно естественно, что личная свобода, подлинное освобождение человека, его духовное, творческое развитие, рост общеобразовательного и культурного уровня возможны только в таком обществе и только тогда, когда его деятельность находится в русле исторического прогресса. А таковым в XX в. является социализм. Буржуазным критикам Советской Конституции, как говорил Л. И. Брежнев на сессии Верховного Совета СССР 4 октября 1977 г., «никуда не уйти от того, что в проекте нашей Конституции шире, яснее и полнее, чем где-либо и когда-либо, зафиксированы социально-экономические и политические права и свободы граждан и конкретные гарантии осуществления этих прав»⁴.

В Конституции полностью сохранены оправдавшие себя принципы национально-государственного устройства СССР, служащие ярким выражением дружбы и братского сотрудничества более 100 наций и народностей, населяющих СССР.

Союз Советских Социалистических Республик является единым союзным многонациональным государством. В его состав входят 15 союзных республик, в которых, в свою очередь, имеются автономные республики, автономные области и автономные округа.

В разделе *национально-государственное устройство СССР* определяется состав СССР, его интернациональная природа, компетенция СССР, а также правовое положение союзных и автономных республик, автономных областей и округов. За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР.

При этом обеспечивается сочетание общих интересов всего многонационального государства и интересов каждой из образующих его респуб-

⁴ Л. И. Брежнев Там же, с. 46.

лик, всесторонний расцвет и неуклонное сближение всех наций и народностей СССР в рамках единого союзного государства.

Ведению Союза ССР по Конституции подлежат: принятие в состав СССР новых республик, определение государственной границы, установление общих начал организации и деятельности республиканских и местных органов государственной власти и управления, обеспечение единства законодательного регулирования на всей территории СССР, проведение единой социально-экономической политики, разработка и утверждение единого государственного бюджета, руководство отраслями народного хозяйства, объединениями и предприятиями союзного подчинения, вопросы мира, войны и обеспечение государственной безопасности, представительство СССР в международных отношениях, контроль за соблюдением Конституции, решение других вопросов общесоюзного значения.

В Конституции отражена такая ведущая тенденция в развитии СССР, как укрепление хозяйственных и государственно-правовых связей союзных республик, тенденция, не допускающая ни искусственного форсирования соответствующих процессов, ни каких-либо попыток к их неоправданному торможению. При этом подчеркивается, что вне пределов ведения СССР союзная республика самостоятельно осуществляет государственную власть на своей территории. Вместе с тем указывается, что республика участвует в решении общесоюзных вопросов в Верховном Совете СССР, Президиуме Верховного Совета СССР, Правительстве и других органах Союза ССР.

Большое место в новой Конституции СССР уделено закреплению системы государственных органов, а также принципам их организации и деятельности. Хотя существующая в настоящее время система государственных органов СССР, союзных и автономных республик сохраняется, тем не менее Конституция вносит определенные изменения в порядок организации и функционирования государственных органов, соответствующие задачам и потребностям развитого социалистического общества. Эти изменения направлены на дальнейшее повышение роли Советов, последовательное претворение в жизнь ленинского принципа демократического централизма, укрепление законодательной основы деятельности всех государственных органов.

Здесь прежде всего следует отметить, что выделен специальный *раздел «Советы народных депутатов и порядок их избрания»*, в котором достаточно подробно определена система и принципы деятельности Советов народных депутатов, избирательная система, а также полномочия народных депутатов. При этом указывается, что все Советы — от Верховного до сельского — составляют единую систему органов государственной власти. Особое внимание обращается на дальнейшее усиление демократических принципов организации и деятельности Советов, осуществление систематического контроля Советов за исполнительными и распорядительными органами, за деятельностью организаций и должностных лиц. Закрепляется, в частности, положение о том, что деятельность Советов строится на основе коллективного, свободного, делового обсуждения и решения вопросов, гласности, регулярной отчетности исполнительных и распорядительных органов, других создаваемых Советами органов перед Советами и населением, широкого привлечения граждан к их работе. Предусмотрено также, что Советы народных депутатов образуют органы народного контроля. Увеличивается до пяти лет срок полномочий Верховного Совета СССР, Верховных Советов союзных и автономных республик и до двух с половиной лет — местных Советов, что полнее отвечает сложившейся практике планирования развития народного хозяйства и социально-культурного строительства на пятилетние периоды.

На пять лет будут избираться также все суды, на два с половиной года народные заседатели народных судов.

Конституция вновь закрепляет оправдавшие себя на практике демократические принципы выборов депутатов во все Советы, которые производятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Избирать и быть избранным в высшие органы власти союзных и автономных республик теперь смогут все граждане, достигшие 18-летнего возраста. Депутатом Верховного Совета СССР может быть избран гражданин СССР, достигший 21 года. Такое нововведение — яркое свидетельство заботы общества о молодом поколении, его доверия к молодежи. Право выдвижения кандидатов в депутаты принадлежит организациям КПСС, профсоюзов, ВЛКСМ, кооперативным и другим общественным организациям, трудовым коллективам, а также собраниям военнослужащих по воинским частям. Зафиксировано положение о том, что гражданин СССР не может, как правило, быть избранным более чем в два Совета народных депутатов.

В Конституции нашли отражение важнейшие положения, характеризующие статус народных депутатов, их права и обязанности, которые предусмотрены текущим законодательством, но в Конституции 1936 г. не были отражены. Предусмотрены, в частности, право депутатского запроса и обращения, неприкосновенность депутатов, обязанность депутатов отчитываться перед избирателями, коллективами и организациями, выдвинувшими их кандидатами, добиваться претворения в жизнь наказов избирателей. Включение этих положений в текст Конституции СССР обусловлено необходимостью еще выше поднять роль депутатов, которые являются полномочными представителями народа в Советах. Участвуя в работе Советов, депутаты решают вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, организуют проведение решений Советов в жизнь, осуществляют контроль за работой государственных органов, предприятий, организаций и учреждений.

Раздел о высших органах государственной власти и управления СССР посвящен Верховному Совету СССР — высшему органу государственной власти СССР, его Президиуму и Совету Министров СССР — высшему исполнительному и распорядительному органу государственной власти СССР.

Конституция закрепляет структуру, порядок деятельности и полномочия Верховного Совета СССР.

Верховный Совет СССР правомочен решать все вопросы, отнесенные к ведению Союза ССР; к его исключительной компетенции относятся: принятие Конституции СССР, внесение в нее изменений; принятие в состав СССР новых республик, утверждение образования новых автономных республик и автономных областей; утверждение государственных планов экономического и социального развития СССР, государственного бюджета СССР и отчетов об их выполнении; образование подотчетных ему органов Союза ССР, принятие законов СССР.

Важное значение имеет конституционное расширение круга органов и лиц, обладающих правом законодательной инициативы. Она принадлежит Совету Союза и Совету Национальностей, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, союзным республикам в лице их высших органов государственной власти, комиссиям Верховного Совета СССР и постоянным комиссиям его палат, депутатам Верховного Совета СССР, Верховному Суду СССР, Генеральному прокурору СССР. Этим правом обладают также массовые общественные организации в лице их общесоюзных органов. Расширение круга субъектов законодательной инициативы послужит дальнейшей активизации законодательной деятель-

ности Советского государства, позволит привлечь к этому делу большой круг органов и лиц, широкую общественность.

На совместном заседании палат Верховный Совет СССР избирает Президиум Верховного Совета СССР — постоянно действующий орган Верховного Совета СССР, подотчетный ему во всей своей деятельности и осуществляющий в пределах, предусмотренных Конституцией, функции высшего органа государственной власти СССР в период между его сессиями. В числе конституционных полномочий Президиума — назначение выборов в Верховный Совет СССР, созыв сессий Верховного Совета СССР, координация деятельности постоянных комиссий палат, контроль за соблюдением Конституции СССР, толкование законов СССР, ратификация и денонсация международных договоров, установление воинских званий, дипломатических рангов, учреждение орденов и медалей, решение вопросов гражданства, издание актов об амнистии и др. Кроме того, Президиум в период между сессиями Верховного Совета СССР с последующим представлением на утверждение очередной сессии может вносить изменения в законодательные акты СССР, утверждает изменения границ между союзными республиками, образует и упраздняет министерства СССР и государственные комитеты СССР, освобождает от должности и назначает отдельных лиц, входящих в состав Правительства СССР.

Верховный Совет СССР на совместном заседании палат образует Совет Министров СССР. Конституция закрепляет пределы полномочий Правительства СССР. Реализуя решения XXII—XXV съездов КПСС о необходимости предусмотреть более строгую систему отчетности всех исполнительных органов перед выборными органами государственной власти, Конституция устанавливает обязанность Совета Министров СССР регулярно отчетываться о своей работе перед Верховным Советом СССР. Новым является также конституционное закрепление Президиума Совета Министров СССР как постоянного органа Совета Министров, действующего для решения вопросов, связанных с обеспечением руководства народным хозяйством, а также других вопросов государственного управления.

В разделе об основах построения органов государственной власти и управления в союзных республиках определена в общих чертах структура и компетенция Верховных Советов и Советов Министров союзных и автономных республик, поскольку более подробно определение их положений и порядок деятельности будет дан в конституциях союзных и автономных республик. В главе о местных органах власти и управления отражена огромная работа, проведенная в последние годы под руководством КПСС по укреплению Советов, повышению их роли в государственном, хозяйственном, социально-культурном строительстве. Соответствующие конституционные нормы определяют место и роль местных Советов народных депутатов, их взаимоотношения с предприятиями и организациями различной подчиненности.

Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в своем выступлении на заседании Президиума 17 июня 1977 г., Советы — это живая, подвижная, постоянно обновляющаяся организация народа. Так же, как в свое время они сумели объединить в общее русло революционное движение масс, их усилия в строительстве социализма, так и теперь, в условиях зрелого социализма, работа Советов еще полнее должна вобрать в себя борьбу за повышение эффективности производства, за выполнение намеченной партией широкой социальной программы, за развитие всех сторон нашей социалистической демократии, то есть за решение задач строительства коммунизма⁵.

⁵ Л. И. Брежнев. Там же, с. 29—30.

Большое место отведено *правосудию, арбитражу, прокурорскому надзору*, призванным стоять на страже социалистической законности, вести решительную и непримиримую борьбу с любыми нарушениями правопорядка. Конституция устанавливает сроки их полномочий, порядок организации и деятельности.

Итоги седьмой внеочередной сессии Верховного Совета СССР девятого созыва, единодушное принятие новой Советской Конституции — крупнейшее событие во внутренней жизни страны, яркий показатель жизнеутверждающей силы социалистической демократии. «...Принятие новой Конституции СССР, — говорил Л. И. Брежнев, — станет важной вехой в политической истории страны. Оно станет еще одним историческим вкладом нашей ленинской партии, всего советского народа в великое дело строительства коммунизма и вместе с тем — в интернациональное дело борьбы трудящихся всего мира за свободу, за прогресс человечества, за прочный мир на земле»⁶. Реализация ее положений позволит поднять на качественно новый уровень всю нашу государственную и хозяйственную работу, деятельность всех органов государства, даст возможность советским людям еще активнее включиться в управление экономикой, в контроль за работой государственного аппарата.

Новая Конституция создает прочную политико-правовую базу для дальнейшего всестороннего углубления и расширения демократии развитого социализма. Она послужит основой для дальнейшего совершенствования советского законодательства и улучшения всей правотворческой деятельности. Из содержания Конституции вытекает необходимость подготовки и принятия новых законодательных актов. В их числе: Закон о выборах, Регламент Верховного Совета СССР, Закон о Совете Министров СССР, законы о гражданстве СССР, о народном контроле СССР, Верховном суде СССР, прокуратуре СССР и другие.

Не менее важно и международное значение новой Конституции СССР. В современных условиях, когда вопросы демократии, положения личности, равенства граждан, прав человека находятся в центре идеологической борьбы, Конституция СССР 1977 г. наглядно показывает всему миру, как в СССР растет реальное участие широчайших народных масс в повседневном управлении всеми делами государства и общества, как обеспечивается непрерывный рост благосостояния и культуры советского народа, всех его классов и групп без какого-либо исключения.

Она убедительно свидетельствует о том, что наше государство неизменно и неуклонно стремится к миру и разрядке международной напряженности. Борьба за мир — это высший принцип внешней политики СССР, отвечающий интересам советского народа и всех других народов планеты. Конституционные нормы о внешней политике СССР глубоко созвучны новым благоприятным тенденциям, которые сейчас получают свое развитие в международных отношениях.

Нельзя не отметить и того, что закрепленные в Основном Законе СССР достижения развитого социализма служат вдохновляющим примером для народов, недавно избравших курс социалистического развития, усиливают уверенность трудящихся капиталистических стран в их борьбе за демократические свободы, за избавление от угнетения и эксплуатации.

Советская Конституция 1977 г. — эффективное орудие строительства коммунизма в СССР, она служит укреплению сил мира и прогресса, является новым убедительным свидетельством превосходства социалистического строя, его подлинного демократизма.

⁶ Л. И. Брежнев. Там же, с. 25.

Ю. ЩЕРБАКОВ

ФЕВРАЛЬ 1948 ГОДА — ВЕЛИКИЙ РУБЕЖ В ИСТОРИИ НАРОДОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

...В этот морозный февральский день Вацлавскую площадь затопило двухсоттысячное море людей. Десятки тысяч человеческих лиц с надеждой и волнением всматривались в трибуну, где у микрофона стоял коренастый человек в скромном черном пальто, с несколькими небольшими листками бумаги в руках. Над огромной древней площадью звучал его спокойный, сильный голос: «Только что я вернулся из Града от господина президента. Сегодня утром я представил ему предложение о принятии отставки министров, подавших в отставку 20 февраля сего года. Одновременно с этим я предложил господину президенту список лиц, которыми правительство должно быть пополнено и реорганизовано. Могу сообщить вам, что господин президент принял все мои предложения в таком виде, как они были мной представлены. Товарищи, как декрет о принятии отставки, так и декрет о назначении новых членов правительства подписаны господином президентом и в ближайшее время будут заверены мною. ...Реакция, которая именно в это время готовила решительный удар против нашего народно-демократического строя, сама потерпела поражение. Этому поражению реакции способствовала прежде всего бдительность и твердая боевая воля нашего народа.

...Теперь, товарищи, когда воля нашего народа была так замечательно осуществлена, необходимо снова объединиться в могучем трудовом усилии, чтобы преодолеть все трудности, которые стоят перед нами, и чтобы построить в нашей республике, очищенной от реакционеров, счастливое отечество всех трудящихся»¹. И когда он закончил свою речь, над старинной пражской площадью зазвучали торжественные звуки многотысячного хора: «Это есть наш последний и решительный бой...».

Это событие произошло 25 февраля 1948 г. Человеком, обратившимся к народу с трибуны Вацлавской площади, был Клемент Готвальд. Шесть февральских дней 1948 г. (19—25 февраля) вошли в историю Чехословакии как решающее политическое сражение трудящихся в борьбе за власть, за установление диктатуры пролетариата, за свободное развитие чешского и словацкого народов по пути социализма. В результате его чехословацкие рабочие в союзе со всеми трудящимися и под руководством Коммунистической партии Чехословакии одержали решающую победу над силами буржуазной реакции и добились установления в стране власти рабочего класса в союзе с мелким и средним крестьянством и трудовой интеллигенцией.

Февральская победа трудового народа Чехословакии, 30-летие которой

¹ К. Г о т в а л ь д. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, с. 210—211.

в этом году отмечают ее рабочий класс, кооперативное крестьянство и трудовая интеллигенция, уверенно идущие под руководством КПЧ по пути построения развитого социалистического общества, представляет собой не только выдающийся рубеж в борьбе чешского и словацкого народов за идеалы социализма, но и выдающееся событие в истории всего мирового социалистического содружества, в укреплении позиций мира, демократии и социализма на международной арене. Не случайно, выступая на торжественном митинге на Староместской площади в Праге 23 февраля 1973 г., товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что «февраль 1948 года явился одним из переломных событий послевоенной истории. Это было крупное классовое сражение на мировой арене, выигранное социализмом»².

Февральская победа явилась итогом всей предшествовавшей исторической борьбы чехословацкого рабочего класса, всего трудового народа страны за свое социальное и национальное освобождение. В процессе перехода власти в руки рабочего класса было использовано все самое важное и ценное из того большого опыта, который был накоплен пролетариатом Чехословакии и его боевым авангардом — КПЧ в ходе многолетних классовых боев за свободу народа, за уничтожение всякой эксплуатации и угнетения, за социализм. Выступая на заседании ЦК КПЧ 17 ноября 1948 г., К. Готвальд отмечал: те 28 лет суровой школы, которую мы прошли, все то развитие, на путь которого мы вступили после декабрьского поражения 1920 г., с образованием Коммунистической партии, с усвоением искусства марксизма-ленинизма, тот путь persecуций и преследований, борьба против Мюнхена, борьба против оккупации вплоть до победного мая 1945 г., то, как мы создавали, выковывали, как мы организовывали и вели партию, все это позже, в решающий момент, когда решался вопрос о том, куда пойдет развитие — направо или налево, — все это принесло свои плоды³.

Вплоть до сегодняшних дней Февраль, его причины и последствия, его историческое значение являются объектом острейшей идеологической борьбы. Вслед за послефевральской буржуазной эмиграцией, которая клеветала на Февраль и представляла его как «коммунистический путч», правые ревизионисты в 1968—1969 гг. пытались зачеркнуть величайшее историческое значение Февральской победы 1948 г. в истории чешского и словацкого народов, а также стремились всячески очернить его результаты. Они изображали события таким образом, что якобы в Чехословакии уже в 1944—1945 гг. установился «социалистический строй» и складывалась на основе плюралистической системы и «свободной игры политических сил» «специфическая чехословацкая модель социализма», что Февраль насильственно прервал демократическое развитие страны и навязал «советскую модель», что он явился началом общего политического, хозяйственного и культурного упадка. При этом, как буржуазные фальсификаторы, так и представители правого оппортунизма, отрицают историческую обусловленность и закономерность февральской победы трудового народа Чехословакии, стремятся изобразить ее как какой-то искусственно привнесенный фактор, как результат «давления извне» и т. п.⁴.

Весь ход исторических событий убедительно опровергает подобные измышления. Борьба между чешским и словацким пролетариатом, широкими трудящимися массами страны, с одной стороны, и буржуазией, с другой, пронизывала всю политическую историю Чехословакии, с того времени как в ней сформировался рабочий класс и возникло рабочее движение.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 4. М., 1974, с. 112.

³ Kl. Gottwald. 1946—1948, t. II. Praha, 1949, s. 265—266.

⁴ V. Adamek. Spor o Unor. Unor 1948 základ vítězství socialismu v Československu. Praha, 1973, s. 214—216.

Образование Чехословацкой республики в 1918 г., произошедшее под могучим влиянием Великого Октября, вызвало большие надежды в широких слоях пролетариата, у всех трудящихся. Однако отсутствие в то время у чехословацкого рабочего класса подлинно революционной партии и предательство правых и центристских лидеров социал-демократии, обусловили, что пролетариат, который был основной движущей силой национально-освободительной, демократической революции в стране, не смог добиться перерастания ее в социалистическую. Буржуазия, вставшая во главе нового национального государства, в силу своей классовой ограниченности, не была способна разрешить ни одной из тех назревших проблем, которые стояли в это время перед страной: ни обеспечения социальной справедливости, ни установления подлинно-равноправных отношений между чехами и словаками, ни создания прочных гарантий самостоятельности республики и ее безопасности от агрессии извне. Политика правящих кругов домюнхенской буржуазной республики привела страну на грань национальной катастрофы. Самыми последовательными борцами за национальную независимость ЧСР, за социальную справедливость для всех ее граждан и национальное равноправие ее народов были коммунисты. Они возглавили движение в защиту республики и в период оккупации стали ведущей политической силой чешского и словацкого народов в антифашистской, национально-освободительной борьбе.

Борьба рабочего класса, широких трудящихся масс Чехословакии вступила в новый этап к концу второй мировой войны, когда в результате всемирно-исторических побед Советского Союза над германским фашизмом, приближения Советской Армии к границам Чехословацкой республики и в ходе освобождения советскими войсками чехословацких земель от гитлеровского ига создались благоприятные условия для перерастания антифашистского национально-освободительного движения чешского и словацкого народов в национально-демократическую революцию. Началом этой революции стало Словацкое национальное восстание, в ходе которого осуществлялись политические и экономические преобразования. «Это было великое, революционное народное выступление, выдающийся вклад в освобождение нашего государства, в его демократическую и социалистическую ориентацию»⁵, — указывал Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак в своей речи на митинге в Банской Быстрице 29 августа 1974 г., посвященном 30-летию Словацкого национального восстания.

Майское народное восстание 1945 г. в Чешских землях, всыхнувшее с приближением Советской Армии, способствовало дальнейшему углублению национально-демократической революции. Оно знаменовало революционный переворот, обусловило становление нового народно-демократического государства, вступившего на путь коренных социальных преобразований.

Национально-демократическая революция в Чехословакии, так же как и революции в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, развернулась в обстановке происходивших на мировой арене существенных изменений в пользу сил социализма и прогресса. Всемирно-исторические победы Советской Армии над войсками фашистской Германии, определившие поражение фашизма во второй мировой войне, мощный подъем народного движения в оккупированных гитлеровцами странах и в государствах-сателлитах гитлеровской Германии, могучий рост симпатий в широких народных массах всего мира к Советскому Союзу и к идеям социализма, усиление национально-освободительной борьбы в колониях и полуко-

⁵ G. H u s á k. Projev na shromáždění k 30 výročí SNR v Banske Bystrici. «Rudé právo», 30 srpna 1974.

лониях — все это обусловило принципиальные сдвиги во всем международном развитии, ослабление позиций мирового капитализма и усиление всех прогрессивных, демократических, революционных сил. Революционный процесс перехода от капитализма к социализму, начатый Великим Октябрем, вступил в новую фазу. Развернулся новый этап мировой социалистической революции, обусловивший выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему. Национально-демократическая революция в Чехословакии — одной из самых развитых в промышленном отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы — представляла собой важную составную часть этого общего революционного процесса, главным содержанием которого были развертывавшиеся народно-демократические революции в ряде стран Европы и Азии.

Основными задачами национально-демократической революции являлись освобождение страны от гитлеровской оккупации и переустройство общественных отношений в республике на демократических принципах. Создание новых органов власти — национальных комитетов, выражавших волю подавляющего большинства народа, антифашистские, демократические преобразования; передача в народное управление крупных предприятий, конфискованных у оккупантов и коллаборационистов, переход земель, отобранных у предателей, в руки беднейшего и среднего крестьянства и другие — коренным образом изменяли экономический и политический строй и создавали предпосылки для дальнейшей социалистической ориентации. Характер этих преобразований определялся в принятой 5 апреля 1945 г. Кошицкой правительственной программе, на основе которой произошло объединение всех сил, принимавших участие в антифашистской, национально-освободительной борьбе, и была создана широкая народная коалиция — Национальный фронт чехов и словаков. Гегемоном этой коалиции был рабочий класс во главе с КПЧ, которая, борясь за доведение до конца антифашистского демократического этапа революции, выступала за социалистическую ориентацию в развитии страны. В Кошицкой программе, намечавшей широкий круг преобразований антифашистского и общедемократического типа, указывалось на невозможность возврата к условиям буржуазной домюнхенской Чехословакии, к тому, чтобы «в освобожденной республике преобладали своекорыстные интересы паразитических лиц и групп над интересами трудового народа города и деревни»⁶.

С освобождением страны от гитлеровской оккупации, установлением народно-демократической власти и проведением ряда демократических преобразований в мае 1945 г. были решены главные задачи национально-демократической революции.

Выражая интересы рабочего класса и всех трудящихся, КПЧ выступала за дальнейшую демократизацию общественного и политического строя, за расширение и углубление революционных преобразований. Для осуществления этих целей необходимы были изоляция буржуазии, разоблачение ее политических устремлений и классово ограниченной, воспитание масс на их собственном политическом опыте, привлечение их на сторону социализма. КПЧ развернула большую политическую и организаторскую работу в массах. В широких слоях народа все более зрело убеждение в том, что дальнейшее развитие республики должно пойти по иному пути, чем тот путь, по которому шла домюнхенская Чехословакия, что им должен быть путь к социализму при последовательной внешнеполитической ориентации страны на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, которые являлись

⁶ «Program prvé domácí vlády republiky Národní fronty Čechů a Slováků». Praha, 1945, s. 29.

залогом самостоятельного развития и безопасности нового чехословацкого государства.

Большое значение для упрочения народно-демократического государства имело установление равноправных отношений между чешским и словацким народами. Коренным мероприятием, подрывавшим экономические позиции буржуазии, являлась национализация крупной промышленности, банков и страховых компаний.

В процессе классовой борьбы рабочий класс во главе с КПЧ добивался осуществления таких преобразований, которые, будучи направлены в первую очередь против предателей и коллаборационистов, вместе с тем подрывали позиции буржуазии и усиливали социалистическую перспективу развития страны. В связи с этим, буржуазия, поддерживавшая преобразования антифашистского характера, стала переходить к открытому сопротивлению дальнейшему развитию революции, пыталась затормозить развертывание революционных процессов в стране.

КПЧ, опираясь на все более растущую поддержку трудящихся масс, проводила курс на дальнейшее мирное перерастание национально-демократической революции в социалистическую. Этот курс партии с особой силой подчеркнул состоявшийся в марте 1946 г. VIII съезд КПЧ. Выступая на нем, К. Готвальд указывал, что «главной задачей является сохранение и укрепление народного, демократического характера государства», а также «последовательное проведение в жизнь и дальнейшее творческое развитие всего того, что было начато нашей национальной и демократической революцией»⁷.

Борьба по вопросу дальнейшего развития страны усилилась внутри Национального фронта между КПЧ, с одной стороны, и политическими партиями, все более отчетливо выражавшими интересы буржуазии — национально-социалистической, народной и словацкой демократической партиями, в которые вступило немало бывших членов запрещенных буржуазных партий — аграрной, живностенской и других. Точку зрения буржуазии на перспективы дальнейшего развития страны довольно недвусмысленно выразил в это время лидер национальных социалистов П. Зенкл, который заявил, что де каждая революция, безусловно, должна когда-нибудь закончиться.

Однако вопреки надеждам буржуазии соотношение классовых сил в стране продолжало меняться в пользу рабочего класса, активно выступавшего под руководством КПЧ за дальнейшее проведение антикапиталистических мероприятий, за перерастание революции в социалистическую. Свидетельством этого явились выборы в Законодательное Национальное собрание, которые проходили в обстановке острой политической борьбы, злейшей антикоммунистической кампании, развернутой руководством национально-социалистической, народной и словацкой демократической партий, стремившихся повернуть развитие страны вспять. Несмотря на то, что на выборах в Словакии демократической партии, использовавшей в своих политических целях все антинародные силы — от глинковского подполья до католической церковной иерархии, — удалось добиться временного успеха, результаты выборов по стране в целом, в которых КПЧ получила 38% всех голосов, ярко свидетельствовали о том, что ведущей силой нации становятся коммунисты. Предложенная главой нового правительства К. Готвальдом «Созидательная программа» выдвигала в качестве главной цели укрепление народно-демократического строя и дальнейшее развитие основных завоеваний национально-демократической революции.]

⁷ К. Г о т в а л ь д. Избранные произведения, т. II, с. 134.

В процессе реализации этой программы коммунисты привлекали на свою сторону все более широкие массы трудящихся. Добиваясь принятия предложенных КПЧ еще осенью 1946 г. проектов шести сельскохозяйственных законов, коммунисты выдвинули в апреле 1947 г. на собрании крестьян в Градце-Кралове требование раздела всех земельных владений свыше 50 га, т. е. полной ликвидации помещичьего землевладения. Это способствовало росту авторитета компартии среди трудового крестьянства, все более активной поддержке ее политики. Особое значение в борьбе за победу социалистической революции имели решения январского пленума ЦК КПЧ 1947 г., на котором партия провозгласила лозунг «За большинство нации». Претворение его в жизнь означало сплочение вокруг КПЧ подавляющего большинства национальных сил, укрепление и расширение ведущей роли рабочего класса среди широких слоев народа, создание решающего перевеса сил для мирного перехода к социалистической революции.

Обострившаяся внутривластная обстановка в Чехословакии осложнялась усилением противоборства двух общественных систем на международной арене. В условиях резко выраженных стремлений американского империализма к установлению мирового господства, взятого в это время Западом курса на обострение «холодной войны», империалисты США и других держав предпринимали попытки вмешательства во внутренние дела народно-демократических стран, стараясь задержать и повернуть вспять их историческое развитие.

Одним из средств достижения своих целей империалисты США считали в это время «план Маршалла», при помощи которого они рассчитывали остановить развитие революционных процессов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и ликвидировать народно-демократический строй.

Летом 1947 г. усилилась борьба политических партий Чехословакии по вопросу о внешнеполитической ориентации республики. Буржуазия развернула широкую кампанию за принятие «плана Маршалла», рассчитывая с его помощью оторвать ЧСР от Советского Союза и реставрировать в стране капиталистические порядки. КПЧ еще раз подтвердила свою глубокую верность неизменному курсу на дружбу с Советской страной, горячо пропагандируя в массах выдвинутый К. Готвальдом знаменитый лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!»

Опираясь на поддержку широких масс трудящихся, КПЧ добилась принятия правительством 10 июля 1947 г. решения об отказе от участия в «плане Маршалла», что явилось еще одним поражением буржуазии. Поляризация внутренних классовых и политических сил по проблемам международной политики ЧСР еще более углубилась⁸.

Буржуазия надеялась использовать в своих целях неурожай 1947 г. и связанные с ним продовольственные затруднения. В этих условиях помощь Советского правительства, которое предоставило чехословацкому народу около 600 тыс. т хлеба и кормов, спутала карты чехословацкой буржуазии и западного империализма, явилась ярким доказательством последовательной интернационалистской позиции Советского государства⁹.

Во второй половине 1947 г. развернулась упорная борьба между демократическими и реакционными силами по вопросам о характере и правах национальных комитетов, о включении в Национальный фронт массовых организаций трудящихся (в том числе «Революционного профсоюзного движения»), о направлении дальнейшего развития вооруженных сил рес-

⁸ «Únorové vítězství pracujícího lidu v roce 1948 a jeho revoluční odkaz». Vydává oddělení propagandy a agitace ÚV KSČ. prosinec. 1972, s. 13.

⁹ «Přehled dějin KSČ». Praha, 1976, s. 242.

публики, преодолении последствий неурожая и засухи и выдвинутом в связи с этим предложением коммунистов о «налоге на миллионеров» и т. п.

В Словакии, где в связи с антинародной политикой руководства демократической партии, возник серьезный политический кризис, коммунисты, опираясь на широкую поддержку со стороны трудящихся (решения съезда заводских советов, съезда Союза словацких партизан, общесловацкой крестьянской конференции), добились создания нового Корпуса уполномоченных во главе с Г. Гусаком, в котором демократическая партия утратила свои преобладающие позиции. Это имело большое значение для развития революции. Словацкие коммунисты стали ведущей силой большинства трудящихся Словакии.

Политическая борьба в стране резко обострилась. В порядок дня встал вопрос «кто — кого»; чехословацкое общество стояло перед альтернативой: либо рабочий класс под руководством КПЧ обеспечит дальнейшее развитие страны по пути социализма, либо буржуазия сумеет ликвидировать завоевания национально-демократической революции.

Национально-социалистическая, народная и словацкая демократическая партии создали внутри Национального фронта антикоммунистический блок. Они стремились изолировать компартию, разбить Национальный фронт изнутри и, добившись отставки правительства К. Готвальда, поставить у власти новое, буржуазное правительство. К блоку реакционеров примкнуло и правое крыло социал-демократической партии.

Видя растущее влияние коммунистов в массах, руководители антикоммунистического блока решили, не дожидаясь выборов в Национальное собрание, которые были намечены на май 1948 г., организовать реакционный путч¹⁰.

Поводом для этого выступления явились меры, проведенные министерством внутренних дел по реорганизации Корпуса национальной безопасности и удалению из него лиц, скомпрометировавших себя в период фашистской оккупации или имевших дисциплинарные взыскания. Министры от национально-социалистической, народной и демократической партий 20 февраля 1948 г. подали в отставку, стремясь парализовать деятельность законного правительства, добиться ухода министров-коммунистов во главе с К. Готвальдом и сформирования нового, послушного им чиновничьего кабинета. Вызванный буржуазией правительственный кризис перерос в решающее противоборство между силами демократии и прогресса, с одной стороны, и силами реакции, с другой, за дальнейший путь развития страны.

Коммунистическая партия Чехословакии в этих трудных условиях обратилась к массам. От имени партии К. Готвальд на стотысячном митинге, состоявшемся 21 февраля на Староместской площади, изложил ее принципиальную позицию в отношении разрешения кризиса: принять отставку реакционных министров и пополнить правительство действительными сторонниками сотрудничества всех прогрессивных сил на базе Национального фронта. В то время как представители буржуазии сосредоточили свою деятельность на закулисных переговорах, возлагая при этом особые надежды на президента Бенеша, коммунисты ориентировались на массовые организации трудящихся: «Революционное профсоюзное движение», крестьянские комитеты и другие. По инициативе компартии по всей стране начали создаваться комитеты действия Национального фронта,

¹⁰ Позже лидер бывшей демократической партии И. Леттрих писал: «Некоммунисты оказались в Феврале перед альтернативой. Или позволить коммунистам продолжать подготовку к завоеванию большинства, или выступить против и вызвать правительственный кризис». J. L e t t r i c h. History of Modern Slovakia. New York, 1955, p. 157.

ставшие действенным орудием мобилизации масс и сыгравшие решающую роль в очищении органов народной власти, политических партий и общественных организаций от реакционных сил. Плечом к плечу с коммунистами в комитетах действия выступали беспартийные представители массовых организаций, левые социал-демократы и деятели левых течений в других партиях Национального фронта¹¹.

КПЧ сплачивала массы, организовывала и развертывала массовые народные акции против незаконных действий реакционных сил, в защиту народно-демократического строя, разоблачала предательскую политику буржуазии. Массовые манифестации в поддержку политики КПЧ состоялись в Братиславе, в областных и многих районных центрах страны. В Братиславе на демонстрации трудящихся 21 февраля 1948 г. выступил председатель Корпуса уполномоченных Г. Гусак. Он заявил, что трудовой народ Словакии должен дать «убедительный ответ реакционному руководству демократической партии, которое стремится к свержению народной демократии в нашем государстве»¹².

Делегация рабочих крупнейших заводов Праги, Кладно и Пльзена потребовала от президента Бенеша принятия отставки реакционных министров. Проходивший в эти дни в Праге учредительный съезд Союза чехословацко-советской дружбы заявил о своей полной поддержке курса КПЧ на создание в стране социалистического общества. Гарантией претворения этого в жизнь являлись, по глубокому и единодушному убеждению всех участников съезда, тесная дружба и сотрудничество с Советским Союзом.

22 февраля открылся общегосударственный съезд заводских комитетов и профсоюзных организаций, на котором присутствовало 8 тыс. делегатов, представлявших 2 млн членов «Революционного профсоюзного движения». Подавляющее большинство его участников потребовало принять отставку буржуазных министров и разрешить созданный правительственный кризис таким путем, который предлагала КПЧ.

Единство трудящихся Чехословакии проявилось с особой силой в ходе всеобщей забастовки, которая состоялась 24 февраля. В могучей политической акции приняло участие 2,5 млн рабочих и служащих, решительно поддержавших политику КПЧ. Это оказало решающее влияние на весь ход событий.

Реакция вынуждена была отступить. Под давлением народных масс 25 февраля Э. Бенеш принял отставку буржуазных министров и назначил по предложению К. Готвальда новое правительство Национального фронта. Это была историческая победа рабочего класса, всех трудящихся Чехословакии, ознаменовавшая начало нового этапа в развитии страны — этапа строительства основ социализма.

Оценивая значение Февральских событий, К. Готвальд подчеркивал: «...В феврале, если мы будем рассматривать его с точки зрения внутривнутриполитической, речь шла о том, будет ли успешно продолжаться наше народно-демократическое развитие по пути к социализму, не будет ли оно нарушено, повернуто вспять, что было бы началом возвращения вновь к домюнхенскому периоду, периоду капитализма. Так же как 1920 г. после первой мировой войны предрешил дальнейшее развитие домюнхенской республики, так и февраль 1948 г. предрешил дальнейшее развитие свободной народно-демократической республики, лишь только с прямо противоположными результатами. Если декабрь 1920 г. означал победу реакции и начало упрочения капиталистического режима в домюнхенской республике, то Февраль 1948 г. означал решительное поражение реакции, упрочение народно-

¹¹ «Přehled dějin KSČ», s. 247—248.

¹² G. H u s á k. Z bojů o dnešek 1944—1950. Praha, 1973, s. 406.

демократического строя и открыл путь к быстрому продвижению по пути социализма»¹³.

Победный февраль явился блестящим подтверждением правильности стратегической и тактической линии КПЧ, подлинным триумфом ее руководящей, направляющей роли. В дни решающего политического сражения с буржуазией широкие массы трудящихся оказали безграничное доверие и полную поддержку КПЧ, политика которой выражала коренные интересы народа. КПЧ смогла одержать знаменательную победу в политическом противоборстве с буржуазией мирным путем, используя парламентские формы борьбы и опираясь на растущее движение и давление широких масс снизу. Выступая за мирное развитие революции, чехословацкие коммунисты, вместе с тем, не исключали того, что буржуазия может оказать рабочему классу вооруженное сопротивление. Это особенно важно подчеркнуть, потому что иногда проявляется тенденция трактовать опыт февральских событий в качестве доказательства того, что целей социалистической революции можно достигнуть и «чисто парламентским путем», путем соглашений с буржуазными партиями, без применения какого бы то ни было давления на буржуазию.

Борьба широких слоев народа под руководством КПЧ, ее продуманная политическая линия и ее гибкая тактика, направленная на изоляцию буржуазии путем выдвижения и проведения в жизнь все более радикальных общественно-политических преобразований, обеспечившие воспитание масс на собственном политическом опыте,— все это явилось решающим условием победы, одержанной в Феврале. КПЧ руководствовалась ленинским учением о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, творчески использовала опыт КПСС и международного коммунистического движения в борьбе за революционное преобразование общества.

Важным внешнеполитическим фактором Февральской победы явилось новое соотношение сил на международной арене. Союз народно-демократической Чехословакии с СССР, мощь и огромный авторитет Советской страны предотвратили возможность вооруженной интервенции империализма и обеспечили благоприятные условия для развития страны по социалистическому пути.

Февраль 1948 г. оказал решающее воздействие не только на внутриполитическое, но и на международное положение Чехословацкой республики. К. Готвальд отмечал: «...С точки зрения внешнеполитической речь шла о том, пойдет ли и в будущем наша республика дальше непоколебимым путем сотрудничества с Советским Союзом, сотрудничества с другими славянскими народами, путем сотрудничества с народно-демократическими государствами в Центральной и Юго-Восточной Европе, или будет оторвана от этого прогрессивного, демократического блока и снова станет объектом политики империалистов Запада. Также и в этом отношении февральские события явились прямым и однозначным решением в том смысле, что наша народно-демократическая республика не только будет проводить свой предшествовавший курс на союз с Советским Союзом и другими славянскими народами, но еще более тесно примкнет к этому союзу и будет это последовательно осуществлять на практике»¹⁴.

Великие заветы и традиции победоносного Февраля 1948 г. получили яркое воплощение и развитие в борьбе трудящихся Чехословакии за превращение в жизнь генеральной линии IX съезда КПЧ, принятого им курса на строительство социализма, в успешном создании в стране социалисти-

¹³ K l. G o t t w a l d. Spisy, sv. XIV. Praha, 1958, s. 353.

¹⁴ Ibid., s. 354.

ческого общества, в укреплении дружбы и сотрудничества народов ЧССР с Советским Союзом и другими странами социализма на принципах социалистической интернациональной солидарности. Эти исторические завоевания не удалось поколебать правореволюционным и антисоциалистическим силам в 1968—1969 гг., когда антинародные элементы при поддержке империалистических кругов Запада попытались повернуть развитие страны вспять, лишить ее великих достижений в строительстве социализма, подорвать дружбу народов Чехословакии с Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества. КПЧ обеспечила преодоление кризисных явлений в партии и обществе и мобилизовала народные массы страны на борьбу за укрепление социалистического строя, выдвинула на XIV и XV съездах КПЧ вдохновляющую программу построения в Чехословакии развитого социализма. Важным условием успешного развития ЧССР по пути построения зрелого социалистического общества является дальнейшее укрепление ее дружбы с Советским Союзом, со всеми странами великой семьи социалистического содружества. Говоря о немеркнущих традициях Февральской победы, тов. Г. Гусак подчеркивал: «С Октябрьской революцией, с Советским Союзом была с самого начала неразрывно связана вся борьба нашей партии и прогрессивных сил нашей страны. Исторический опыт мюнхенского предательства, войны и освобождения привел наш народ к убеждению, что единственной долговременной и надежной гарантией национальной свободы и нашей государственности, нашей независимости и мирного развития является прочная дружба с Советским Союзом»¹⁵. В приветствии Союзу обществ советско-чехословацкой дружбы Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев указывал: «Нас глубоко радует, что год от года крепнет наше политическое и экономическое сотрудничество, углубляются духовные связи трудящихся СССР и ЧССР, становится все более многогранной нерушимая чехословацко-советская дружба»¹⁶.

Великие традиции Февраля и ныне лежат в основе непоколебимой дружбы народов Чехословакии и Советского Союза, идущих рука об руку, вместе с народами всего мирового социалистического содружества, по пути социализма и коммунизма, совместно борющихся за мир, за разрядку международной напряженности, безопасность и светлое будущее всех народов земного шара.

---

¹⁵ Г. Г у с а к. Избранные статьи и речи. М., 1973, с. 937.

¹⁶ Л. И. Б р е ж н е в. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 5. М., 1976, с. 258.

С. А. ШЕРЛАЙМОВА

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЗДЕНЕКА НЕЕДЛЫ

Социалистическая культура дала миру целые созвездия блестящих талантов во всех областях искусства и науки. Она выдвинула и такие фигуры, значение которых невозможно ограничить рамками какой-либо одной или даже нескольких областей — фигуры поистине «культуротворные», оказавшие воздействие на сам облик духовной жизни своего народа. К таким фигурам принадлежит Зденека Неедлы, роль которого в становлении и развитии чешской социалистической культуры можно сопоставить с ролью А. Луначарского — в советской или Т. Павлова — в болгарской культуре.

Человек энциклопедических знаний, разносторонний ученый — историк, литературовед, музыковед — Неедлы в то же время обладал ярким темпераментом общественного и политического деятеля, журналиста, редактора, организатора науки. В его личности и творчестве словно бы воплотилась живая связь чешской национальной культуры прошлого и культуры социалистического общества, отличающее социалистическую культуру единство национального и интернационального.

З. Неедлы начал печататься в конце прошлого века. С самых первых работ, посвященных истории гуситского движения, выдающимся деятелям чешской литературы, среди которых на первое место надо поставить особенно любимого им А. Ирасека, истории чешской музыки и т. п., З. Неедлы соединял преданность идеалам национальной культуры с пристальным вниманием к ее демократическим началам. В своих исходных позициях он отталкивался от методологии культурно-исторической школы. Но большая чуткость к современному идейному брожению, к новым прогрессивным общественным устремлениям, помогала ученому преодолевать позитивистскую ограниченность, идти к большим научным обобщениям, сохраняя при этом исключительное уважение к скрупулезно собранному и проанализированному фактам. Труды Неедлы начала XX в. явились высшим достижением чешского домарксистского литературоведения и музыковедения. На них смело могла опереться молодая чешская марксистская литературная и художественная критика 20-х годов.

Но Неедлы был не только предшественником чешской марксистской критики и эстетики. Будучи профессором Карлова университета в Праге, он в буквальном смысле этого слова был учителем целого ряда ее ведущих представителей, среди которых надо назвать имена Ю. Фучика, И. Волькера, Б. Вацлавека. Более того, своими собственными трудами 20—30-х годов Неедлы внес исключительно важный вклад в процесс становления марксистской литературной и художественной критики Чехословакии, так что его по праву считают одним из ее основоположников.

Начало 20-х годов, отмеченное бурным подъемом революционной литературы, было периодом усиленных эстетических исканий, выработки программы нового пролетарского искусства. Со статьями по этим вопросам выступали поэты С. К. Нейман, Й. Гора, И. Волькер, молодые критики Ю. Фучик, А. М. Пиша, Б. Вацлавек и др. Они выдвинули концепцию пролетарского искусства, отвечающего взглядам и стремлениям трудящихся масс, служащего их интересам и противостоящего своим коллективизмом, оптимизмом и боевым духом индивидуалистическому и упадническому искусству буржуазной эпохи. З. Неедлы горячо поддержал новую программу искусства. Достаточно напомнить, что знаменитый доклад И. Волькера о принципах пролетарского искусства был прочитан в марте 1922 г. на вечере, организованном журналом З. Неедлы «Вар», что именно на страницах этого журнала публиковались теоретические статьи И. Волькера, которые явились важными программными документами молодой революционной литературы.

Неедлы не ограничился простой поддержкой нового искусства, он принял непосредственное участие в разработке его основ, подойдя к этой проблеме как ученый, как историк культуры.

Гора, Нейман, Волькер, Фучик стремились выработать программу пролетарской литературы, определить ее наиболее характерные черты, ведущие творческие принципы. Что же касается Неедлы, то он попытался определить место нового этапа развития культуры в общей истории национальной культуры, связать этот этап с наиболее перспективными моментами в предшествующей эволюции, выявить соотношение революционного и национального в новом культурном творчестве.

Образование в 1918 г. чехословацкого буржуазного государства сопровождалось стремлениями его идеологов спекулировать на национальных традициях, на лозунге национального единства, противопоставленного идеям классовой борьбы. Известный ревнитель национальной традиции, З. Неедлы перешел в тот момент на сторону оппозиции официальной буржуазной идеологии. Он выдвинул новую трактовку принципа верности литературы делу нации и национальной традиции. Служение литературы нации он решительно трактует теперь как ее служение народу, т. е. трудящемуся большинству. Обращаясь к классикам чешской литературы, Неедлы противопоставляет их современным националистическим писателям, не способным, по его убеждению, создать значительные художественные произведения в силу своей оторванности от народных масс. Так, в одной из статей того времени Неедлы пишет, что у В. Дыка, занявшего в буржуазной республике крайне правую политическую позицию, «национального сознания столько, что по сравнению с ним Немцова, Гавличек, Маха и другие со своим национальным самосознанием чуть ли не должны были бы быть посрамлены. Но вот внутренней слитности с национальным коллективом нет у этих сегодняшних художников, и поэтому при всем их желании они не могут создать таких подлинно национальных произведений»¹.

Актуализацию лучших традиций прошлого Неедлы использовал и для разоблачения официальной демагогии, этими традициями спекулировавшей, и для ориентирования в правильном направлении новой, рождающейся революционной культуры. Так, в 1921 г., в связи с юбилеем К. Гавличка-Боровского, З. Неедлы призывал: «Читайте Гавличка, учитесь понимать, какой это был смелый, свободный дух, учитесь у него этой свободе, — и тогда вы прозреете, тогда вы поймете, что нужно делать сегодня»².

Позиция Неедлы оказала существенное воздействие на формирование

¹ «Z. Nejedlý o literatuře». Praha, 1953, s. 671—672.

² Ibid., s. 301.

взглядов молодого поколения чешских писателей и критиков. Это воздействие явственно ощущается, например, в статьях Волькера, в его обращении к традициям Гавличка и Эрбена, в том, что молодое поколение чешской литературы вообще не было сколько-нибудь заметно заражено нигилизмом по отношению к классическому наследию.

Большое значение в тот ответственный период закладывания основ марксистской литературной критики имели выступления Неедлы о роли критики в современной культурной жизни, о качествах, необходимых для человека, решившего посвятить себя нелегкому критическому ремеслу. Неедлы доказывал, что серьезным критиком может быть лишь тот, кто имеет вполне сложившиеся взгляды на искусство, развитый вкус и, не в последнюю очередь, подлинно творческую индивидуальность. В качестве образца он выдвигал Ф. К. Шальду, который от лозунга индивидуализма сумел прийти к одобрению коммунистической направленности молодого творчества. Вместе с тем Неедлы подчеркивал, что, если от критиков всегда требуется много редких качеств, то тем более это необходимо для выступающих в рабочей печати.

В работах Неедлы того периода отчетливо выявляется классовый подход к проблемам культуры. Он решительно отвергает прекраснотушные рассуждения о «надклассовости» культуры. Осознанная классовость становится для него одним из важнейших критериев оценки выступлений молодой марксистской критики, за развитием которой он следит с неослабевающим вниманием, всегда готовый прийти на помощь, сказать свое слово в разгоревшемся споре.

Исключительно важную роль сыграл З. Неедлы в развитии связей передовой чехословацкой культуры с советской культурой.

Большой интерес к русской культуре, к русской литературе и общественной мысли был характерен для З. Неедлы уже в молодые годы. В 1900 г. 22-летний З. Неедлы впервые приезжает в Россию, знакомится с русской культурой, посещает Л. Н. Толстого. Горячую привязанность к русской культуре чешский ученый пронес через всю свою жизнь. Он был среди тех выдающихся деятелей мировой культуры, кто с открытым сердцем воспринял идеи Великой Октябрьской социалистической революции, увидев в них величайший пример и импульс для развития передовой культуры всего мира. В 1925 г. Неедлы выступил одним из основателей «Общества экономического и культурного сближения с новой Россией». В составе делегации этого общества он посетил в 1925 г. Советский Союз, чтобы затем выступить у себя на родине пропагандистом достижений советского народа и советской культуры. Неедлы основывает и редактирует журнал «Новое Руско», заботится о переводах книг советских авторов и т. п.

На протяжении 20—30-х годов не было ни одного сколько-нибудь заметного события в области прогрессивной культуры, в котором так или иначе не сказывалось участие З. Неедлы, его позиция, его авторитет. Он поддерживал линию КПЧ в сложной и напряженной обстановке после V съезда (1929 г.), когда некоторые видные писатели оказались в оппозиции партийному руководству.

В 1936 г. З. Неедлы выступил одним из основателей Комитета помощи демократической Испании. Он побывал на испанских фронтах, неутомимо пропагандировал дело испанской революции, помогал эмигрантам-антифашистам из гитлеровской Германии, работал по организации единого фронта чешской культуры против фашизма. И в то же время он ни на один месяц не прекращает своей научной работы, пишет статьи, исследования, книги, в том числе многотомные монографии о Б. Сметане, В. И. Ленине, Т. Г. Масарике.

Многие советские историки и литературоведы-слависты имели счастли-

вую возможность лично знать З. Неедлы и учиться у него как у профессора МГУ в период Великой Отечественной войны, когда ученый жил и работал в Москве, совмещал педагогическую и научную деятельность с участием в подготовке к созданию будущей социалистической Чехословакии.

З. Неедлы был автором раздела о культуре Кошицкой программы — первой программы нового чехословацкого правительства. В этой программе была четко сформулирована цель — создать новую культуру, подлинно демократическую, отвечающую духу лучших национальных традиций, культуру народную и прогрессивную.

Строительство народно-демократической культуры явилось одним из самых трудных участков борьбы за новую Чехословакию, ибо, как это было записано в Кошицкой программе: «Шесть лет оккупации нанесли нам не только материальный ущерб. Не менее велик и с точки зрения последствий особенно опасен тот моральный и интеллектуальный урон, который мы потерпели от поработителей...»³.

Работа в области новой культуры была тем более сложна, что во время гитлеровской оккупации Чехословакии КПЧ потеряла целый ряд выдающихся критиков-марксистов, зарекомендовавших себя талантливыми организаторами культурной жизни. В фашистских лагерях и застенках погибли Ю. Фучик, К. Конрад, Э. Уркс, Б. Вацлавек. История сложилась так, что после войны З. Неедлы вместе с Л. Штоллом, В. Пекареком и молодыми критиками выступил продолжателем дела своих собственных учеников — погибших борцов-антифашистов.

По возвращении на родину З. Неедлы был назначен министром культуры и просвещения Чехословакии, впоследствии он стал первым президентом Чехословацкой академии наук, оставаясь на этом посту до самой своей смерти в 1962 г.

С присущей ему широчайшей эрудицией, научной обстоятельностью и неиссякаемой энергией Неедлы включился в борьбу за новую социалистическую культуру Чехословакии. Обладая прекрасным чувством нового, прогрессивного, он в то же время решительно выступал против разного рода вульгаризаторских тенденций. Для Неедлы было характерно неослабное внимание к бережному сохранению лучшего из отечественных культурных традиций, а также к укреплению связей с советской культурой и с культурой других славянских стран, которые, как и Чехословакия, вступили после второй мировой войны на путь движения к социализму. Эти идеи убедительно раскрываются в трудах Неедлы, вышедших в свет в первые послевоенные годы: «Коммунисты — наследники великих традиций чешского народа» (1946), «Великие личности» (1948), «За культуру национальную и народную» (1948) и т. д. В этом же духе были выдержаны выступления З. Неедлы на различных съездах и конференциях работников культуры, например на знаменитом Съезде национальной культуры в марте 1948 г., на котором была намечена программа нового культурного развития страны после окончательного поражения реакции в феврале 1948 г. Этими же принципами руководствовался З. Неедлы и в деле перестройки народного просвещения и культурно-просветительной работы в стране, и в проведенной линии возобновленного им после войны культурно-политического журнала «Вар».

Одним из первых после войны З. Неедлы принялся за разработку теоретических проблем социалистического реализма, опираясь на богатейший опыт литературных боев межвоенного периода и свою прекрасную осведомленность о достижениях международной, и прежде всего советской, эстетической мысли. Выдвигая перед послевоенной чешской литературой лозунг

³ «KSC a kultura», díl. 1. Praha, 1973, s. 222.

социалистического реализма, Неедлы сразу же предупреждал против упрощенного понимания этого метода, которое может лишь нанести вред развитию нового литературного направления. Незадолго до I съезда чехословацких писателей (съезд состоялся в марте 1949 г. и принял в качестве своей программы задачу «использования метода социалистического реализма») Неедлы выступил со статьей «О реализме подлинном и мнимом», полемически заостренной против тенденций вульгаризации в понимании нового метода.

«Мы боремся, — писал З. Неедлы, — не за реализм вообще, а за социалистический реализм, так же как характер нашей действительности определяется борьбой за социализм, движением к социализму»⁴. Но вместе с тем, и в этом заключался главный пафос статьи, ратовавшей за *высокохудожественное* социалистическое искусство, — он категорически отказывался делать скидки на добрые намерения писателя, если они не нашли в произведении полнокровного художественного воплощения.

Эти идеи З. Неедлы отстаивал и в своем выступлении на I съезде чехословацких писателей, где он уделил особое внимание актуальным задачам литературной критики. Неедлы признавал только критику творческую: «Не комментаторская, референтская деятельность, а именно творческая работа, с собственной программой и целью»⁵. Он подчеркивал, что для осуществления своей воспитательной и руководящей роли критике необходимо ясное представление о наличных литературных силах, о возможных союзниках, о противниках и оппонентах, умение точно выбрать литературную тактику. Врага, говорил Неедлы, — «мы должны бить немилосердно. Когда же речь идет о дружбе, о союзнике, задача критики состоит в том, чтобы посоветовать, помочь, если он в чем-то ошибается. В противном случае критика может причинить много зла». И далее: «Естественно, что и на нашей стороне баррикады существуют писатели различных направлений — я имею в виду литературные направления, а не идеологические или политические. Но это нам ни в коей мере не мешает, ибо нам вовсе не нужен униформизм. Напротив, в нашем литературном лагере должно быть живо, здесь должно быть богатство сюжетов и форм»⁶.

Выступления З. Неедлы о характере социалистической литературы, о задачах современной критики, о тактике борьбы за принципы социалистического реализма имели значение не только для рубежа 40-х и 50-х годов, когда эта борьба только начинала приобретать широкий размах. Эти его рассуждения остаются актуальными и в настоящее время, ибо они основаны на глубоком понимании природы искусства и его роли в жизни социалистического общества.

Труды З. Неедлы по вопросам социалистического реализма, по вопросам многообразия социалистического искусства поистине входят в золотой фонд чешской марксистской эстетики. Не случайно, что ревизионистская критика 60-х годов стремилась всячески принизить значение З. Неедлы, замолчать его наследие, отказать ему в «научности». Борьба против подобных тенденций, развернувшаяся в чехословацком литературоведении и критике после преодоления общественно-политического кризиса 1968—1969 гг., закономерно включала в себя борьбу за возрождение традиций, заложенных З. Неедлы, за глубокое и всестороннее изучение его трудов, его роли в развитии чешской социалистической культуры.

В этом отношении уже сделано немало. Издаются труды З. Неедлы, специальный Кабинет З. Неедлы Института чешской и мировой литерату-

⁴ Z. N e j e d l ý. Z české literatury a kultury. Praha, 1962, s. 341.

⁵ «Od slov k činům», Praha, 1949, s. 27.

⁶ Ibid., s. 32.

ры ЧСАН развертывает работу по созданию научной библиографии его работ, по изучению его биографии, по исследованию различных аспектов разносторонней деятельности ученого. Вместе с тем очевидно, что вся эта работа находится еще почти в самом начале. Пока еще рано говорить о том, что наследие З. Нееды, состоящее почти из четырех тысяч работ разного характера — от небольших журнальных рецензий до многотомных монографий, освоено и проанализировано в полном своем объеме. Недостаточно изучена методология З. Нееды и логика ее эволюции от культурно-исторических истоков к зрелому марксизму. Не в полной мере учтена роль З. Нееды в процессе становления марксистской литературной критики Чехословакии, в истории литературно-критических боев 20—30-х годов, практически отсутствуют работы, в которых деятельность З. Нееды рассматривалась бы на широком фоне развития мировой литературоведческой науки, искусствознания, историографии, литературно-критической мысли. Такой подход был бы важен не только с точки зрения более глубокой и всесторонней оценки собственно значения великого чешского ученого, но и для уяснения общих путей развития марксистской исторической науки, эстетики и литературной критики в международном масштабе.

Можно надеяться, что столетний юбилей со дня рождения З. Нееды, который широко отмечается в Чехословакии, будет новым импульсом к освоению многогранного наследия этого выдающегося деятеля чешской и мировой науки, одного из основоположников чешской марксистской эстетики и литературной критики, последовательного борца за чехословацкую социалистическую культуру, труды которого остаются актуальными и сегодня.

В. К. ВОЛКОВ

МЮНХЕН: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЮГОСЛАВИИ

Мюнхенский договор изменил международную ситуацию в Центральной и Юго-Восточной Европе. Он означал смертный приговор Чехословакии, покончил с Малой Антантой и сопровождался ломкой договорной системы в Европе. Действия западных держав перечеркнули франко-чехословацкий, а также франко-советский договор о взаимной помощи от 1935 г., обесценили франко-польский союз¹. Повсеместно была подорвана вера в союзническую верность западных держав, что особенно затрагивало малые и средние государства. Направленный против Советского Союза мюнхенский договор создал угрозу свободе и независимости всех европейских народов, открыл гитлеровской Германии путь к развязыванию второй мировой войны².

Исход «чехословацкого кризиса» и мюнхенский договор оказали чрезвычайно глубокое и многостороннее воздействие на страны Юго-Восточной Европы³. В области внутренней политики общий итог сдвигов в соотношении сил в буржуазном лагере был в пользу крайне националистических и открыто фашистских течений. Буржуазно-демократические оппозиционные партии и течения в этих странах, ориентировавшиеся в основном на западные державы, оказались расколотыми. Они отказывались теперь от сотрудничества с коммунистическими партиями в своих странах в борьбе против монархо-фашистских режимов, в борьбе за изменение их внешнеполитического курса.

Мюнхенский договор положил начало процессу пересмотра или серьезных модификаций внешнеполитических концепций всех балканских государств, перед которыми в качестве первоочередного встал вопрос, какая судьба ожидает их в ближайшем будущем. Правящие круги этих стран находили утешение в мысли, что острие гитлеровской агрессии повернуто мюнхенским договором на Восток, против Советского Союза. Отсюда они делали вывод, что будущий конфликт на Востоке позволит им самим остаться в стороне от него, даст им возможность маневрировать между западными

¹ «История внешней политики СССР. 1917—1976». Под ред. А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Изд. 3, т. I. 1917—1945 гг. М., 1976, с. 352.

² Из последних советских исследований, посвященных событиям того времени, следует отметить: В. Я. С и п о л с. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974; И. Д. О в с я н ы й. Тайна, в которой война рождалась. Изд. 2, доп. М., 1975.

³ Особенности позиции стран Юго-Восточной Европы рассматриваются в книгах: А. И. П у ш к а ш. Венгрия во второй мировой войне. Внешняя политика Венгрии (1938—1944). М., 1963; Н. И. Л е б е д е в. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968.

державами и фашистскими государствами. Оценка положения с колокольни узко понятых и эгоистически истолкованных национально-государственных интересов своих стран сказывалась на всем курсе их политики и вела в ряде случаев к ошибочным выводам, политическим заблуждениям и крупным просчетам.

Югославское правительство, возглавляемое М. Стоядиновичем, расценило мюнхенское соглашение как наглядное подтверждение правильности его внешней политики, направленной на приобретение свободы маневрирования между двумя империалистическими группировками и сотрудничество с фашистскими государствами⁴. Оно рассматривало также мюнхенский договор как событие, которое позволит ему укрепить свое положение внутри страны. Вместе с тем «чехословацкий кризис» заставлял обращать особое внимание на проблему национальных отношений в стране, в первую очередь на хорватский вопрос. Правящие круги были полны решимости подавить деятельность буржуазной оппозиции и всех прогрессивных сил страны, выступавших с критикой их политики. Средство же виделось в концентрации всех сил, стоявших на позициях югославского унитаризма, в дальнейшем упрочении правительства «твердой руки» и использовании ряда методов, уже испытанных фашистскими государствами. В число последних входили также хорошо «организованные» выборы с заранее рассчитанным исходом, чтобы придать намеченному курсу видимость «поддержки народа».

Инициатором такого плана выступил М. Стоядинович, по предложению которого правительство в начале сентября 1938 г. рассмотрело вопрос о досрочном проведении выборов в скупщину. Была принята во внимание благоприятная экономическая конъюнктура и прекрасный урожай — обстоятельство немаловажное для страны, где крестьянство составляло три четверти населения. Международное же положение, как полагало правительство, укрепляло престиж Югославии и лично премьера М. Стоядиновича, пользовавшегося доверием фашистских держав и не порывавшего с западными странами. Предложение правительства встретило одобрение принца Павла⁵, и в начале октября было принято решение провести новые выборы в скупщину 11 декабря 1938 г.

В правящих кругах Югославии не было сомнений, что развитие международных событий лишило ветра паруса оппозиции. Не сомневались в этом и иностранные наблюдатели. Так, в беседе с югославским посланником в Риме Б. Христичем 4 октября 1938 г. министр иностранных дел фашистской Италии Г. Чиано, только что вернувшийся из Мюнхена, прямо говорил о своей убежденности, что в результате последних событий югославская оппозиция оказалась полностью разоруженной в борьбе против политики правительства, и «вы, — добавил Чиано, — еще легче сможете теперь уничтожить ее»⁶.

Действительно, оппозиционные партии находились в состоянии растерянности. Политическая платформа оппозиции, зафиксированная в Соглашении от 8 октября 1937 г., предусматривала отмену авторитарной конституции, восстановление демократических свобод, образование «народного правительства», проведение выборов в новую учредительную

⁴ О внешней политике Югославии накануне и в период мюнхенского договора см. В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966.

⁵ M. Stojadinović. Ni rat, ni pakt. Jugoslavija između dva rata. Buenos-Aires, 1963, s. 554.

⁶ «Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata», t. I. Beograd, 1969, dok. № 22, s. 65. Христич (Рим) — Стоядиновичу 4 октября 1938.

скупщину и переустройство страны на федеративных началах⁷. Образованный на этой основе «Блок народного соглашения», в который вошли Крестьянско-демократическая коалиция (Хорватская крестьянская партия и Независимая демократическая партия) и Объединенная оппозиция (сербские Радикальная, Демократическая партии и Земледельческий союз), не имел конкретной программы действий.

Не решаясь на активные выступления, буржуазная оппозиция ограничивалась пропагандистскими жестами. Ее самым крупным пропагандистским мероприятием явился приезд лидера Хорватской крестьянской партии В. Мачека в Белград в середине августа 1938 г. для проведения совместной конференции с сербскими оппозиционными партиями. Принятая там резолюция аргументировала необходимость проведения в жизнь платформы оппозиции ссылками на такое усиление международной напряженности в Европе, которая может перерасти в военное столкновение⁸. В речи, произнесенной в Белграде, В. Мачек открыто дал понять, что нежелание правительства решить хорватский вопрос может в случае войны привести к отказу хорватов от повиновения. «Положение ныне таково, — сказал он, — что я должен заявить вам, что сегодня никто из хорватов это государство защищать не будет»⁹.

Мюнхенский стовор послужил катализатором давно уже проходившей сложной дифференциации в кругах буржуазной оппозиции. В рядах входивших в нее партий крепились левые течения, выступавшие за решительные действия и сотрудничество с компартией (особенно в Демократической партии и Сербском земледельческом союзе). С другой стороны, все более давали себя знать националистические течения, заметно активизировавшиеся в Хорватской крестьянской партии. Дальнейшие пути многих оппозиционных групп и направлений диаметрально расходились. Известия о предстоящих выборах еще более усилили их разногласия. В таких условиях буржуазная оппозиция и представлявший ее «Блок народного соглашения» все больше принимали облик предвыборной коалиции. Его сохранение в значительной степени обуславливалось особенностями действовавшего избирательного закона, по которому партии, не имевшие поддержки по всей стране, не могли выставлять кандидатов.

Германская миссия в Белграде внимательно следила за развитием событий в Югославии и считала, что предстоящие выборы ни в коей мере не повлияют на внешнюю политику правительства и не затронут немецких интересов. Посланник В. Герен придавал особое значение состоянию отношений немецкого меньшинства с югославскими властями. Правительство, — доносил Герен, — уже зондировало настроения лидера Культурбунда сенатора д-ра Г. Грассля относительно сотрудничества в ходе выборов. По мнению посланника, создавались чрезвычайно благоприятные условия для решения проблем, связанных с положением меньшинства, и главные трудности состояли во внутренних раздорах в немецкой национальной группе¹⁰. Борьба различных политических течений среди немецкого меньшинства в Югославии показывала, что захват нацистами руководства национальными меньшинствами за рубежом был не простым делом. Но и здесь им в огромной степени шла на пользу политика попустительства, проводившаяся западными державами.

⁷ T. Stojković. O stvaranju bloka Narodnog sporazuma. «Istorija XX veka», t. VI. Beograd, 1964, s. 288.

⁸ L. Boban. Sporazum Cvetković — Maček. Beograd, 1965, s. 398—399.

⁹ «Hrvatski dnevnik», № 817, 16 VIII 1938.

¹⁰ Auswärtiges Amt, Politisches Archiv, Bonn (далее — AA), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 7—12, Pol IV 6348/38. Герен (Белград) — в Берлин 20 сентября 1938 г. о предстоящих выборах в Югославии.

Проявляло беспокойство и югославское правительство, опасавшееся, как бы национал-социалистская пропаганда не привела к «генлейнизации» немецкого меньшинства в стране¹¹. Такая перспектива проглядывалась в действиях лидеров этого меньшинства. Так, в своем меморандуме правительству о сотрудничестве Г. Грассля предлагал создать единую организацию немецкого меньшинства, которая входила бы в правящий Югославский радикальный союз, но пользовалась бы внутри него политической автономией. Такая организация представляла бы «жизненные интересы» всего немецкого меньшинства¹². В случае осуществления этого плана оно получало бы не только права экстерриториальности, но и существенное влияние на государственный аппарат. Поэтому план Грассля не встретил благожелательного отклика в югославских правящих кругах и не был осуществлен.

Мюнхенская развязка «чехословацкого кризиса» дала мощный толчок процессу дальнейшей нацификации немецкого меньшинства в Югославии. Оно приняло активное участие в подготовке выборов, причем его действия определялись все усиливающимся влиянием на него не только партийных органов НСДАП, но и германской миссии. Посланник Герен, отбросив свою прежнюю сдержанность, стал по сути дела вмешиваться в избирательную кампанию¹³. Так, по его предложению во второй половине октября «Центральное бюро по делам немецких национальных меньшинств» НСДАП направило в Белград своего ответственного сотрудника В. Луига, который на встрече с представителями немецкого меньшинства настаивал на том, чтобы все проживающие в Югославии немцы без различия их политических убеждений проголосовали за правительственный список кандидатов во главе со Стоядиновичем. Результаты этой встречи вскоре проявились на собрании представителей всех течений немецкого меньшинства, состоявшемся в Белграде 25 октября, на котором было объявлено, что голосование за правительственный список является «национальным долгом всех немецких избирателей»¹⁴. События показали, что немецкое меньшинство в после-мюнхенский период все больше становилось послушным орудием гитлеровской Германии, превращалось в ее «пятую колонну» в Югославии. Руководство же этим меньшинством все больше переходило в руки откровенных нацистов во главе с лидером так называемого «обновленческого движения» Я. Авендером.

Мюнхенский стговор резко усилил националистические настроения также и среди двух других неславянских национальных меньшинств в Югославии — венгров и албанцев. Однако их положение сильно отличалось от положения немецкого меньшинства. Среди них не было таких политических течений, которые отождествляли бы себя с господствовавшими в Венгрии и Албании режимами и считали бы, что такое положение дает им право на объединение национального меньшинства в целом и руководство им. Хотя среди венгерского национального меньшинства заметно возросло влияние течений, которые были представлены в самой Венгрии «Ревизионистской лигой», югославские власти сумели заблаговременно заручиться согласием местных руководств отдельных венгерских организаций, что на выборах венгерские избиратели проголосуют за список правительственных кандидатов.

¹¹ D. V i b e r. Nacizem in nemci v Jugoslaviji, 1933 — 1941. Ljubljana, 1966, s. 180.

¹² AA(Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, bl. 7—12, Pol 6348/38. Герен (Белград) — в Берлин 20 сентября 1938.

¹³ Ibid.

¹⁴ D. V i b e r. Ibid., s. 189.

Сложнее обстояло дело в Косово и Метохии, где проживало албанское меньшинство. Эта чрезвычайно отсталая в экономическом и культурном отношении область Югославии отличалась также отсталыми формами политической борьбы. После мюнхенского стовора активизировалась косовская эмиграция в Албании, а албанское правительство, занимавшее до того времени пассивную позицию, поддержало ее действия и проводившуюся среди албанского населения в Югославии ирредентистскую пропаганду, которая преследовала цель вызвать там беспорядки¹⁵. Недостаточная информация албанской прессы компенсировалась обилием слухов, которые вызывали нервное настроение как у населения, так и у властей. Последним удалось склонить к сотрудничеству в ходе предстоящих выборов ряд представителей албанской социальной верхушки.

Но резкое обострение национальных отношений в Югославии в после-мюнхенский период определялось, конечно, не ростом национализма среди неславянских меньшинств, составлявших всего 12% населения страны, а отношениями между славянскими народами, в первую очередь между сербами и хорватами.

Хорватский вопрос стал основной внутренней проблемой Югославии накануне второй мировой войны. Внешнеполитические события не только выдвинули его на первый план, но и привели к перегруппировке сил внутри самого хорватского национального движения. Накануне и в период мюнхенского стовора значительно усилились экстремистские хорватские течения, которые все более решительно выдвигали сепаратистские лозунги. Сепаратистские настроения распространялись и среди определенной части буржуазной молодежи. В начале ноября 1938 г., после Венского арбитража, ареной экстремистских выступлений стал Загребский университет¹⁶.

Преобладающим в Хорватии оставалось влияние Хорватской крестьянской партии, выступавшей за предоставление автономии хорватским областям в рамках Югославии. Она составляла основную силу буржуазной оппозиции в Югославии, а потому отношение ее руководства к проблеме дальнейшего развития страны представляет первостепенный интерес. Отдельные лица в руководстве ХКП, как отмечал внимательно наблюдавший за его настроениями германский консул в Загребе, после мюнхенского соглашения стали открыто заявлять, что «кокетничание с идеей народного фронта и очевидные симпатии к Парижу и Праге были серьезной ошибкой»¹⁷.

В ходе предвыборной кампании ХКП отказалась от выдвижения каких-либо социальных и демократических требований, сосредоточив все свое внимание на национальном вопросе. Ее пропаганда рисовала предстоящие выборы как национальный плебисцит по вопросу о признании за хорватским народом права на самоопределение¹⁸. Во внешнеполитической области ХКП стремилась заинтересовать хорватским вопросом фашистскую Италию. Однако тогда это не увенчалось успехом¹⁹. В тот момент ни фашистские государства, ни западные державы, хотя и по разным причинам, не желали изменений в Югославии и поэтому не проявляли стремления поддержать хорватское национальное движение и повлиять на решение хорватского вопроса.

¹⁵ Z. A v r a m o v s k i. Prilog pitanja italijansko-albanske iredentičke propagande na Kosovu i Metohiji u vreme Minhenske krize i okupacije Albanije. «Istorijski glasnik». Beograd, 1964, s. 128—129.

¹⁶ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 50, Pol IV 8577/38. Фрейндт (Загреб) — в Берлин 16 ноября 1938.

¹⁷ Ibid., Bl. 32, Pol 7828/38. Фрейндт — в Берлин 25 октября 1938.

¹⁸ L. V o b a n. Ibid., 52—53.

¹⁹ L. V o b a n. Oko Mačekovih pregovora s grofom Čano. «Istorija XX veka», t. VI, Beograd, 1964, s. 316—320.

Сербская часть оппозиции находилась в несравненно более сложных условиях. Ее сотрудничество с Крестьянско-демократической коалицией строилось на основе устной договоренности, что обе они будут придерживаться принципов, изложенных в ранее заключенных соглашениях и резолюции от 15 августа 1938 г. Общая политическая платформа, вокруг которой могли бы объединиться все оппозиционные и прогрессивные силы в стране, отсутствовала, хотя все буржуазные оппозиционные партии выставляли своих кандидатов по общему списку, формально возглавлявшемуся В. Мачеком. По взаимной договоренности Крестьянско-демократическая коалиция строила тактику предвыборной борьбы на требовании решения хорватского вопроса, а сербские партии, входившие в Объединенную оппозицию, сосредоточили внимание на проблеме демократизации общественной жизни страны.

Реальный путь к разрешению последней задачи мог открыться только в случае создания народного фронта, идею которого отстаивали югославские коммунисты. Но именно по этому пути категорически отказывались идти сербские оппозиционные партии. Еще весной 1938 г. они исключили из своих рядов группу политических деятелей во главе с И. Рибаром (так называемая «Демократическая левица»), которая выступала за сотрудничество с КПЮ²⁰.

После мюнхенского сговора партии Объединенной оппозиции еще более решительно отреклись от какого-либо сотрудничества с коммунистами. Они вступили в предвыборную коалицию с одной из наиболее реакционных партий в стране — Югославской национальной партией во главе с П. Живковичем и Б. Ефтичем, с именами которых были неразрывно связаны государственный переворот 6 января 1929 г. и диктатура короля Александра²¹.

Отказ всей югославской буржуазной оппозиции от идеи народного фронта сопровождался также существенным пересмотром ею своих внешнеполитических взглядов и концепций. В ходе предвыборной кампании оппозиция отказалась от какой-либо критики внешнеполитического курса правительства Стоядиновича. Более того, лидер словенской части Югославской национальной партии, бывший министр А. Крамер по поручению всех оппозиционных партий посетил в конце октября 1938 г. германского посланника Герена и сообщил ему, что в случае победы оппозиции на выборах никаких изменений во внешней политике Югославии не произойдет. Он подчеркнул, что вся оппозиция принимает нынешний внешнеполитический статус Югославии и отдает себе отчет в том, что в будущем для Югославии возможна только политика дружбы с германским соседом²².

После мюнхенского сговора КПЮ осталась единственной партией в стране, которая продолжала разоблачать внешнеполитический курс правительства Стоядиновича, раскрывая его губительность для югославских народов. В принятой накануне выборов в декабре 1938 г. резолюции ЦК КПЮ ставил перед партией в качестве основной задачи организацию народов Югославии на борьбу за сохранение единства и независимости страны против фашистских агрессоров и их пособников. Необходимой предпосылкой решения этой задачи КПЮ считала свержение антинародного правительства Стоядиновича и образование правительства народной обороны.

²⁰ I. R i b a r. *Politički zapisi*, t. III. Beograd, 1951, s. 179—182.

²¹ Централен държавен исторически архив, София (далее — ЦДИА), ф. 176, оп. 7, а. е. 817, л. 32—38. Болгарская миссия в Белграде — в Софию 17 ноября 1938 г. о политических группировках в предвыборной кампании в Югославии; а. е. 804, л. 23—28. Миссия в Белграде — в Софию 8 декабря 1938 г. об избирательных платформах политических партий в Югославии.

²² AA (Вопн), *Pol. Abt. IV*, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 28—30, *Pol. IV 7774/38*. Герен (Белград) — в Берлин 25 октября 1938.

Последнее, опираясь на рабочий класс и все демократические и национальные силы Югославии, должно было решительно улучшить материальные условия жизни народа, восстановить демократические свободы, укрепить братские отношения между народами Югославии на основе их национального равноправия, установить дружественные отношения со всеми странами, в первую очередь с СССР и соседними балканскими странами, готовыми бороться против фашистской агрессии. Считая, что в конкретных югославских условиях оппозиционный блок в составе Крестьянско-демократической коалиции и Объединенной оппозиции охватывает основные демократические силы страны, КПЮ высказывала свою готовность поддержать его²³.

Вместе с тем в резолюции подчеркивалось, что КПЮ, проводя свою линию, должна остерегаться ошибок, которые могут вылиться в попытки приспособления к национальной и классовой идеологии буржуазии. Наоборот, КПЮ должна сохранять свое лицо и критически относиться к буржуазным партиям и течениям, которые хотели бы ограничить широкое демократическое движение народных масс узкими национальными рамками. В целях укрепления влияния рабочего класса и КПЮ среди демократических сил в резолюции ставилась задача борьбы за единый фронт рабочего класса, объединения всех его организаций, усиления работы среди молодежи и т. д.²⁴

Деятельность КПЮ в период предвыборной кампании показала, однако, что перспективы создания широкого демократического фронта в стране ухудшились. Несмотря на рост антифашистских настроений в Югославии, буржуазные партии все дальше уходили от мысли образовать единый блок на антифашистской основе, который выступил бы альтернативной силой правящим кругам как во внутренней, так и во внешней политике.

Правительство Стоядиновича, правильно определив слабое место оппозиции, решило в полной мере использовать это обстоятельство. Взяв на вооружение лозунг «Одно государство — один народ», оно взяло курс на объединение всех унитаристских и антидемократических сил. На этой основе к правящему Югославскому радикальному союзу (ЮРС), в который входили часть сербских радикалов во главе со Стоядиновичем, словенская клерикальная партия А. Корошеца и мусульманская организация под руководством М. Спахо, в предвыборной кампании присоединилась еще Югославская народная партия («борбаши») во главе с С. Ходжерой, а ее представители были введены в правительство. Эта партия, игравшая роль «официальной оппозиции» во времена диктатуры короля Александра, была близка по идеологии к Югославской национальной партии П. Живковича и Б. Ефтича, но с еще более сильными националистическими и унитаристскими тенденциями. Вместе с группой земледельцев, возглавлявшейся министром В. Джорджевичем, все они составили правительственную коалицию, выдвинувшую единый список кандидатов во главе с М. Стоядиновичем.

В ходе предвыборной борьбы правительственная коалиция развила безудержную демагогию, восхваляя достижения правительства во всех областях деятельности. Важное место в ее пропаганде занимали вопросы внешней политики. В выпущенной в это время специальной брошюре «Мир на границах» внешняя политика Югославии в последние годы представлялась как единственно возможная, а все ее достижения приписывались самому Стоядиновичу. В брошюре утверждалось, что Стоядинович сумел поднять международный престиж страны до такого уровня, на каком он

²³ «Aprilski rat 1941», t. I, dok. № 29, s. 123—133. Резолюция ЦК КПЮ от декабря 1938 г.

²⁴ Ibid.

никогда в прошлом не стоял. В брошюре восхвалялся «независимый курс» Югославии и приводилось высказывание Стоядиновича «о старых политиках с предвоенным образом мышления», которые не могут понять, что Югославия теперь — не маленькая Сербия. «Югославия вошла теперь в число великих держав в Европе», — говорилось в брошюре, что свидетельствовало об окончательном разрыве ее авторов с действительностью²⁵.

Большое внимание вопросам внешней политики было уделено и на крупнейшем мероприятии за весь период предвыборной кампании — на грандиозном 80-тысячном митинге, состоявшемся 13 ноября в г. Нови Сад. Организационная сторона проведения митинга впервые наглядно продемонстрировала авторитарный характер правительственной партии, — доносил германский посланник, отметив также с одобрением, что Стоядинович копирует «образцы в авторитарных государствах»²⁶. Действительно, всем наблюдателям бросилась в глаза впервые открыто выступившая «партийная охрана» — отряды в формах и на мотоциклах, а также большое число одетых в синюю и зеленую форму членов правительственного рабочего союза «Югорас» и организации «Югославская радикальная молодежь». Сам Стоядинович прибыл на митинг в машине стоя, приветствуя собравшихся правой поднятой рукой на манер Гитлера или Муссолини. Присутствовавшие встретили его возгласами «Вождь! Вождь!». Никогда еще прежде фюрерские амбиции Стоядиновича не проявлялись так явно и откровенно.

В речи в Нови Саде Стоядинович особенно подчеркнул значение дружественных отношений с Германией, которые он охарактеризовал как «важный фактор мира в этой части Европы». В области международных отношений, — гордо заявил Стоядинович, — Югославия не стремится приобрести ничего чужого, но и «своей земли не отдаст ни пяди»²⁷.

Правительство не ограничивалось одной лишь демагогией и принимало репрессивные меры против тех своих противников, которых считало опасными. Так, был арестован один из лидеров Сербского земледельческого союза, руководитель левого крыла сербской Объединенной оппозиции Др. Йованович²⁸. Правительство опасалось также, что выборы и их последствия могут привести к «беспорядкам». Поэтому 8 декабря 1938 г. военный министр издал приказ о введении состояния повышенной боеготовности всех войск и военных учреждений на период с 10 декабря 1938 г. по 12 марта 1939 г.²⁹

Беспрецедентным явлением в ходе предвыборной кампании было давление, оказывавшееся германской миссией на югославское министерство внутренних дел. Посланник Герен добивался от А. Корощеца снятия всех ограничений деятельности немецкого меньшинства. Он явно стремился превратить отношение югославских властей к немецкому меньшинству в своего рода пробный камень отношения югославского правительства к Германии и шантажировал Стоядиновича своими «опасениями», что отдельные ограничительные меры югославских властей могут вызвать не-

²⁵ «Мир на границама». Издање Главног одбора југословенске радикалне заједнице. Београд, 1938, с. 19.

²⁶ AA (Bonn), Pot. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 45—46, Pol IV 8488/38. Герен (Белград) — в Берлин 17 ноября 1938 г. о выступлении Стоядиновича в Нови Саде.

²⁷ «Политика», 17 XI 1938.

²⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 804, л. 19—22. Болгарская миссия в Белграде — в Софию 9 декабря 1938 г. о предстоящих выборах и предвыборной агитации в Югославии.

²⁹ Arhiv vojno-istorijskog instituta (Beograd). Приказ военного министра от 8 декабря 1938 г.

довольство в Берлине, которое он якобы пока что сдерживает³⁰. Расценивая Корошеца как человека, враждебно настроенного к немецкому меньшинству, Герен взял курс на удаление его из правительства, подталкивая к этому и Стоядиновича³¹. Германская дипломатия откровенно рассматривала в послеюнхенский период Югославию как страну, с которой можно было уже не особенно церемониться и ставить ей свои условия по таким вопросам, как состав правительства.

Незадолго до выборов, 19 ноября 1938 г., принц-регент Павел отправился с неофициальным визитом в Англию. В оппозиционных кругах распространились слухи, что поездка Павла связана с желанием проконсультироваться в Лондоне относительно изменения внутренней и внешней политики страны. Поездка была окружена атмосферой секретности. Проявлявшая чрезвычайный интерес к этому визиту болгарская миссия в Лондоне смогла узнать только то, что он встретился с Чемберленом и Галифаксом, как писали газеты, а также с рядом других официальных лиц, о чем в прессе не сообщалось. Итальянские же дипломаты в Лондоне, по ее сведениям, располагали данными, будто Павел встречался также с членами «узкого кабинета»³². В английских архивах югославские историки получили доступ лишь к отдельным документам. Из заметок О. Сарджента, ответственного сотрудника Форин оффис, видно только, что Павел был в нервном настроении из-за «полного изменения расстановки сил после Мюнхена»³³.

Результаты выборов 11 декабря 1938 г. в Югославии оказались неожиданными для большинства наблюдателей. Из общего числа 3039 тыс. принявших участие в голосовании (что составляло 74,5% всех избирателей) за правительственный список кандидатов во главе со Стоядиновичем голосовало 1643 тыс. человек (54%), т. е. на 112 тыс. меньше, чем в 1935 г., а список оппозиционных кандидатов во главе с В. Мачеком — 1364 тыс. голосов (44,9%), т. е. на 288 тыс. больше, чем в 1935 г.³⁴ Государственный аппарат, несмотря на все усилия, сумел обеспечить себе таким образом перевес над оппозицией всего в 279 тыс. голосов. Однако в соответствии с избирательным законом, построенным на мажоритарной основе, правительственный список получил 306 мандатов, а оппозиция — 67, из которых на долю Крестьянско-демократической коалиции, представлявшей хорватские земли, пришлось 45.

Сразу же после того, как стали известны результаты голосования, лидеры Объединенной оппозиции — А. Станоевич, Л. Давидович и Й. Йованович выступили с воззванием «Правда о выборах», в котором обвинили правительство в применении методов насилия, в обмане и коррупции избирателей и фальсификации итогов голосования. Действия властей, — говорилось в воззвании, — подрывают основы государственного порядка и представляют собой серьезное нарушение жизненных интересов государства и народа³⁵.

Итоги голосования не соответствовали и ожиданиям правительства. Но официальная печать сохраняла бодрый тон и лишь подчеркивала, что вы-

³⁰ «Aprilski rat 1941», t. I, dok. № 26, s. 96—97. Запись Стоядиновича о беседе с Гереном 22 ноября 1938 г.

³¹ D. V i b e r. Ibid., s. 152—154; J. V. N o r t n e r. Jugoslavia in crisis. 1934—1941. New York, 1962, p. 122.

³² ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а.е. 656, л. 254. Момчилов (Лондон) — в Софию 7 декабря 1938 г. о визите принца Павла в Англию.

³³ Д. Б и б е р. Краљевина Југославија на раскршћу 1939. године, вып. 41. «Политика», 9 X 1971.

³⁴ F. С u l i n o v i ć. Jugoslavija izmedju dva rata, t. II. Zagreb, 1961, s. 131.

³⁵ I. R i b a r. Ibid., t. IV. Beograd, 1952, s. 38; L. B o b a n. Sporazum. . . , s. 53—54.

боры дают правительству на четырехлетний срок мандат для продолжения его прежнего курса.

Давая оценку итогам выборов, германский посланник Герен считал, что они хуже, чем можно было предполагать. И это при условии, что голосование было открытым, правительству противостояла разрозненная оппозиция, а национальные меньшинства (немцы, венгры и албанцы) отдали ему более 300 тыс. голосов. Расчет правительства на внешнеполитические события, казавшийся таким правильным, оказался ошибочным. Изменение умонастроений в Югославии под влиянием этих событий не улучшило, а, наоборот, ухудшило положение Стоядиновича. И хотя каждый теперь видит, что его политика была правильной, — продолжал посланник, имея в виду заверения лидеров оппозиции, — сильнее разума оказалась эмоциональная реакция «на ставший очевидным факт, что Югославия превратилась в вассала „оси“ Берлин — Рим»³⁶.

Отвечая на вопрос о политических последствиях итогов выборов, Герен отмечал, что позиции правительства Стоядиновича оказались ослабленными по крайней мере морально. Связанные с выборами события обострили хорватский вопрос, что «гаит в себе опасность для будущего». В качестве условия, подтверждающего готовность правительства вести переговоры по этому вопросу, лидер ХКП В. Мачек выдвигает требование устранения Стоядиновича. В таком случае взоры принца Павла могут обратиться на другого, а это, писал Герен, с немецкой точки зрения было бы достойно сожаления³⁷.

Германская дипломатия рассматривала Стоядиновича как приемлемого для нее политического деятеля. «Стоядинович остается по-прежнему самой значительной политической личностью на Балканах», — писал 15 декабря 1938 г. германский военный атташе в Белграде. Но, добавлял он, несмотря на это, Стоядинович будет отныне представлять для великих держав меньший интерес, поскольку само географическое положение Югославии неизбежно будет побуждать ее занимать по отношению к «оси» Берлин — Рим недвусмысленно выраженную позицию. И в дальнейшем только от позиции самого югославского правительства будет зависеть, придется ли применять к нему средства давления, которых до сих пор избегали³⁸. Таким образом, и германский военный атташе в Белграде, как и посланник, пришел к выводу, что после Мюнхена свобода дипломатического маневрирования Югославии оказалась ограниченной, а ее международное значение, которым так кичился Стоядинович в ходе предвыборной кампании, резко упало.

Свои констатации германская дипломатия постаралась перевести на язык практических действий. 16 декабря 1938 г., встретившись со Стоядиновичем, Герен завел разговор о политической позиции министра внутренних дел А. Корошеца, против которого он уже давно плел интриги. По его мнению, Корошец во время выборов вел такую линию, чтобы укрепить свои позиции и ослабить позиции Стоядиновича. Только этим, полагал посланник, можно объяснить бросавшуюся в глаза пассивность властей при проведении выборов в хорватских областях страны. Стоядинович сразу же согласился с Гереном. Он заявил посланнику, что считает свое дальнейшее сотрудничество с Корошецем невозможным и удалит его из правительства³⁹.

³⁶ AA(Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 94—100, Pol IV 9356/38. Герен (Белград) — в Берлин 15 декабря 1938 г.

³⁷ Ibid.

³⁸ Archiv des Instituts für Zeitgeschichte (München), MA-275, № 3403—5. Bericht der Lage Jugoslawiens in der Zeit vom 1. Juli bis Ende December 1938, Beograd, 15, Dez. 1938.

³⁹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 93, Pol IV 9342/38. Герен (Белград) — в Берлин 16 декабря 1938 г.

Стоядинович постарался сделать Корошеца козлом отпущения за фактическое поражение правительственной партии на выборах. Заручившись согласием принца Павла ⁴⁰, он произвел 21 декабря 1938 г. реорганизацию кабинета, введя в него несколько новых лиц. Основным изменением было назначение на пост министра внутренних дел М. Ачимовича. Место последнего как главы белградской полиции и шефа югославской службы безопасности занял Д. Лазич, помощником же его стал прямой германский агент Драги Йованович ⁴¹. Новый состав правительства должен был обеспечить проведение курса, который Стоядинович публично сформулировал в середине января 1939 г. на заседании фракции депутатов ЮРС в скупшине: политика «твердой руки» в хорватском вопросе, укрепление авторитарного режима, а во внешней политике — дальнейшее сближение с Германией и Италией ⁴².

Вместе с тем Стоядинович не решался окончательно порывать с Корошецем, а вернее — ставить под угрозу целостность ЮРС, в который руководимая Корошецем Словенская клерикальная партия входила как составная часть. Поэтому сразу же после реконструкции кабинета Стоядинович предложил Корошецу занять место председателя сената (Корошец был избран на этот пост 16 января 1939 г., в день открытия новой скупщины) и продолжить сотрудничество в рамках ЮРС.

Если в ходе предвыборной кампании в Югославии буржуазная оппозиция поддерживала видимость единства, то после выборов пути ее сербской и хорватской частей расходились все дальше. Хорватская крестьянская партия встала на путь решения хорватского вопроса любым способом, невзирая на внутренние и внешнеполитические последствия, и не связывая его с вопросом демократизации общественной жизни страны. Экстремистские элементы стремились истолковать итоги выборов как проявление воли хорватского народа к отделению и оказывали серьезное давление на руководство ХКП. Но оно не собиралось идти на сепаратистские действия. Более того, после выборов оно старалось избегать нежелательных инцидентов и дальнейшего обострения обстановки. Однако это было не так-то просто. С одной стороны, правительство и новый министр внутренних дел М. Ачимович взяли курс на проведение «жесткой линии» в Хорватии и начали репрессии против вооруженных формирований ХКП — «Крестьянской стражи» и «Городской стражи», в которых были сильны экстремистские элементы. С другой стороны, не было единства в самом руководстве ХКП, где все более усиливались сторонники крайних националистических течений, что отражалось на действиях ряда организаций и вело к столкновениям с властями. Поэтому В. Мачек и его сторонники были заинтересованы в скорейшем решении хорватского вопроса, пока дело не дошло до раскола в ХКП, но продолжали сохранять свои взгляды на характер его решения ⁴³.

Выражая мнение руководства ХКП, один из ближайших сотрудников Мачека — А. Кошугич говорил в беседе с сотрудником германской миссии, что целью ХКП продолжает оставаться автономия Хорватии в составе Югославии. Однако руководство ХКП решительно отклоняет Стоядиновича как возможного партнера при решении хорватского вопроса.

⁴⁰ Сразу же после беседы с Гереном Стоядинович направил письмо принцу Павлу, требуя отставки Корошеца. Последний же, не дожидаясь развития событий, с одобрения Павла, с которым он поддерживал тесные связи, подал в отставку. J. V. Н о р т - п е р. Ibid., p. 123—124.

⁴¹ О проникновении германской агентуры в югославский государственный аппарат см. М. Я н к о в и й. Пета колона. Вып. 1—35. «Политика», 9 XI — 23 XII 1972.

⁴² L. V o b a n. Sporazum. . . , s. 57.

⁴³ Ibid., s. 65—68.

Относительно ближайших планов А. Кошутич сказал, что ХКП намерена созвать собрание хорватских депутатов в Загребе в день открытия скупщины в Белграде и выступить с заявлением, в котором будут сформулированы хорватские требования. Он упрекал Германию за «одностороннюю политику дружбы» по отношению к Белграду и за поддержку «великосербской гегемонии». Упомянув о том, что в прошлой мировой войне хорваты сражались в одних рядах с немцами (аргумент из арсенала геббельсовской пропаганды), Кошутич добавил, что было бы хорошо, если бы Германия проявляла интерес к Хорватии по крайней мере в области культуры, тем более что Германии не будет безразлично, на какую державу будут ориентироваться хорваты, учитывая также большой интерес, проявляемый Италией к этому району⁴⁴.

15 января 1939 г., за день до открытия скупщины в Белграде, в Загребе собралось так называемое Хорватское народное представительство, в котором приняли участие не только те депутаты, которые были избраны в скупщину согласно избирательному закону, но и все другие хорватские кандидаты в депутаты, получившие в своих округах абсолютное большинство голосов (всего 91 человек). В принятой резолюции Хорватское народное представительство объявляло себя единственным законным представительством хорватского народа. Оно отрицало югославскую конституцию как навязанную хорватскому народу силой и отвергало любое сотрудничество со скупщиной. Не признавалось законным и правительство, а его решения и заключенные им договоры объявлялись недействительными для хорватского народа. В резолюции содержалось требование решить хорватский вопрос в духе полного равноправия хорватов с сербами со ссылкой на право наций на самоопределение, а также на хорватское государственное право. Хорватское народное представительство обращало внимание как правящих кругов Югославии, так и всех европейских государств, особенно великих держав, на невозможность и опасность сохранения нынешнего положения. Оно предоставляло В. Мачеку неограниченные полномочия для решения хорватского вопроса⁴⁵.

Сам факт принятия такой резолюции имел крупное внутривосточное значение. Оценивая этот документ, Герен считал, что ядро хорватских требований — устранение сербской гегемонии в государстве. Но проведение в жизнь этого требования практически будет означать конец авторитарного правления в виде режима Стоядиновича. А потому, подытоживая он, несмотря на симпатии к хорватам, интересы Германии требуют сохранения сербской гегемонии⁴⁶.

Резолюция Хорватского народного представительства и общее положение дел в стране побуждали часть правящих кругов Югославии думать об альтернативных решениях. Под влиянием международной обстановки развитие событий стало принимать направление, ведущее к кризису государственной системы. В стране вновь начало складываться положение, аналогичное ситуации накануне произведенного королем Александром государственным переворотом 6 января 1929 г. Линия, взятая правительством Стоядиновича после выборов, по сути дела имитировала в новых условиях тот курс, который однажды уже показал свою бесперспективность и окончился крахом. В той же международной обстановке, которая сложилась в Европе после мюнхенскогоговора, это в «лучшем» случае

⁴⁴ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 126—129, Pol IV 250/39. Файне (Белград) — в Берлин 11 января 1939 г. о позиции руководства ХКП.

⁴⁵ Полный текст резолюции см. L. B o b a n. Sporazum. . . , s. 399—400.

⁴⁶ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 157—159, Pol IV 584/39. Герен (Белград) — в Берлин 21 января 1939 г. о решениях Хорватского народного представительства от 15 января 1939.

привело бы к временной консервации состояния скрытого государственно-го кризиса ценой полного подчинения Югославии гитлеровской Германии. Такая перспектива не обладала достаточной привлекательностью для правящих кругов страны. Поиски же реальной альтернативы могли идти только по пути соглашения с ХКП на базе предоставления Хорватии автономии в рамках Югославии. Непременным условием для осуществления такой возможности становилось устранение правительства Стоядиновича.

Проследить процесс выработки такого решения той частью югославских правящих кругов, которая склонялась к компромиссу с руководством ХКП, чрезвычайно трудно из-за отсутствия документальных данных. Можно лишь условно утверждать, что до середины января 1939 г. все это находилось в стадии размышлений и обдумывания. Такой вывод позволяет сделать, в частности, беседа принца Павла 16 января 1939 г. с английским посланником Р. Кэмпбеллом, от которого он не имел привычки держать что-либо в секрете. В ходе беседы Кэмпбелл впервые отметил для себя, что доверие Павла к Стоядиновичу сильно поколеблено. И хотя Павел находился в нервном и подавленном состоянии как из-за хорватского вопроса, так и из-за внешнеполитического положения Югославии, которая оказалась зажатой между Германией и Италией⁴⁷, речи об отставке Стоядиновича еще не было.

Однако через три дня, 19 января 1939 г., когда Кэмпбелл вновь был приглашен на беседу, Павел сообщил ему о своем решении устранить Стоядиновича из правительства⁴⁸. Что же произошло за эти три дня? В области внутренней политики видимых событий, которые могли бы объяснить причину принятия такого решения, не было. Но в международных делах такое событие произошло, и, по-видимому, оно окончательно склонило чашу в пользу решения как можно быстрее устранить Стоядиновича. В Белграде было получено посланное 16 января 1939 г. югославским посланником в Риме Б. Христикем письмо с изложением вопросов, которые хотел бы обсудить Чиано во время своего предстоящего визита в Югославию. В их числе было и предложение о разделе Албании между Италией и Югославией. Его обсуждение вскрыло различные подходы к нему со стороны Стоядиновича, который нашел его привлекательным, и Павла, который считал его неприемлемым. Правда, Стоядинович немедленно заявил Павлу, что не даст Чиано никакого ответа и предложит тому обсудить этот вопрос с принцем-регентом. Но Павел подозревал, что Италия проводит в жизнь гораздо более широкий план, в котором Албания — лишь одна из его составных частей⁴⁹. За расхождением во мнениях между Павлом и Стоядиновичем скрывался раскол в правящих кругах по вопросу дальнейшего внешнеполитического курса Югославии.

В беседе с Кэмпбеллом 19 января 1939 г. Павел сказал о своем решении привлечь в новое правительство лидера ХКП В. Мачека и трех его сторонников и получении их согласия. Он сообщил также, что новым министром иностранных дел станет человек, против которого Германия не сможет возражать, но не назвал имени будущего премьер-министра⁵⁰. Слова Павла показывали наличие у него достаточно четкой программы действий и плана ее осуществления. Формой же ее проведения в жизнь мог быть только дворцовый мини-заговор, руководимый сверху.

Развязка скрытого внутриполитического кризиса была ускорена международными событиями. После визита Чиано в Белград 19—23 января

⁴⁷ Д. Бибер. Там же, вып. 41, «Политика», 9/X 1971.

⁴⁸ Там же, вып. 42, «Политика», 10 X 1971.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

1939 г.⁵¹ в правящей верхушке Югославии по вопросу об отношении к итальянскому предложению о разделе Албании произошел раскол. Выявились отрицательное отношение к нему со стороны военных кругов (военный министр генерал Милутин Недич и начальник генерального штаба генерал Д. Симович)⁵², принца-регента Павла, заместителя министра иностранных дел И. Андрича и ряда членов правительства. Параллельно за спиной премьер-министра шла тихая, скрытая политическая возня, о которой, как часто бывает в подобных случаях, сам Стоядинович не подозревал.

Заговор против Стоядиновича зрел в его собственном лагере. К началу февраля были созданы все условия для его успешного осуществления. В области внутренней политики решающее значение имело получение министром социальной политики Д. Цветковичем согласия руководства ХКП на предложение о создании комиссии по изучению условий будущего сербско-хорватского соглашения. После заключения такого соглашения оно выражало готовность принять участие в правительстве⁵³.

В тот же день, 2 февраля 1939 г., английский министр иностранных дел Э. Галифакс направил посланнику Кэмпбеллу в Белград письмо, содержание которого было немедленно доведено до сведения Павла. По поводу намерений отстранить Стоядиновича от власти Галифакс в осторожных выражениях сформулировал мысль, будто речь идет о внутренних делах, в которые он якобы не желает вмешиваться. Нарочитая сдержанность в этом вопросе компенсировалась четкостью трактовки международных проблем (раздел Албании привел бы к нарушению *status quo* на Средиземном море), что в целом не оставляло никаких сомнений в действительной позиции английского правительства⁵⁴.

Дальнейшие события развивались со стремительной быстротой. Воспользовавшись как предлогом упоминанием хорватского вопроса в скупщине, группа министров в ночь с 3 на 4 февраля вручила Стоядиновичу заявление об отставке, вызвав правительственный кризис⁵⁵. Стоядинович был твердо убежден, что формирование нового кабинета будет поручено ему. Но эта задача была возложена на Д. Цветковича. В новый кабинет вошли практически те же лица за исключением самого Стоядиновича и министра внутренних дел Ачимовича⁵⁶.

Отстранение Стоядиновича и образование нового правительства было полной неожиданностью как для заграницы (за исключением Англии), так и внутри страны, где это событие было повсеместно встречено положительно⁵⁷. Попытки самого Стоядиновича предпринять некоторые политические действия в свою защиту окончились неудачей. Так, например, на его попытку созвать 5 февраля в скупщине фракцию депутатов правительственной партии с целью информировать их о создавшемся положении откликнулось менее одной трети депутатов и сенаторов⁵⁸. В те дни особенно ярко проявилась непопулярность руководимого им правительства и всей его политики.

⁵¹ Н. Д. Смирнова. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1944). М., 1969, с. 81—85.

⁵² Z. Avramovski. Pitanje podele Albanije u razgovorima Stojadinović — Čano januara 1939. i stav nekih diplomatskih i vojnih ličnosti. «Godišnjak Pokrajinskog državnog arhiva». Priština, 1965, s. 151—155.

⁵³ J. B. Hortner. Ibid., p. 132.

⁵⁴ Д. Бибер. Там же.

⁵⁵ M. Stojadinović. Ibid., s. 576.

⁵⁶ F. Čulnović. Ibid., s. 308.

⁵⁷ Archiv Ministerstva zahraničných vecí, Praha (далее — AMZV), Vyslanectví v Bělehradě, č. j. 149/dův., r. 1939, z. b. č. 4. Я. Лица (Белград) — в Прагу 5 февраля 1939.

⁵⁸ Ibid.

Успех верхушечного заговора объяснялся отсутствием у Стоядиновича сильной социальной опоры в стране. В то же время чрезвычайно узкий круг посвященных в заговор лиц, строжайшее соблюдение секретности и даже сам выбор момента решительных действий с пятницы на субботу, что напоминало нацистскую манеру действий «в конце недели», — все это позволило сохранить организационную сторону заговора в тайне. Больше всего заговорщики опасались неблагоприятной реакции со стороны фашистских держав — Германии и Италии, у которых Стоядинович пользовался доверием. Однако противоречия и взаимная подозрительность Германии и Италии в балканских делах смягчили реакцию с их стороны и не поставили Югославию перед их общим фронтом.

Особенно глубокое разочарование испытала фашистская Италия. Вместе с падением Стоядиновича рушились итальянские дипломатические конструкции, и в частности — надежды на создание «треугольника» Югославия — Венгрия — Румыния. Планы совместной итало-югославской интервенции в Албании также становились нереальными. Чувства итальянских фашистов выразил Чиано: «С уходом Стоядиновича югославская карта теряет для нас 90% своего значения», — записал он в своем дневнике 7 февраля 1939 г.⁵⁹ Югославские правящие круги стремились не допустить враждебной реакции Италии. Они приложили немало усилий, чтобы заверить их в неизменности югославской политики. «Регент, — записал Чиано в своем дневнике в конце февраля, — чрезвычайно старается оправдать себя в наших глазах за отстранение Стоядиновича. Во всяком случае его заверения в продолжении хороших отношений с «осью» обильны и такого рода, что мы не можем игнорировать их»⁶⁰. Поэтому Италия воздержалась от официальных шагов и заняла выжидательную позицию.

Отставка Стоядиновича породила не менее глубокое беспокойство и в нацистской верхушке. В Берлин посыпались сообщения как дипломатических представительств, так и разведки. Причины отставки Стоядиновича — «чисто внутривосточные», — телеграфировал Герен из Белграда 6 февраля 1939 г.⁶¹ В подробном донесении от 8 февраля он писал, что отстранение Стоядиновича от власти произошло «в старых белградских заговорщических традициях». Далее следовали успокоительные заверения: внешняя политика Югославии впредь в еще большей степени, чем раньше, будет находиться в руках принца-регента, что является для Германии «известной гарантией от неприятных неожиданностей. К тому же коренное изменение курса югославской внешней политики при нынешней расстановке политических сил практически лежит за пределами возможного», — полагал Герен⁶².

Донесение посланного со специальной миссией в Белград штурмбанфюрера СС Э. Веезенмайера подтверждало основные выводы посланника: отмечалась полная неожиданность правительственного кризиса, ведущая роль Корошеца в подготовке смены кабинета, и осторожно давалось понять, что в Белграде «полностью поглощены личными и чисто внутренними вопросами»⁶³. Практически ничего нового не добавляло и донесение агента «Разведывательного комитета Гамбург — Бремен»⁶⁴. Подозрительное единодушие трех основных германских экспертов объ-

⁵⁹ «The Ciano's Diaries». New York, 1939—1943, p. 24.

⁶⁰ Ibid., p. 30.

⁶¹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 186—187, Pol IV 745/39. Герен (Белград) — в Берлин 6 февраля 1939.

⁶² Ibid., Bl. 201—204, Pol IV 857/39. Герен — в Берлин 8 февраля 1939.

⁶³ Ibid., Bl. 195—198, Pol IV 853/39. «Сообщение о Югославии» Веезенмайера от 7 февраля 1939.

⁶⁴ Ibid., Bl. 220—224, Pol IV 993/39. Агентурное сообщение о падении правительства Стоядиновича от 10 февраля 1939.

яснялось, помимо прочего, стремлением преуменьшить масштабы допущенного соответствующими службами промаха, выразившегося в неспособности своевременно проникнуть за кулисы готовившегося заговора. Все приведенные выше оценки выдавали желание принизить значение событий, а тем самым и свою долю ответственности. Их любопытной общей чертой явилось отсутствие каких-либо упоминаний о повсеместно циркулировавших как в Белграде, так и в других балканских столицах слухах о причастности Великобритании к падению Стоядиновича. Донесения дипломатических представителей других стран наполнены ими. О них, например, подробно сообщал из Белграда чехословацкий посланник Я. Липа, ссылавшийся на «очень хорошо информированный и серьезный источник» и ставивший это событие в связь с визитом герцогини Кентской в Югославию, исполнявшей якобы особую миссию к принцу Павлу⁶⁵. Такие слухи, разумеется, не могли пройти мимо германской дипломатии и разведки. Однако в германских документах нет даже упоминаний о них.

Между тем внешнеполитические мотивы отстранения Стоядиновича от власти были очевидны. Несколько позднее сам принц Павел в беседах с рядом политических и общественных деятелей (И. Йованович, М. Трифунович, И. Мештрович и др.) прямо указывал на то, что внешнеполитические причины сыграли главную роль в его отстранении⁶⁶. Таково же было и убеждение ведущих югославских политических деятелей того времени. Так, уже после войны лидер ХКП В. Мачек писал в своих мемуарах, что причиной неожиданной отставки Стоядиновича был не хорватский вопрос и не внутренние дела вообще, а «исключительно его внешняя политика»⁶⁷.

Смена правительства в Югославии была расценена во всех балканских странах как событие первостепенной важности. Падение Стоядиновича было полной неожиданностью и большим ударом для болгарского правительства. «Кюсеиванов видел в режиме Стоядиновича образец для себя, сам Стоядинович оказывал на него большое влияние и Кюсеиванов питал к нему полное доверие и был его верным другом», — сообщал чехословацкий посланник из Софии о позиции болгарского премьер-министра⁶⁸.

Для правящих кругов Румынии отстранение Стоядиновича было также неожиданным. Румынский министр иностранных дел Г. Гафенку, как сообщал из Бухареста германский посланник Ф. Фабрициус, был явно озадачен этими событиями и задавался вопросом, как они скажутся на договоренности о параллельных действиях Румынии и Югославии по отношению к Венгрии⁶⁹.

В Анкаре падение Стоядиновича, по свидетельству германского поверенного в делах, устраняло возникшие в результате визита Чиано в Белград опасения Турции, что Югославия будет проводить проитальянский курс и потеряет интерес к Балканской Антанте. С другой стороны, за сменой правительства, как полагали, последует период серьезной внутриполитической борьбы, которая приведет к падению внешнеполитической активности Югославии, что рассматривалось турецкой прессой как «большое неудобство»⁷⁰.

⁶⁵ AMZV, Vyslanectví v Bělehradě, č. j. 119/dův., r. 1939, z. b. č. 4. Я. Липа (Белград) в Прагу 5 февраля 1939.

⁶⁶ L. B o b a n. Sporazum . . ., s. 80—89.

⁶⁷ V. M a č e k. In the Struggle for Freedom. New York, 1957, p. 187. 202—203.

⁶⁸ AMZV, Vyslanectví v Sofii, č. j. 93/dův., r. 1939, z. b. č. 7/I. П. Макса (София) — в Прагу 7 февраля 1939.

⁶⁹ «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945» (далее — ADAP), Serie D, Bd. V, Dok. 286, S. 321—322. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 7 февраля 1939.

⁷⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Jugoslawien, Bl. 48, Pol IV 856/39. Кроль (Анкара) — в Берлин 7 февраля 1939.

В венгерских правящих кругах смена югославского правительства вызвала чувства известного злорадства. В венгерском МИД, как сообщало германское посольство в Будапеште, оценивали политику Стоядиновича как «кокотничание с „осью“»⁷¹. Такая оценка явно носила конкурентный характер и говорила о ревнивом отношении хортистских кругов к Югославии, которая пользовалась большим вниманием со стороны Берлина и Рима.

В свою очередь венгерская дипломатия внимательно следила за реакцией стран «оси» на события в Югославии. Из Берлина венгерский посланник сообщал, что там были поражены сменой правительства в Югославии и опасались усиления влияния на нее западных держав. В отношении нового правительства там была занята выжидательная позиция, хотя с личностью нового министра иностранных дел А. Цинцар-Марковича, занимавшего до последнего времени пост посланника в Берлине, связывали надежды на сохранение прежнего курса⁷².

Югославская дипломатия со своей стороны стремилась всячески развеять возникшие в Берлине опасения. По инструкциям из Белграда на прощальных приемах в Берлине Цинцар-Маркович заверял нацистских главарей в своем желании проводить прежний курс и клялся, что сам принц Павел является гарантом югославской политики дружбы с Германией и Италией. Он обещал Риббентропу даже рассмотреть вопрос о присоединении Югославии к антикоминтерновскому пакту⁷³. Последовавший 11 февраля прием Цинцар-Марковича Гитлером прошел «спокойно»⁷⁴. В высказываниях нового премьер-министра Д. Цветковича также сквозило желание умиротворить нацистскую Германию. 11 февраля 1939 г. он принял германского посланника и заверял его в дружеских чувствах по отношению к Германии и неизменности югославской внешней политики⁷⁵. Прекрасным актером на дипломатической сцене показал себя и принц Павел — без сомнения, главное действующее лицо в свержении Стоядиновича. Во время своей встречи с германским посланником он говорил о большом сожалении, с которым вынужден был расставаться со Стоядиновичем. Единственная причина, заставившая его пойти на такой шаг, заверял Павел, это желание проложить «новые пути к консолидации страны»⁷⁶. Подобные заверения должны были вызвать у нацистов убеждение в возможности дальнейшего сближения Югославии с «осью».

Параллельно с югославской стороны давались далеко идущие заверения в дружбе, адресованные западным державам. Так, 7 февраля 1939 г. начальник югославского генерального штаба генерал Д. Симович в беседе с английским военным атташе конфиденциально заявил, что в случае большой европейской войны симпатии югославской армии и большинства населения страны будут на стороне Англии и Франции⁷⁷. В свою очередь английское правительство откликнулось на просьбу принца Павла сдер-

⁷¹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 240—241, Pol IV 855/39. Веркмайстер (Будапешт) — в Берлин 7 февраля 1939.

⁷² «Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936—1945». III köt. Budapest, 1970, № 323, 467—468 old. Стоян (Берлин) — в Будапешт 16 февраля 1939.

⁷³ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. № 285, S. 324. Запись беседы Риббентропа с Цинцар-Марковичем 7 февраля 1939.

⁷⁴ Д. Б и б е р. Там же, вып. 45. «Политика», 13/X 1974.

⁷⁵ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. № 294, S. 325. Герен (Белград) — в Берлин 11 февраля 1939.

⁷⁶ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 227, Pol IV 1065/39. Герен — в Берлин 19 февраля 1939.

⁷⁷ «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Third Series, vol. IV, doc. № 100, p. 102—104. Кэмпбелл (Белград) — Галифаксу 10 февраля 1939.

жать прессу от комментариев и не дать ей возможности трубить об отстранении Стоядиновича от власти как об ударе по планам «оси». Действительно, отклики в английской печати были скудны и расценивали отставку Стоядиновича как чисто внутреннее дело Югославии. В результате это событие получило в мировой прессе совершенно недостаточное освещение, причем каждая сторона воздерживалась от выражения мнений по своим особым причинам.

Между тем события в Югославии имели большое международное значение. Английский историк Х. Ситон-Уотсон, крупный знаток истории Юго-Восточной и Центральной Европы в межвоенный период, считал смену правительства Стоядиновича «первым важным событием в Юго-Восточной Европе» в течение года, прошедшего между мюнхенским соглашением и началом второй мировой войны⁷⁸. Несомненным следствием этого события было значительное усиление английского влияния в Югославии, тогда как перспектива втягивания страны в итальянские авантюры и нацистские проекты на Балканах сократились. Следует, однако, отметить, что отсутствие каких-либо демонстративных жестов, подчеркивание исключительно внутреннего значения происшедшей смены правительства и заверения в неизменности прежнего внешнеполитического курса позволили правящим кругам Югославии на известное время замаскировать действительную сущность событий.

Оборотной стороной такой тактической линии было ослабление внешнеполитической активности Югославии, начавшееся вскоре после мюнхенского стовора и резко усилившееся вслед за сменой правительства в стране. Югославская дипломатия стремилась избежать любых шагов, которые могли бы вызвать недовольство фашистских государств, что придавало ей черты сервильности в отношении Германии и Италии. Однако именно они первыми ощутили малозаметные на первых порах изменения ее внешнеполитического курса. Озабоченная этим германская дипломатия стала изыскивать средства оказания нажима на Югославию помимо имевшихся ранее. Она вознамерилась, в частности, использовать такой новый рычаг, как заинтересованность Югославии в поставках германского оружия, поскольку поставки из Чехословакии после Мюнхена прекратились⁷⁹. В создавшейся обстановке Германия приняла решение связать предоставление кредита и поставки оружия с политическими условиями: с присоединением к антикоминтерновскому пакту⁸⁰. Намечалось также организовать в начале апреля 1939 г. визит Геринга в Югославию.

Но самым мощным средством нажима на Югославию стал хорватский вопрос, что повлекло за собой его превращение из внутривосточной проблемы в актуальную международную проблему. После отстранения от власти Стоядиновича, пользовавшегося их доверием, нацисты пришли к выводу о необходимости пересмотреть свое прежнее отношение к хорватскому вопросу. Если поддержка как федералистских, так и сепаратистских течений в Хорватии прежде считалась несовместимой со ставкой на авторитарный режим великосербского пошиба во главе со Стоядиновичем, то теперь, как полагала германская миссия в Белграде, следовало отбросить былую сдержанность и вернуть свободу действий в хорватском вопросе, чтобы направлять его будущее развитие в интересах Германии⁸¹.

⁷⁸ H. Seton-Watson. The East-European Revolution. London, 1950, p. 54.

⁷⁹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. № 288, S. 322—323; Dok. № 290, S. 324—325; Dok. № 296, S. 329—330; Dok. № 300, S. 332—333.

⁸⁰ Ibid., Dok. № 307, S. 339—340. Германский МИД — миссии в Белград 27 февраля 1939.

⁸¹ Ibid., Dok. № 307, S. 339—340. Герен (Белград) — в Берлин 7 марта 1939 г. о новом курсе внутренней политики Югославии и ее влиянии на изменение германской позиции в хорватском вопросе.

Это были истоки последующего гитлеровского курса на раскол страны, и первоначальная осторожность нацистов в этом плане объяснялась исключительно оглядками на позицию Италии, которая рассматривала хорватские земли как сферу своего влияния и ревниво следила за малейшими нюансами германской политики по отношению к Югославии. Саму же Югославию нацистские лидеры уже в период предвоенного политического кризиса в Европе стали рассматривать как ненадежного нейтрала, причем исходной точкой отсчета при их оценках югославской позиции на международной арене служила отставка правительства Стоядиновича ⁸².

Таким образом, мюнхенский договор привел к резкому обострению внутриполитического положения в Югославии, в частности к обострению национальных противоречий. Новая международная обстановка вызвала раскол в правящих кругах страны по вопросам как дальнейшей внешнеполитической ориентации, так и о курсе внутренней политики. Борьба в правящем лагере завершилась победой группировки во главе с принцем-регентом Павлом, которая выступала за ориентацию на западные державы, в первую очередь на Англию. В то же время смена правительства Стоядиновича не сопровождалась изменением внутренней политики, если не считать декларативных заявлений нового правительства о готовности решить хорватский вопрос. (Лишь в самый канун войны под давлением международной обстановки правительство заключило соглашение с ХКП о предоставлении автономии хорватским областям, а представители ХКП вошли в правительство, проводившее прежний антинародный курс.) Исход политической борьбы в правящих кругах Югославии в значительной мере был обусловлен бурным ростом в послемюнхенский период антифашистских настроений трудящихся масс страны, среди которых постоянно усиливалось влияние Коммунистической партии. Эти настроения сказались на позиции страны в период предвоенного политического кризиса в Европе и в первый период второй мировой войны.

⁸² Нацистские бонзы испытывали ностальгию по Стоядиновичу, которая возрастала с течением времени. Его отставка была упомянута как враждебный Германии акт в речи Гитлера 6 апреля 1941 г., в день начала нацистской агрессии против Югославии, и в официальном германском заявлении по тому же поводу (См. «Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland». Berlin, 1941, S. 5.) После оккупации Белграда была создана летом 1941 г. специальная комиссия, работавшая под немецким надзором, для выяснения обстоятельств отстранения Стоядиновича от власти (см. Д. Б и б е р. Там же, вып. 2. «Политика», 31 VIII 1971).

Э. С. БАГИНСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ САНАЦИИ И ПОЛЬСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ 1935 ГОДА

На протяжении почти 10 лет требование изменения буржуазно-демократической конституции 1921 г. оставалось центральным политическим лозунгом режима санации. В нем концентрировалась вся совокупность замышлявшихся и постепенно проводившихся преобразований политической системы буржуазной Польши применительно к потребностям и целям диктатуры. Уже конституционный проект санации 1929 г. показал, что в основу этих преобразований были положены тоталитаризм, а также корпоративизм как идеология и система классового сотрудничества¹. Одна из статей проекта — «Благо государства — высший закон» — стала партийным девизом пилсудчиковского Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББСП). Однако в 1929 г. санации не удалось навязать свой проект оппозиционному большинству сейма. Борьба по конституционному вопросу стала важным элементом консолидации буржуазно-демократической оппозиции и образования антисанационного парламентского блока — Центролева, попытавшегося вернуть сейму его былую роль. В августе 1930 г. строптивый парламент был досрочно распущен, а лидеров Центролева заключили в военную тюрьму в Брестской крепости. Одновременно правительство санации провело широкие репрессии против коммунистов, демократических деятелей и против украинского и белорусского национально-освободительного движения.

Парламентские выборы в ноябре 1930 г. проходили в атмосфере террора, небывалого нажима на избирателей, массового подлога результатов; они вошли в историю как «брестские» выборы. ББСП не объявил на этот раз своей официальной программы. Но о содержании пропаганды пилсудчиков можно судить по следующему обращению ББСП к избирателям Домбровского бассейна: «На место угасающего партийства мы выдвигаем здоровые силы трудящихся общества. На место партийной организации мы выдвигаем профессиональные организации... На место привилегированных и неприкосновенных депутатов мы выдвигаем ответственных людей труда». Далее следовало требование новой конституции, которая «навсегда закрепит» верховную власть за президентом и «сильное» правительство, а также «хозяйственное самоуправление, а в особенности палаты наемного труда, через которые голос получит свободный человек, гражданин» и т. д.² Сквозь адресованную рабочим демагогию в этом документе четко прослеживаются основные политические установки санации.

¹ См. Э. С. Багинский. Санация и конституционный вопрос в Польше (1926—1929). «Советское славяноведение», 1977, № 3.

² Archiwum Akt Nowych. Bezpartyjny Blok Współpracy z. Rządem (далее — ААН. ВВВР), sygn. 34, к. 4.

«Брестские» выборы дали ББСП большинство в сейме: 55,6% мандатов³. Этим особенно были довольны финансово-промышленные круги. В связи с начавшимся экономическим кризисом они еще в январе 1930 г. критиковали «амбиции сейма и политических партий», выдвигавших нереалистические, по их мнению, программы хозяйственной политики и тем якобы «парализовавшие правительство». Создание правительственного большинства укрепляло надежду этих кругов и на рост доверия зарубежных кредиторов⁴. Орган Центрального союза промышленности, торговли и финансов (Левиафана) указывал также, что «постоянство рациональной экономической политики» правительства может обеспечить «только пересмотр конституции 1921 г.». В выступлениях руководителей санации это требование также определялось как главная задача нового сейма⁵. Однако решить ее санации было не просто, так как она не имела необходимого для этого большинства $\frac{2}{3}$ голосов в сейме.

6 февраля 1931 г. ББСП вновь внес в сейм свой конституционный проект 1929 г., но уже не в форме поправок к тексту мартовской конституции, а как основу для подготовки новой конституции⁶. 3 марта на пленуме сейма выступил председатель конституционной комиссии В. Маковский. Главным в дальнейшей работе над конституцией он считал решение «вопроса об отношении личности к государству..., вопроса утверждения государственного строя на принципах государственной солидарности»⁷. Конструирование санационного государства Маковский по-прежнему связывал с перемещением общественно-политической жизни в различного рода неформальные «объединения» с помощью, например, преобразования сената в хозяйственный институт или создания Высшей хозяйственной палаты, наделенной законодательной инициативой.

Такое «новое государство», идущее на смену «либеральному государству индивидов», идеологи санации называли «государством ассоциаций» («социальным государством», «общественной демократией» и т. п.). Изобретение туманных по содержанию терминов служило пропаганде социального солидаризма. Утонченной демагогией проникнуты выступления в сейме генерального референта конституционной комиссии С. Цара. В его изображении парламентская республика до майского переворота была «насквозь антидемократической». Проект ББСП, наоборот, Цар преподносил как несущий освобождение демократии от диктатуры парламента и привлечение широчайших масс общества «к участию в государственной работе»⁸.

Оппозиционные клубы сейма решительно отказались обсуждать проект ББСП. Они бойкотировали работу конституционной комиссии, поэтому ее состав в течение трех лет не отличался от состава конституционной группы ББСП. Только представители энедеции изредка посещали ее заседания. Непримириемость партий оппозиции не смутила санацию. «Мы, — заявил Т. Голувко, — создадим в обществе такое настроение, что... в тот день, когда будет утверждаться конституция, тысячные толпы будут в радостном праздничном настроении ожидать результата»⁹.

Но вопреки ожиданиям правительственных кругов экономическое оживление не наступило, кризис углублялся и приобрел в Польше более

³ «Historia polskiego ruchu robotniczego 1864—1964», t. I. Warszawa, 1967, s. 416.

⁴ AAN. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych (далее — MSW), sygn. 933, k. 1—2; «Przegląd Gospodarczy», 1 I 1930, s. 2.

⁵ Ibid., s. 3; J. P i ł s u d s k i. Pisma zbiorowe, t. IX. Warszawa, 1937, s. 257—258.

⁶ AAN. BBWR, sygn. 76, k. 1.

⁷ «Nowe Państwo», 1931, № 1, s. 51.

⁸ S. C a r. Na drodze ku nowej Konstytucji. Warszawa, 1934, s. 18—27, 42—45.

⁹ T. H o ł ó w k o. Ostatni rok. Warszawa, 1932, s. 109.

острый характер, чем в развитых капиталистических странах. Вместе с тем 1931 год стал переломным в развитии классовой борьбы трудящихся. Рабочее движение прошло фазу спада стачечной волны и вступило в фазу ее подъема. С середины 1931 г. появились симптомы пробуждения и активизации крестьянства. Органы власти повсеместно отмечали, что «на селе поднимается мощная волна недовольства, возбуждаемая в значительной мере подрывными элементами»¹⁰.

Инициаторами и организаторами стачечных боев в Польше были прежде всего коммунисты и революционные профсоюзы. В связи с поражением Центролева и обострением классовой борьбы среди актива ППС распространилось глубокое разочарование реформистской, соглашательской тактикой руководства. Наблюдатели МВД констатировали, что «вследствие этих настроений отдельные руководители [ППС] видели в принятии радикального направления единственное спасение от полной утраты влияния партии в массах»¹¹. На XXII конгрессе ППС (май 1931 г.) впервые прозвучало признание необходимости свержения капиталистического строя (а не ожидания его перерастания в социализм). Но радикальным формулировкам не сопутствовали конкретные указания о путях овладения властью рабочим классом. Группы левых социалистов на конгрессе не смогли повлиять на его решения¹². На местах процесс радикализации актива ППС развивался быстрее.

Тревожившие правительство явления в ППС отмечались и в первые месяцы 1932 г.: радикализация лозунгов, «принципиальная эволюция взглядов», усиление левого крыла, которое на конференции варшавской организации партии в феврале 1932 г. имело «очень серьезный шанс провести резолюцию явно коммунистического содержания», интерес к идее всеобщей забастовки¹³. Главный совет ППС, заседавший 5—6 марта, поддержал решение Центральной комиссии социалистических профсоюзов провести (впервые после ноября 1923 г.) всеобщую забастовку протеста. В политической резолюции ставились задачи «объединения самых широких рабочих и крестьянских масс для осуществления программы борьбы с диктатурой и восстановления демократии»¹⁴. Однако на деле лозунгу единства действий рабочего класса, который пропагандировали коммунисты, руководители ППС противопоставили раскольнический лозунг «единого фронта социалистических партий» и не исключали возможность соглашения с правительством санаици на платформе антикоммунизма¹⁵.

В новой обстановке ускорилось сближение трех крестьянских партий. 15 марта 1931 г. ПСЛ - «Пяст», ПСЛ - «Вызволене» и Стронництво хлопске объединились в Стронництво людове (СЛ). Образование СЛ было крупным достижением демократических сил. Оно способствовало росту боеспособности и общему полеванию крестьянского движения, появлению новых форм массовых выступлений в защиту экономических интересов крестьянства. Сравнительно умеренная программа СЛ скоро радикально обновилась: в мае 1933 г. в нее вошло требование экспроприации круп-

¹⁰ Цит. по J. Borkowski. Postawa polityczna chłopów polskich w latach 1930—1935. Warszawa, 1970, s. 54.

¹¹ AAN. MSW. Polityczne komunikaty informacyjne (далее — PKI), sygn. 850. k. 30.

¹² F. K a l i c k a. Z zagadnień jednolitego frontu KPP i PPS w latach 1933—1934. Warszawa, 1967, s. 17—19.

¹³ AAN. MSW, PKI, sygn. 850, k. 47, 111, 150—151, 166—167.

¹⁴ Ibid., k. 185—187. Однодневная всеобщая забастовка состоялась 16 марта 1932 г. И хотя она не охватила пролетариат всей страны, правительство вынуждено было отложить на год введение подготовленных антирабочих законов об отпусках, продолжительности рабочего дня и «унификации» системы социального обеспечения.

¹⁵ F. K a l i c k a. Ibid., s. 23—27.

ных землевладений без компенсации¹⁶. Крестьяне горячо поддерживали республиканско-демократические требования СЛ. Так, в резолюции окружного съезда СЛ Краковского воеводства 28 июня 1931 г., собравшего около 3 тысяч человек, говорилось: «Злоупотребления, насилие, террор ведут государство к упадку. Съезд клеймит вышеуказанное... и постановляет, что массы не успокоятся до тех пор, пока не будет устранена диктатура и восстановлена конституция»¹⁷. Вместе с тем, руководящие органы СЛ неоднократно декларировали отказ от внепарламентских методов борьбы за политические требования. Это, а также признание ими допустимости изменения конституции 1921 г., хотя бы и «с целью оздоровления парламентского строя»¹⁸, уводило партию с принципиальных позиций, обусловило пассивно-оборонительное отношение к политическим преобразованиям санации в последующие годы.

Партии центра (Христианская демократия — ХД и Национальная рабочая партия — ННР) с 1931 г. также усилили критику внутренней политики правительства, обвиняя его в кризисе экономики и «односторонней политике поддержки синдикатов, картелей и крупнокапиталистических предприятий», требовали «восстановить право в Польше»¹⁹. Однако громкие декларации не подкреплялись практическими действиями. Эти партии не сыграли существенной роли в политической борьбе в первой половине 30-х годов. Для всех партий бывшего Центролева, несмотря на огромные программные различия между ними, общими были, таким образом, требования восстановления законности, то есть буржуазно-демократических порядков, и ликвидации диктатуры как виновницы хозяйственной катастрофы и политического насилия. Нельзя не заметить политического своекорыстия определенных умеренных и реакционных кругов, подхвативших лозунг законности. Даже эндэция, где после 1930 г. окончательно возобладали антипарламентаризм²⁰, охотно становилась в позу «защитницы законности в государстве»²¹. Но это было лишь свидетельством широкой популярности этих требований в стране и глубокого падения престижа санации.

В создавшейся обстановке санация вынуждена была отодвинуть вопрос о разработке конституции на дальний план. В 1931 г. ББСП перестраивал свою деятельность. В программе воеводских съездов Блока, собраний и митингов были преимущественно хозяйственные вопросы и оправдание правительственных мер «по экономии», а также противодействие «пораженческой» агитации оппозиционных партий. В эту кампанию энергично включилась проправительственная пресса, которая обсуждала «прежде всего хозяйственные вопросы как самые злободневные». Сеймовый клуб ББСП переключился на разработку совместно с правительством налоговой реформы и других законопроектов. Работа конституционной комиссии замерла²².

Единственным заметным результатом межсессионного периода было опубликование в журнале «Нове паньство» материалов конституционной анкеты сейма, распространенной главным образом среди пользовавшихся расположением санации представителей университетской юридической науки. Участники анкеты высказывались за сокращение компетенции

¹⁶ J. B o r k o w s k i. Ibid., s. 102—105.

¹⁷ AAN. MSW, PKI, sygn. 850, k. 25—27.

¹⁸ S. L a t o, W. S t a n k i e w i c z. Programy stronnictw ludowych. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1969, s. 299—300.

¹⁹ AAN. MSW, PKI, sygn. 850, k. 23—25, 106, 145—147.

²⁰ R. W a p i ń s k i. Endecka koncepcja państwa. «Dzieje Najnowsze», 1969, № 2, s. 151.

²¹ AAN. MSW, PKI, sygn. 850, k. 3, 43.

²² Ibid., 18—19, 41, 57—58, 78, 101, 125 in.

сейма, расширение прав сената и усиление исполнительной власти, ограничение или даже отмену парламентской ответственности министров, усиление власти президента. В то же время в большинстве ответов можно заметить более или менее выраженную тенденцию подобать оптимальные критерии перераспределения власти между государственными органами, не выходя из рамок конституции 1921 г., предупредить полное свертывание буржуазного парламентаризма и закрепление практики бесконтрольных «личных правительств»²³. Характерно содержание материалов опроса по последнему (18-му) пункту анкеты, относившемуся к разделу о правах и обязанностях граждан. Некоторые респонденты уклонились от ответа. Остальные предлагали только отдельные изъятия из него. Лишь К. Закшевский требовал признать относительность свободы личности, согласовать ее «с интересами государства»²⁴. Впоследствии докладчик конституционной комиссии С. Менкарский отмечал, что участники анкеты «советуют сохранить этот раздел (конституции) в принципе в неизменном виде»²⁵.

Концепция превращения сената в корпоративное «представительство интересов» не имела поддержки среди опрошенных. Некоторые (например, П. Дуний-Борковский) предлагали создать Высшую хозяйственную палату, но без законодательных функций. Отличался снова ответ Закшевского, проповедовавшего синдикализм в пропилсудчиковском профсоюзном движении²⁶. Он предлагал корпоративное переустройство политической системы общества на основе профессионально-хозяйственного и территориального (а также культурного, которое он предлагал дать славянским меньшинствам) самоуправления и создания корпоративного сената — «палаты профессий», наряду с сеймом — «политической палатой». Подчинение общественных учреждений самоуправления государственному аппарату, подготовку «общего включения профессиональных союзов в государство» Закшевский назвал «демократическим идеалом». Примером такого решения проблемы он считал «итальянское профессиональное право, являющееся творением [фашистского] министра юстиции г. Рокко»²⁷.

В целом, однако, материалы анкеты в неравной степени, но отмечены элементом критического отношения к той концепции конституции, которую изложил 3 марта в сейме Маковский. Состав участников анкеты позволяет рассматривать это как проявление колебаний влиятельных кругов в обстановке кризиса и обострения социальных противоречий. Существование таких настроений привело к усилению трений по вопросам политического строя в конституционной группе ББСП между представителями двух основных течений, составлявших два крыла Блока (одно крыло группировалось вокруг Союза направи республики, второе — вокруг организаций консерваторов)²⁸. Конституционная комиссия начала заседания с открытия сессии парламента, но не внесла, по заключению В. Славека, существенных изменений в проект 1929 г., придерживаясь очерченных этим проектом рамок²⁹. Среди санационных депутатов воз-

²³ Ankieta konstytucyjna Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej. Seria I—III. «Nowe Państwo», 1931, № 2, s. 29—30, 59, 65—67; № 3, s. 9—11, 31, 126; № 4, s. 18—20 in.

²⁴ Ibid., 1931, № 2, s. 18, 69; № 3, s. 66; 1932, № 4, s. 11, 33.

²⁵ «Nowe Państwo», 1933, № 4 (8), s. 142—143.

²⁶ A. M i c e w s k i. W cieniu marszałka Piłsudskiego. Warszawa, 1969, s. 261—268.

²⁷ Ankieta konstytucyjna Sejmu . . . «Nowe Państwo», 1931, № 2, s. 84—86.

²⁸ A. H o l z e r. Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1974, s. 295—300; A. M i c e w s k i. Ibid., s. 268—279.

²⁹ AAN. BBWR, sygn. 77, k. 12.

ники разногласия по вопросу о составе сената и роли профессионально-хозяйственного самоуправления.

Одним из ярых приверженцев идеи корпоративного сената был, например, М. Шавлеский. Он считал причиной катастрофических размеров экономического кризиса хозяйственный либерализм и свободу личности и требовал ускорить «вторжение» государства в хозяйственные вопросы, вместо буржуазно-демократических лозунгов свободы и равенства утвердить идеи приоритета государства и социальной солидарности, идеи компетентности и дисциплины. Для этой цели, считал он, недостаточно концентрации власти, в конституции должна быть предусмотрена «концентрация общества» путем развития палат профессионально-хозяйственного самоуправления, «ярусы» которых увенчает государство. Шавлеский призывал к интеграции профсоюзов в структуру государства на основе «принудительного солидаризма», чтобы искоренить влияние в них коммунистов³⁰. Связь «концентрации» с фашистским корпоративизмом обнаруживалась здесь со всей очевидностью. Но Шавлеский не хотел быть так понятым. Он заверял, что имел в виду не фашистские замыслы «революционного удара», а (только!) «умеренную, эволюционную концепцию», основанную исключительно на польской действительности, в которой «нет условий для строя политической демократии»³¹.

Оппоненты «синдикалистов» в принципе не отвергали концепцию «государства объединений». Автор доклада о составе сената Т. Сайдлер говорил, например, что недопустимо пренебрегать «корпоративным моментом», который, может быть, уже в ближайшем будущем приобретет необычайную значимость для государственной жизни. Однако они настаивали на осторожности, так как считали хозяйственное и территориальное самоуправление еще слишком «незрелым», чтобы положить его в основу парламентского представительства, ибо оно еще не стало «стерильным от политических бактерий» и классовых лозунгов. Стачное движение, особенно «черная стачка сельскохозяйственных рабочих, — напоминал И. Чума, — является тому отпугивающим примером»³².

В процессе развития, размышлял Чума, профессиональные организации приобретают место в отношении своих членов и общества и фактически превращаются из частно-правовых формаций в формации публичного права. Тем самым они подпадают под опеку администрации и административного суда. Участие профессиональных организаций как хозяйственных самоуправлений в осуществлении государственной власти (через палаты профессий) — это еще один путь контроля над ними со стороны государственного аппарата, а в обоих случаях — основание для изменения их правового положения посредством обычного законодательства и «вмуровывания их в... службу высшему благу»³³. А чтобы не возникало формально-правовых препятствий «историческому процессу», эта часть конституционной группы считала достаточным создать более гибкую избирательную систему: сохранить в конституции принципы всеобщих и тайных выборов в парламент, а остальные три принципа (пропорциональных, прямых и равных выборов) перенести в обычное законодательство, более доступное пересмотру, чем конституция³⁴. Глава режима Ю. Пилсудский «наблю-

³⁰ «Nowe Państwo», 1932, № 1 (5), s. 144—145; № 2(6), s. 76—82.]

³¹ Ibid., № 2 (6), s. 82—83.

³² Ibid., № 1(5), s. 134, 148—149; № 2 (6), s. 69.

³³ Ibid., № 1 (5), s. 135—137. Чума предлагал, в сущности, те же методы, с помощью которых фашизм в Италии начал устанавливать монополию своих профсоюзов в 1924 г. См. Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, с. 210—211.

³⁴ «Nowe Państwo», 1932, № 1 (5), s. 132—134, 147—148; № 2 (6), s. 69—71, 74—75.

дал работу конституционной комиссии и впечатление в обществе», но воздерживался высказать свое мнение «в окончательной форме»³⁵.

Для обсуждения вопроса, «как далеко должно пойти изменение государственного строя», председатель ББСП В. Славек созвал конфиденциальную конференцию «полковников» и близких им деятелей санации³⁶, которая работала с перерывами с 20 по 30 июня 1932 г. Всем участникам предварительно были разосланы обработанные Царом материалы конституционной комиссии, о которых в выступлениях говорилось как о «проекте Цара». Против корпоративного сената высказались Матушевский, Ян Пилсудский и Свительский. Последний особенно скептически отозвался о таких проектах: «Задачей конституции является создание основ сильной власти... Концепция превращения сената в палату профессий, правда, модная, но она нигде не проверена»³⁷. А Матушевский считал достаточным, что проект Цара открывает «элите интеллигенции» путь к власти и «дает возможность удержаться у власти элите ныне правящей»³⁸. Большинство согласилось с Маковским, что существование двух законодательных палат, мало отличающихся друг от друга по способу образования и компетенциям, «является никому не нужной роскошью». Выступавшие рекомендовали, чтобы часть сенаторов назначал президент, а остальных выбирали профессионально-хозяйственное и местное самоуправление³⁹. Предложение Стпичиньского и Шетцеля сразу превратить сенат в «палату профессий» Маковский назвал «неудачным». В связи со слабым влиянием санации в профессиональных организациях не следовало, по мнению Маковского и Подоского, «развивать» положения мартовской конституции о хозяйственном самоуправлении, но «модифицировать их, приспособив к нашим намерениям»⁴⁰. В выступлении 27 июня Подоский подчеркнул также, что «новая конституция, чтобы быть долговечной, должна опираться на глубокие идейные основы... Мы не должны отказываться от лозунга социальной справедливости. Мы должны только приспособить его к новым общественно-политическим и хозяйственным условиям». Напоминая о принятой санационным лагерем концепции «государства ассоциаций» Подоский требовал «дать в конституции какое-то вразумительное выражение нашему стремлению к организации общества на новых принципах»⁴¹. Парируя возражения Свительского, Славек сослался на опыт «организации общества» Беспартийным блоком, который развивает на каждой ступени организации соответствующие профессиональные ячейки. «Это практически наилучшее решение», — заключил он⁴².

Хотя в нашем распоряжении нет протоколов голосования, можно полагать, что конференция не предreshала окончательно вопроса о составе сената, но выработала линию на дальнейшее использование корпоративизма в проводимых государственных преобразованиях. Это выразили в сво-

³⁵ AAN. BBWR, sygn. 77, k. 12.

³⁶ Приглашены были премьер-министр А. Прыстор, министры Б. Медзвинский, И. Матушевский, Б. Перацкий, Я. Енджевич, Я. Пилсудский, Т. Шетцель, В. Завадский, вице-министры Л. Козловский, Ю. Бек и А. Коц, председатели (маршалы) сейма и сената К. Свительский и В. Рачкевич, их заместители С. Цар и В. Маковский, генералы Рыдз-Смиглы и Венява-Длугошевский, видные идеологи санации В. Стпичиньский и А. Скварчиньский, генеральный секретарь ББСП М. Долановский, секретарь парламентского клуба ББСП Б. Подоский.

³⁷ AAN. BBWR, sygn. 77, k. 35, 40. В фашистской Италии вопрос о превращении корпораций в своего рода парламент также оставался в стадии длительных дискуссий. См. П. Тольятти. Лекции о фашизме. М., 1974, с. 189.

³⁸ AAN. BBWR, sygn. 77, k. 17.

³⁹ Ibid., k. 32—36.

⁴⁰ Ibid., k. 16—17, 31, 33—34, 38.

⁴¹ Ibid., k. 37—38.

⁴² Ibid., k. 39—40.

их выступлениях Славек, Маковский, Перацкий и другие. Так, Подоский говорил: «Трудно... уже сейчас приступить к преобразованию сената в палату профессий. Однако мы должны в новой конституции представить этот вопрос таким образом, чтобы ничто не могло воспрепятствовать осуществлению наших стремлений и их конкретизации в обычных законах, нормирующих избирательное право в законодательные палаты. Мы не изменим тогда нашему основному лозунгу уничтожения партийства и политиканства...»⁴³.

Никто не мог предложить ничего взамен корпоративизма, а санация нуждалась в «идеях», и корпоративизм представлялся ей нераспознаваемым для масс суррогатом идеи социальной справедливости, средством изолировать и устранить оппозиционные движения, чтобы надежно удерживать массы под контролем правительства «элиты». Поэтому внедрение корпоративизма как идеологии и системы классового сотрудничества оставалось для санации «наилучшим решением». Однако реальная действительность, вопреки бодрым заверениям Славек, что «наш лагерь располагает большинством в обществе»⁴⁴, нарушала планы санации, вынуждая ее растягивать государственные преобразования на все более длительные сроки.

Система выборов президента была следующей особо заботившей пилсудчиков проблемой, имевшей самое прямое отношение к «удержанию» ими власти. Сразу заметим, что конференция не считала, что президентом, на основе новой конституции будет избран обязательно Ю. Пилсудский, и не в связи с ним персонально рассматривала вопрос о власти президента.

Цар предлагал сохранить систему «ограниченного плебисцита» (двумя кандидатами) из проекта 1929 г., но «модифицировать» ее, сделать плебисцит не обязательным, а зависящим от решения уходящего президента. Такая система выборов привлекала собравшихся тем, что в ней содержался элемент «апелляции к народу». «Опасно было бы для авторитета президента республики обвинение, что он является избранником клики», — говорил Свигальский. Поэтому конференция не поддержала Скварчиньского, предложившего, чтобы президента избрало делегированное определенными «общественными организациями» собрание электоров на тайном заседании, наподобие конклава, избирающего римского папу⁴⁵.

Вместе с тем участники конференции боялись любой возможности всеобщего голосования на практике. Чтобы предупредить нежелательные для правящей клики последствия плебисцита, Маковский предложил такое решение: если уходящий президент не согласится с выбором Национального собрания и выдвинет своего кандидата, то проводится плебисцит, но в качестве не избирающей, а отклоняющей одного из кандидатов инстанции. Венява-Длугошевский выразил общее мнение, что выборы президента следует доверить «соответственно подобранной элите»⁴⁶.

Поиски средств исключить всякую возможность подлинного волеизъявления народа во всеобщем голосовании совсем не случайно привели к постановке Славек «теоретического» вопроса о том, не следует ли заменить республиканскую форму правления монархией. Славек восхитался «послушание», какое имели в польском обществе династические короли⁴⁷.

⁴³ Ibid., к. 38.

⁴⁴ Ibid., к. 26.

⁴⁵ Ibid., к. 18—25.

⁴⁶ Ibid., к. 22, 23—24, 28.

⁴⁷ Ibid., к. 26.

Венява-Длугошевский обещал, что введение монархии встретит в армии «самый наилучший прием». Монархические чувства крестьян советовал использовать Подоский, чтобы укрепить власть Польши над Западной Украиной и Западной Белоруссией. Стпичиньский также считал монархию необходимой для осуществления федеративного устройства, которое, как известно, пилсудчики связывали с империалистической экспансией на Восток. А по мнению Козловского, «в истории группы, подобные нашей, всегда в итоге приходили к монархии»⁴⁸.

Общим, однако, было понимание, что «в настоящий момент» в польской действительности нет условий для введения монархии, ибо это «усилило бы левую оппозицию, давая ей, как оружие, лозунг борьбы за республику»⁴⁹.

Таким образом, протоколы конференции 1932 г. дают самое прямое подтверждение монархических симпатий санации, в которых демократические круги подозревали ее сразу после майского переворота⁵⁰.

В постановке пилсудчиками вопроса о форме правления с особой рельефностью выразилась связь государственных преобразований и подготовки новой конституции с антисоветскими захватническими расчетами санации. Вот выдержка из протокола заседания конституционной группы ББСП, состоявшегося годом позже, 13 сентября 1933 г.: «Славек... задумывался над тем, не была бы монархия наилучшей как переходная форма, чтобы скрепить былую историческую Польшу: Корону, Литву, Украину. Однако сегодня он убежден, что наша идеология нового отношения гражданина к государству... способна сильнее влиять на национальные меньшинства и на народы за нашими границами, нежели монархия... Мы отвергаем концепцию монархии и идем с лозунгом нового государства, понятого как соединение граждан с государством»⁵¹.

После конференции «полковников» работа конституционной группы ББСП не возобновилась. А в сентябре 1932 г. последовало заявление Славика о том, что реформа конституции «не является сейчас актуальной», означавшее отказ санации от намерения форсировать изменение конституции⁵².

В 1932 г. экономический кризис достиг наибольшей остроты, производство упало до самого низкого уровня. Социальные конфликты с новой силой потрясли и город, и деревню. Центр забастовочного движения переместился из мелкой и средней промышленности в крупную, забастовки становились все более упорными, а число их участников в 1932 г. увеличилось по сравнению с предыдущим годом втрое⁵³. Выступления крестьян в 1932 — первой половине 1933 г. достигли кульминации. Митинги, которые устраивало СЛ, собирали тысячи и десятки тысяч людей. Крестьянские забастовки-бойкоты городских рынков в центральных и восточных воеводствах приобретали радикальный политический характер. Участились столкновения крестьян с полицией и сборщиками налогов, нередко перераставшие в стихийные бунты.

Борьбу с нарастающим рабочим, крестьянским и национально-освободительным движением санация вела не только с помощью репрессивного аппарата. Усилия ББСП были сосредоточены на «государственном воспитании» общества, чтобы «парализовать разжигающую недовольство населения агитацию оппозиционных партий», остановить процесс развития

⁴⁸ Ibid., k. 27—30.

⁴⁹ Ibid., k. 28—29.

⁵⁰ См., например, A. Prager. Czas przeszły dokonany. Londyn, 1966, s. 424—425.

⁵¹ AAN. BBWR, sygn. 79, k. 29.

⁵² AAN. MSW, PKI, sygn. 850, k. 316.

⁵³ «Mały rocznik statystyczny 1939», Warszawa, 1939, s. 284.

классового сознания трудящихся, отвлечь их от классовой борьбы. Массовые собрания, устраивавшиеся Блоком, подчеркнуто именовались «хозяйственными». Трудящимся на таких собраниях внушалось, что условием преодоления кризиса и улучшения их положения является «прежде всего совместное усилие общества и правительства», а демонстрации и стачки только ввергают их в еще большую нужду⁵⁴.

Кампанию «хозяйственных собраний» увенчали «хозяйственные съезды». В мае 1933 г. в Варшаве состоялся трехдневный съезд деятелей хозяйственных и общественных организаций санации с участием министров и президента, а летом и осенью были проведены воеводские и 56 повятовых «хозяйственных съездов» для «популяризации экономической программы правительства, чтобы она воплощалась в жизнь при сотрудничестве осознавших ее широчайших масс общества»⁵⁵.

Для укрепления влияния санации использовались также патриотические манифестации в 1932 — весной 1933 г. против захватнических требований Германии о ревизии польско-германской границы: в правительственных кругах считали, что такие манифестации способствуют внутренней консолидации общества⁵⁶.

Под лозунгами аполитичности и социального солидаризма санация активизировала деятельность торгово-предпринимательских и ремесленных организаций, создавала ячейки своего влияния в деревне (кредитные кооперативы, сельскохозяйственные курсы и т. п.), развивала проправительственные «неклассовые» профсоюзы и т. д.⁵⁷

В феврале 1933 г. ББСП создал Организацию трудящейся молодежи, призванную охватить рабочую и ремесленную молодежь в возрасте 14—21 года с целью «опеки над нею, с подкармливанием включительно, и воспитания в общественно-государственном духе»⁵⁸.

Политическая линия генерального секретариата ББСП заключалась в организационном разграничении молодежных организаций по «сословному» признаку. Сферой влияния самой многочисленной организации проправительственной молодежи — Легиона молодых были студенты и молодая интеллигенция «в элитарном понимании». А консервативная «Мысль монарстова», указывало руководство ББСП, «имеет смысл существования только как правое крыло проправительственных молодежных организаций»⁵⁹.

Элитаризмом проникнута и антидемократическая реформа народного образования 1933 г. Она закрепляла отделение школы с более низким уровнем обучения для народных масс от школы для привилегированных классов⁶⁰. Министр просвещения наделялся особыми правами для усиления контроля правительства над «гражданско-государственным воспитанием» молодежи в общеобразовательной и высшей школе. Как указывал пилсудчиковский журнал «Дрога», школьная реформа была составной частью системы реформ, проводившихся после 1926 г., «с реформой конституции включительно»⁶¹.

В органической связи с деятельностью ББСП по «государственному воспитанию» общества и вместе с тем с подготовкой новой конституции находились и другие общественно-политические преобразования санации

⁵⁴ AAN. MSW, PKI, sygn. 850, k. 269, 301, 315 in; BBWR, sygn. 2, k. 2—12.

⁵⁵ Ibid., sygn. 851, k. 75, 102, 129; sygn. 2, k. 15, 21—28, in.

⁵⁶ AAN. MSW, PKI, sygn. 850, k. 286, 295 in; sygn. 851, k. 15.

⁵⁷ Ibid., sygn. 850, k. 362, 397; sygn. 851, k. 29, 58.

⁵⁸ AAN. BBWR, sygn. 2, k. 13.

⁵⁹ Ibid., k. 18—19.

⁶⁰ См. подробнее: Ч. В ы ц е х. Воспоминания, статьи, исследования. М., 1965, с. 61, 79—80.

⁶¹ «Дрога», 1932, № 7—8, с. 730—731; 1933, № 3, с. 219—227.

тех лет. Новыми актами законодательного ограничения гражданских и политических прав стали в 1932 г. декреты президента об отмене несменяемости судей, подчинении адвокатуры правительству, о введении нового уголовного кодекса, об ограничении свободы собраний. Закон «об обществах», давший властям право контролировать деятельность существующих общественных организаций и распускать по своему усмотрению, фактически распространялся и на профсоюзы⁶². Он открывал политической власти путь вмешательства во внутреннюю жизнь этих классовых рабочих организаций, традиционно пользовавшихся автономией.

В начале 1933 г. совет министров принял постановление о принудительном образовании сельскохозяйственных палат на всей территории государства. Закон о них был принят еще в марте 1928 г. Уже тогда его расценивали как проявление тенденции постепенного слияния хозяйственного самоуправления с правительственной администрацией и «процесса организации общества на профессиональных основах»⁶³. Но до 1933 г. действовали только три палаты: варшавская, поморская и великопольская. Теперь создавались еще десять. Участие в этих органах хозяйственного самоуправления мелких, средних и крупных земельных собственников, и лиц, назначенных государственными властями, должно было, по расчетам правительства, обеспечить «всестороннее, квалифицированное и с учетом интересов всех земледельческих слоев рассмотрение сельскохозяйственных проблем и подход к ним с всеобщественной и общегосударственной точки зрения»⁶⁴.

Кроме того, в Польше еще с 1927 г. существовали как корпорации публичного права промышленно-торговые и ремесленные палаты, игравшие значительную роль в экономической и политической жизни. На пути к завершению корпоративной системы данного типа теперь отсутствовал только один крупный структурный элемент: не было палат труда.

Длительное время подготавливался и в марте 1933 г. был принят антидемократический закон о «частичных» изменениях в системе местного самоуправления. «Исключить политику из деятельности органов самоуправления, нацелить их на пути строго и исключительно хозяйственные», — так определяло цель реформы руководство ББСП⁶⁵. Порядок выборов органов самоуправления также подвергся реакционному пересмотру. Благодаря этому ББСП получил повсеместно, за редким исключением, полный перевес в органах местного самоуправления всех уровней, избранных в 1933—1935 гг. по новому закону. Такой «успех» санационного лагеря не отражал подлинных настроений избирателей⁶⁶.

С марта 1933 г. заметно активизировалась деятельность конституционной комиссии сейма. Был создан редакционный коллектив, в состав которого вошли Славек, Цар, Маковский и Подоский. Подготовленный ими текст проекта конституции датирован июнем — июлем 1933 г. С 1 сентября началось детальное обсуждение проекта на объединенных заседаниях сеймовой и сенатской конституционных групп ББСП⁶⁷.

К середине 1933 г. в Польше наметился постепенный рост промышленного производства. Индекс занятости в городах оставался на прежнем уровне и накал забастовочной борьбы в целом не изменился (участников

⁶² AAN. MSW, sygn. 1141, k. 152.

⁶³ I. C z u m a. Izby rolnicze (prawo z marca 1928 roku). «Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny», 1928, № 4, s. 448, 451.

⁶⁴ AAN. MSW, sygn. 856, k. 3—4, 28, 72.

⁶⁵ AAN. BBWR, sygn. 2, k. 36.

⁶⁶ J. B o r k o w s k i. Samorządowe wybory miejskie 1933—1934. «Z pola walki», 1976, № 3, s. 61—95; A. Ł u c z a k. Samorząd terytorialny w programach i działalności stronnictw ludowych 1918—1939. Warszawa, 1973, s. 269—308.

⁶⁷ AAN. MSW, sygn. 933, k. 119; BBWR, sygn. 3, k. 87; sygn. 86, k. 1—33.

забастовок насчитывалось в 1933 г. 343 тыс. против 314 тыс. в 1932 г.)⁶⁸. Но крупнейшие выступления пролетариата проходились на первую половину года⁶⁹. В сельском хозяйстве кризис свирепствовал с неослабевающей силой. Однако с середины 1933 г. произошел спад крестьянских выступлений, продолжавшихся два года⁷⁰. В речи на заседании сейма 3 ноября 1933 г. премьер-министр Я. Енджеевич подчеркивал элементы экономической стабилизации и с особым удовлетворением говорил о политической стабилизации и «значительном смягчении социальной борьбы»⁷¹.

Наконец, летом 1933 г. произошло ослабление напряженности в отношениях Польши с гитлеровской Германией и началось временное польско-германское сближение. Правительство санации близоруко рассматривало это сближение, наносящее ущерб делу безопасности Польши и мира в Европе, как крупный успех польской дипломатии⁷². Внутренняя политика фашистской диктатуры в Германии также воодушевляла польскую реакцию. В выступлениях идеологов санации пример Германии, наряду с Италией, стал новым аргументом в пользу дальнейших общественно-политических преобразований в Польше.

В ноябре Славек и Цар уже торопились с окончанием работы конституционных групп: «Политические настроения благоприятствуют сегодня проведению конституции», — говорил Славек⁷³.

Проект конституции держался в строгом секрете в узком кругу лиц. Только о некоторых его положениях Славек рассказал на съезде Союза легионеров 6 августа 1933 г.⁷⁴. Он начал речь с критики парламентской системы и буржуазно-демократических принципов 1789 г. С позиций социального солидаризма он противопоставил им старое шляхетское понимание государства как «речи посполитой», то есть «общего дела», как бы «общего достояния» всех граждан. В таком отношении граждан к государству, утверждал Славек, заключалась его сила; слабостью же государства было то, что «в слишком малой степени оно располагало правом принуждения». Поэтому в будущей конституции предусматривалось, во-первых, сосредоточение полноты государственной власти, единой и неделимой, в руках президента, во-вторых, «сплочение гражданства с государством», означавшее изменение недоверчивого отношения гражданина к государству на активное сотрудничество. Славек сообщил также о введении нового элемента политической системы — корпуса «заслуженных» граждан, которые будут избирать 2/3 сената. Планировалось, что избирателями первого состава сената будут обладатели высших орденов. Однако Славек умолчал, что готовилось создание особой организации «элиты» — «Легиона заслуженных». Он был задуман в качестве «органа государственного аппарата», имеющего разветвленную сеть воеводских и повятовых организаций «элиты» — преданных санационному режиму чиновников и общественных и политических деятелей⁷⁵. Значительное место в «элите» отводилось военным⁷⁶. «Легион» создавался также с целью подкупа и развращения

⁶⁸ «Mały rocznik statystyczny 1939», s. 4, 284.

⁶⁹ J. K o w a l s k i. Trudne lata. Warszawa, 1966, s. 430—451; L. Grosfeld. Polska w latach kryzysu gospodarczego 1929—1933. Warszawa, 1952, s. 214—216.

⁷⁰ J. B o r k o w s k i. Postawa polityczna chłopów polskich w latach 1930—1935, s. 139—162.

⁷¹ «Gazeta Polska», 4 XI 1933.

⁷² И. В. М и х у т и н а. Советско-польские отношения в 1931—1935 гг. М., 1977, с. 128—140; М. W o j c i e c h o w s k i. Stosunki polsko-niemieckie 1933—1938. Poznań, 1965, s. 41—54 in.

⁷³ AAN. BBWR, sygn. 79, k. 86—87.

⁷⁴ «Gazeta Polska», 7 VIII 1933.

⁷⁵ AAN. BBWR, sygn. 79, k. 38, 88.

⁷⁶ Ibid., k. 41—42; sygn. 89, k. 23—37.

функционеров организаций трудящихся. Он давал «возможность извлечения из этой массы (общественных организаций) людей с активным характером», а важнейшей задачей членов «Легиона» по определению Славек являлось «воспитание нижних слоев общества, равнение их на верх, указание им идеалов в жизни»⁷⁷.

С системой «элиты» перечеркивался принцип формального политического равенства и вводилась иерархическая организация общества и государства. Одна из статей проекта конституции (она вошла и в окончательный текст) гласила: «Ценностью усилий и заслуг гражданина ради всеобщего блага будет измеряться его право влиять на общественные дела»⁷⁸.

Наверху этой системы, кроме президента, помещались сенат и Капитула «Легиона заслуженных» — властвующая «элита». Объясняя, почему президент не может влиять на решения сената о приеме в «Легион заслуженных», Цар говорил: «Мы не хотим давать президенту абсолютную власть. Сенат должен быть уздой для президента»⁷⁹. Сенат, таким образом, создавался в качестве олигархического органа, через который «элита» могла влиять на действия президента.

«Элита» получала также решающий голос при выборах президента. «Только новая концепция сената, — сказал Славек, — дает решение этого вопроса: с одной стороны, реализует концепцию конклава, а с другой стороны, — требование воли общества»⁸⁰. Для выдвижения кандидата создавалось Собрание электоров — 80 «достоинейших граждан», избранных сеймом и сенатом, но не обязательно членов парламента. Кандидат Собрания электоров становился президентом. Но если уходящий президент не одобрит выбор и выдвинет своего кандидата — «более сильную личность», то проводится плебисцит. Конференция «полковников» в 1932 г. предусматривала методы, как сделать плебисцит безопасным для власти санации. Но авторы проекта конституции были уверены, что одна угроза плебисцита «заставит задуматься» электоров⁸¹.

Концепция элитарного сената формировалась при поощрении консерваторов и, как докладывали их представители на заседаниях конституционных групп в сентябре, была принята ими «с энтузиазмом»⁸².

К тому моменту уже состоялась горячая дискуссия по статьям проекта о хозяйственном самоуправлении. Шавлеский, докладчик сеймовой комиссии по этому вопросу, повторил известные требования о корпоративной реорганизации общества. Противников корпоративизма среди выступавших было только трое: Богдани, Домбский и Мацкевич. Они не возлагали на корпоративизм никаких надежд, главной для них была сильная центральная власть⁸³.

Остальные участники дискуссии считали требования Шавлевского в принципе правильными, а Славек указал, что идеи солидаризма уже применяются на практике (пример деятельности ББСП), однако «сегодня нельзя еще предрешать» превращение сейма в корпоративное представительство. «Это вызвало бы, несомненно, революцию в умах людей, еще слишком привыкших к формам либерального мышления». Эти мысли подхватил Цар: «Нас ничто не вынуждает изменять политический строй революционным путем. Муссолини вынужден был это сделать, потому что

⁷⁷ ААН.ВВВР, sygn. 79, k. 72, 100.

⁷⁸ Ibid., sygn. 86, k. 3.

⁷⁹ Ibid., sygn. 79, k. 38.

⁸⁰ Ibid., k. 20—21.

⁸¹ Ibid., k. 22; sygn. 86, k. 6—8.

⁸² Ibid., sygn. 79, k. 1, 88—89; sygn. 84, k. 104; sygn. 86, k. 18, 64.

⁸³ Ibid., sygn. 79, k. 69—71, 73, 74.

Италия стояла на краю коммунистического переворота». Цар, Ростоворовский, Каменецкий, Менкарский отметили также, что в проекте предусмотрены условия для адаптации корпоративизма. «Ведь мы, — сказал Цар, — вычеркнули из положения о выборах в сейм условия равных, прямых и пропорциональных выборов, сохранение которых сделало бы невозможным действительное осуществление концепций корпоративного строя», а статья о Высшей хозяйственной палате «создает основу для реализации идеи солидаризма»⁸⁴.

Таким образом, оба крыла ББСП фактически взаимно дополняли друг друга, каждое по-своему выражало одну общую линию режима санации и стремилось с наибольшей последовательностью провести ее через конституцию. Проект санационной конституции перечеркивал гражданские и политические права, составлявшие V раздел конституции 1921 г.

В сеймовой комиссии обсуждение этого щекотливого вопроса было отложено на самые последние заседания. А тот факт, что по одному вопросу было три доклада, свидетельствовал о разногласиях. В докладе Е. Ващневской предлагалось не только сохранить V раздел, но и дополнить и упорядочить его. Образцовой в этом отношении она называла конституцию Веймарской республики⁸⁵.

«Государство, — говорил С. Менкарский, — становится все очевиднее наивысшей формой, интегрирующей все, что прежде было вне его... во имя осуществления идеи высшего блага». Такое понимание «новой роли государства» приводило Менкарского к отрицанию субъективного права и абсолютизации права объективного. Это выражено им в формуле «социального государства»: «Общественное право приходит на место права личности»⁸⁶.

Менкарский считал гражданские права оружием «всяческих темных антигосударственных сил». Перечисление этих прав в конституции, заявил он, «следует считать болтовней», а теории естественного права и договорного происхождения государства — «мертвы». Менкарский предлагал либо совсем не включать в новую конституцию статьи с перечислением основных прав граждан, либо сохранить некоторые из них, но иначе сформулировать. В последнем случае «гражданские права должны быть подчинены... высшему закону», каким является «благо государства»⁸⁷.

В истолковании Менкарского права граждан переставали быть собственно правами. Они теряли общеобязательный характер, заключающийся не только в обязанности субъектов прав считаться с рамками предоставленных прав, но также в юридической обязанности всех государственных органов и должностных лиц государственного аппарата, от которой их хотел освободить Менкарский, воздерживаться от любых действий, которые могли бы помешать гражданам воспользоваться своими правами. Отсутствие указанной корреляции субъективного права и юридической обязанности подрывает режим законности, создает условия для полицейского произвола⁸⁸.

Лапидарное определение системы правовых отношений в «социальном государстве» имеется в докладе Б. Фихны: «Из отношения гражданина к государству вытекают его обязанности перед государством, равно как и его права». Взгляды и рекомендации Фихны, в сущности, мало отличались от того, что говорил Менкарский. Оба они охотно ссылались на авторитет муссолиниевского министра Рокко, на его указания, что фашистское го-

⁸⁴ Ibid., к. 71—73, 75—76, 86.

⁸⁵ «Nowe Państwo», 1933, № 4 (8), s. 167—169.

⁸⁶ Ibid., s. 132, 138.

⁸⁷ Ibid., s. 130, 145, 165.

⁸⁸ См. М. С. Я в и ч. Общая теория права. Л., 1976.

сударство «не исключает свободу, если она полезна», но берет ее «в ежовые рукавицы», а коренным вопросом являются права государства, эквивалентом которых являются обязанности граждан⁸⁹.

В том же 1933 г. появился небольшой сборник статей Маковского, в котором он излагал свои взгляды на кризис традиционных форм политической системы буржуазного общества. Заголовок «Пересмотр общественного договора» передает центральную мысль книги.

Надо иметь смелость заявить, пишет Маковский, указывая на пример Германии, Австрии, Италии, что государство общественного договора людей, субъектов прирожденных прав, государство, задачей которого была защита человека от сограждан, а единственной целью — создание, исполнение и применение права, — это государство принадлежит прошлому. Перед государством встала задача стать регулятором отношения индивида к коллективу, регулятором отношений между «корпорациями публичного права», взять на себя роль «общественной службы»⁹⁰.

В качестве лучшей программы для тех, кто управляет государством, Маковский приводит слова создателя теории правового солидаризма Лео-на Дюги, что государство должно «не делать ничего несовместимого с социальной солидарностью и содействовать по мере возможности ее осуществлению. А служение социальной солидарности — это... вместе с тем осуществление права, потому что право возникает с социальной солидарностью»⁹¹. Маковский не скрывал, что является последователем некоторых правовых идей Дюги. Он подхватил также его синдикалистские идеи, что заметно, в частности, и в описываемой книге⁹².

Маковский, как и Дюги, признавал действие в обществе только объективного права, якобы основанного на социальной солидарности, и полностью отрицал субъективное право. Эта концепция противопоставлялась прогрессивным для своего времени взглядам на происхождение прав человека как естественных законов, первичных по отношению к установленным законам и не подлежащих государственному контролю и принуждению. Она открывала путь для вмешательства государства в область индивидуальных прав и свобод, а также в сферу социально-экономических отношений. Из того «значительного общественного факта», каким является социальная солидарность, а не прирожденные права, ограниченные общественным договором, «вытекают, — пишет Маковский, — нормы объективного права, которое в одно и то же время и защищает, и мобилизует человека на сотрудничество, и дает ему личные права, права общественные»⁹³.

Юридическая сфера человеческой личности резко сужалась и ее правовое положение в обществе и по отношению к государству коренным образом пересматривалось. «Человек, который является субъектом так называемой правовой нормы, — говорил Маковский, — ...не является носителем прирожденного субъективного права, но является лицом, на которое направлено нормативное предписание объективного права»⁹⁴, иначе говоря, личность является субъектом прав лишь постольку, поскольку в своих поступках следует нормам, вытекающим из требований социальной солидарности. Такие правовые нормы Маковский называл «суждениями об обязанности».

⁸⁹ «Nowe Państwo», 1933, № 4 (8), s. 124, 128, 140.

⁹⁰ W. Ma k o w s k i. Rewizja umowy społecznej. Warszawa, 1933, s. 20—21, 39, 75.

⁹¹ Ibid., s. 63—64.

⁹² Ср. Л. Д ю г и. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства. М., 1909, с. 119—129.

⁹³ W. Ma k o w s k i. Rewizja umowy społecznej, s. 15—16; е г о ж е. Państwo społeczne. Warszawa, 1936, s. 69.

⁹⁴ W. Ma k o w s k i. Referat o stanowieniu norm prawniczych 22 II 1933. «Nowe Państwo» 1933, № 4 (8), s. 60—61; е г о ж е. Państwo społeczne, s. 123.

Следовательно, любое сознательное действие человека вопреки нормам социальной солидарности немедленно ставило его вне закона, и не существовало препятствий для применения к нему со стороны государства мер принуждения и насилия. Таково, в частности, было юридическое обоснование создания концентрационного лагеря в Березе Картуской в июне 1934 г.

Наконец, Маковский принимает теорию Дюги о частной собственности, право которой «оправдывается и в то же время ограничивается социальной миссией», лежащей на собственнике⁹⁵. Для Маковского частная собственность является фактом действительности, но право собственности в качестве «социальной функции» должно «подчиняться преобладающему воздействию общественной необходимости»⁹⁶.

Особенно активно санационное государство стало вмешиваться в сферу социально-экономических отношений в годы экономического кризиса. Доказывая необходимость этого, идеологи санации решительно опровергали обвинения эндеции и заверяли буржуазию в том, что правительство не вкладывает в понятие «этатизм» целей национализации, обобществления собственности⁹⁷. Так же и Маковский, выдвигая требование «ограничения права собственности», подразумевал использование государства как орудия защиты общеклассовых интересов буржуазии и помещиков, не всегда совпадающих с узко эгоистическими интересами отдельных собственников⁹⁸.

Книга Маковского знакомила с идеями, положенными в основу проекта конституции, одним из авторов которого он был. Это подтвердилось и на заседании конституционных групп ББСП 21 сентября 1933 г. В проекте отсутствовал раздел о гражданских правах и обязанностях. Подоский дал следующее разъяснение: «...Не только кодификационно-технические причины побудили авторов [проекта] устранить раздел о правах и обязанностях граждан. И не только тем руководствовались авторы, что в этом разделе большинство статей имеет декларативный характер и повторяет сегодня уже лишённые содержания лозунги французской революции. Важнейшим мотивом исключения раздела о гражданских правах и обязанностях было желание авторов придать конституции принципиально новый характер. Надо срыть тот оборонительный вал в отношении к государству, который граждане построили себе в этом конституционном разделе. Впрочем, некоторые гражданские права и обязанности мы сохранили в проекте, так как они еще живы. Некоторые статьи из мартовской конституции мы сохранили из оппортунистических, тактико-политических взглядов (например, статьи о меньшинствах и вероисповеданиях), чтобы не создавать условий для внутренней борьбы»⁹⁹.

К проекту был приложен перечень сохраняемых из «оппортунистических взглядов» статей конституции 1921 г. Этот перечень Цар назвал «хламом, состоящим из статей, содержание которых со временем выветрится»¹⁰⁰.

И, наконец, высказывание последнего из авторов проекта — Славека: «Сегодня есть еще много поляков, которые считают государство пустым звуком, и только полицейский резиновой палкой заставляет их признавать силу и авторитет государственной власти... Все вышесказанное обос-

⁹⁵ Л. Д ю г и. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908, с. 22.

⁹⁶ W. M a k o w s k i. Rewizja umowy społecznej, s. 81.

⁹⁷ W. S t p i c z y ń s k i. Polska, która idzie. Warszawa, 1929, s. 235—238; W. R o s z k o w s k i. Etatyzm przemysłowy w Polsce w latach kryzysu 1929—1933. «Przegląd Historyczny», 1972, z. 1, s. 67—79.

⁹⁸ См. W. M a k o w s k i. Państwo społeczne, s. 75—76.

⁹⁹ AAN. BBWR, sygn. 79, k. 78.

¹⁰⁰ Ibid., k. 79, 82.

повышает излишность статей о гражданских правах в конституции»¹⁰¹.

Таким образом, «принципиально новый характер» проекта конституции заключался прежде всего в том, что в нем проводилось правовое обоснование отрицания демократических прав и свобод, подавления личности государством, подчинения ее интересам «общего блага». Разумеется, такие признания предназначались для немногих, особо доверенных людей. Руководство ББСП разработало тактику постепенной подготовки «мышления общества» к восприятию проекта. «Дискуссии на конституционные темы, — указывал Славек, — должны проводиться по отдельным вопросам, а наши конституционные идеи должны достигать общего сознания дозами, какие может переварить средний ум»¹⁰². Эта тактика была рассчитана прежде всего на оппозиционные партии, которые могли причинить санации хлопоты при утверждении конституции в сейме, где ББСП не имел необходимых $\frac{2}{3}$ голосов.

Но антидемократизм проекта был настолько очевиден, что во время обсуждения на пленуме парламентского клуба ББСП 14 декабря 1933 г. вызвал беспокойство даже санационных депутатов, которых его авторы не собирались посвящать в подробности своих замыслов. Поэтому в переданном в комиссию сейма проекте, оформленном в виде тезисов, во избежание слишком бурной реакции оппозиции была сохранена «пятичленная» система выборов в сейм¹⁰³. Одновременно в комиссию был передан и проект «Легиона заслуженных».

Представители оппозиции в конституционной комиссии выразили решимость своих партий не допустить утверждения проекта в сейме. В. Битнер (ХД) сравнивал его с «азиатскими сатрапиями», а К. Чапиньский (ППС) определил санационный режим как «стыдливый и неполный фашизм», который стремится стать полным¹⁰⁴.

Вынесенный на пленум сейма как тезисы, проект конституции не требовал для одобрения квалифицированного большинства, но после голосования подлежал возврату в комиссию. Поэтому оппозиция рассматривала дебаты по тезисам как формальный акт, убежденная, что конституцию «законным путем ввести никаким образом не удастся»¹⁰⁵. В день заседания сейма 26 января 1934 г. клубы оппозиции ограничились краткими заявлениями и в знак протеста покинули зал, совершив крупный просчет и позволив ББСП сделать больше, чем он надеялся. Оставшиеся одни, депутаты санации получили необходимое им большинство. В нарушение регламента заседаний сейма и не имея на то полномочий конституционной комиссии, они приняли решение о признании тезисов проектом закона¹⁰⁶. После этого было проведено молниеносное голосование проекта в трех чтениях. Депутаты оппозиции стали поспешно возвращаться в зал, но было уже поздно.

ППС, СЛ и другие антисанационные партии требовали аннулировать результаты голосования 26 января как незаконного. Но эти протесты раздавались в основном в стенах сейма. Санационное большинство, разумеется, отклонило их¹⁰⁷. Призывы КПП организовать массовое сопротивление, политические забастовки и демонстрации не были поддержаны партиями легальной оппозиции.

¹⁰¹ ААН. BBWR, sygn. 79, k. 81.

¹⁰² Ibid., k. 87.

¹⁰³ Ibid., sygn. 85, k. 61.

¹⁰⁴ «Nowe Państwo», 1934, № 3 (11), s. 65—70.

¹⁰⁵ «Zielony Sztandar», 24 I 1934.

¹⁰⁶ «Historia państwa i prawa Polski 1918—1939», część 1. Warszawa, 1962, s. 147—148.

¹⁰⁷ J. K o w a l s k i. Ibid., s. 496—498; «Zielony Sztandar», 4 II 1934.

23 июня 1934 г. Славек, сославшись на разговор с Пилсудским, сообщил, что на время откладывается создание «Легиона заслуженных»¹⁰⁸. Утверждение С. Мацкевича, будто бы Пилсудский «с досадой отклонил» проект Славек¹⁰⁹, основано не более чем на слухах. В июле 1934 г. «Газета польска», которая считалась органом ББСП, поместила серию статей, где решительно высказывалась за отстранение молодежи от участия в политической жизни. «Активная политическая деятельность отнюдь не является ни обязанностью молодежи, ни необходимым условием ее подготовки к гражданской жизни», — подчеркивала газета. Эту подготовку она предлагала осуществлять в организациях молодежи с узко конкретными формами деятельности (студенческие корпорации, организации военной подготовки, просветительные и т. п.). Развитие и организационное включение сети подобных организаций в рамки проправительственного лагеря затруднялось по мнению газеты «его нынешним формальным обликом», но будет достигнуто, когда руководство решит задачу «иной организации лагеря»¹¹⁰.

«Отлучить» от политической жизни санация хотела не только молодежь. 1 августа 1934 г. премьер-министр Л. Козловский на заседании парламентского клуба ББСП объявил о намерении правительства «помочь» рабочему классу «найти надлежащие организационные формы», соответствующие создаваемому правительством «столь важному для государства арбитражному аппарату»¹¹¹. Рабочие партии увидели в заявлении правительства открытую угрозу ликвидации профсоюзов, стоявших на позициях классовой борьбы, их насильственной государственной унификации, подготовку которой санация вела уже давно¹¹².

Наконец, в 1934 г. появились отчетливые признаки внутреннего разлада в правящем лагере на почве разногласий по поводу проводившейся правительством политики выхода из экономического кризиса¹¹³, которые также могли быть причиной отсрочки создания «Легиона заслуженных». Приведенные факты, несомненно, связаны с разработкой руководителями санации планов замены ББСП новой организацией — Всеобщей общественной организации (ВОО). Подробнее об этих планах стало известно в 1935 г.¹¹⁴. ВОО сочетала идею «Легиона заслуженных», организованной наподобие рыцарского ордена санационной «элиты», способной беззаветно служить государству, и давнюю пилсудчиковскую идею «общего фронта» — общей организации работодателей и работников, составляющей социальную базу режима и действующей во всех классах и слоях общества. С помощью ВОО санация рассчитывала осуществить интеграцию массовых

¹⁰⁸ «Czas», 30 VI 1934; «Zielony Sztandar», 15 VII 1934.

¹⁰⁹ S. Maćkiewicz (C a t). Historia Polski od 11 listopada 1918 do 17 września 1939. Londyn, 1941, s. 230.

¹¹⁰ «Gazeta Polska», 19, 20, 21 VII 1934.

¹¹¹ Ibid., 2 VIII 1934.

¹¹² Борьба рабочего класса Польши против наступления реакции, в защиту своих классовых организаций в 1934 г. широко отражена в литературе. Санация не решилась тогда ликвидировать профсоюзы. В этой борьбе важную роль сыграла КПП, которая в 1933—1934 гг., постепенно преодолевая левосектантские установки и представления, совершала нелегкий поворот к новой политике, в которой общедемократические задачи стали платформой единых действий рабочего класса. См. М. И. Богуславский. Коммунистическая партия Польши во главе рабочего движения в 1933—1934 гг. В кн. Из истории польского рабочего движения. М., 1962, с. 366—378; F. Kałicka. Z zagadnień jednolitego frontu, s. 337—392; W. Rałynski. Lewica związkowa w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1976, s. 167—168.

¹¹³ См. J. Żarnowski. Struktura i podłoże społeczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926—1939. «Najnowsze dzieje Polski, 1914—1939», t. X. Warszawa, 1966, s. 75.

¹¹⁴ См. J. Jędrzejewicz. W służbie idei. Fragmenty pamiętnika i pism. Londyn, 1972, s. 225—229.

общественных организаций в структуру буржуазного государства. Социальный солидаризм и элитарно-иерархический принцип «равнения на верх по мере заслуг» были идейной и организационной основой концепции ВОО. Вот почему изъятие Славеком проекта «Легиона заслуженных» так же не изменило элитарного характера проекта конституции, который с конца 1934 г. «дорабатывался» конституционной комиссией сената. 16 января 1935 г. сенат утвердил проект, вычеркнув из него условие пропорциональных выборов в сейм, но под напором оппозиции вынужден был внести пункт о гарантировании личной свободы, неприкосновенности жилища и тайны корреспонденции. Цар в докладе на пленуме сейма 23 марта с раздражением говорил о «методах работы оппозиции», но подчеркивал, что ее поправки «не изменяют ни концепции государственного строя, ни других принципиальных постулатов»¹¹⁵.

Дебаты в сейме 23 марта 1935 г. были бурные и длительные. Они закончились повторным утверждением проекта конституции санационным большинством. И снова с подтасовкой порядка голосования. Оппозиция была бессильна, а на улице Вейской, где находилось здание сейма, в это время — «нет движения, нет кордонов, нет молвы...»¹¹⁶ Лидеры парламентской оппозиции, прежде всего ППС, так и не решились апеллировать к народу. Организованная ими кампания массовых собраний была слишком недостаточной мерой¹¹⁷. «Не гробовым молчанием, как советует ППС, но бурей протеста, борьбой в едином фронте должны ответить на ее (конституции) утверждение миллионные массы трудящихся», — писал руководитель КПП Ю. Ленский¹¹⁸. Однако этого не произошло. Через месяц президент подписал новую конституцию, которая стала действующей со дня ее опубликования 24 апреля 1935 г.¹¹⁹.

Сохраняя республиканскую форму польского буржуазного государства, конституция приписывала ему в соответствии с доктриной социального солидаризма надклассовую сущность «общего достояния всех граждан» и объявляла его целью «объединение всех граждан в гармоническом сотрудничестве ради всеобщего блага» (ст. 1 и 9).

Понятие «всеобщего блага» является мерилом деятельности и государства и общества. Но условия развития общества в достижении этого «всеобщего блага», частью которого были «мощь и значение государства», определяло государство: «В рамках государства и опираясь на него складывается жизнь общества» (ст. 4).

«Всеобщим благом» определялись также нормы поведения и мера положительной активности («творчества») каждого гражданина. Принцип политического равенства конституция заменила элитарно-олигархическим принципом «заслуги» перед «всеобщим благом». Государство поощряло «творчество» граждан, обеспечивало их подготовку к этой деятельности и ратифицировало ее как выполнение налагаемых государством обязанностей. В интересах выполнения этих обязанностей допускались свобода совести, слова и союзов, но «пределом этих свобод является всеобщее благо» (то есть даже не закон, как в буржуазно-демократических конституциях). В случае сопротивления гражданина целям государства — «государство применяет средства принуждения» (ст. 5—7, 10).

Путь для вмешательства государства в область социально-экономических отношений открывала статья 8: «Труд является основой развития и мощи республики. Государство осуществляет охрану труда и надзор за

¹¹⁵ «Gazeta Polska», 24 III 1935.

¹¹⁶ «Czas», 24 III 1935; «Robotnik», 24 III 1935.

¹¹⁷ J. K o w a l s k i. Ibid., s. 704—707.

¹¹⁸ J. L e Ń s k i. O front ludowy w Polsce 1934—1937. Warszawa, 1956, s. 87.

¹¹⁹ «Dziennik Ustaw Pzeczypospolitej Rolskiej», 1935, № 30, poz. 227.

его условиями». С. Цар объяснял однажды, что эта статья «сформулирована так, чтобы не делать жесткими формулы проблемы труда, которые в настоящее время находятся в стадии эволюции»¹²⁰. Как известно, санация рассчитывала добиться «солидарности» работников и работодателей с помощью формул корпоративизма. Кроме того, в контексте конституции труд рассматривался как обязанность ради «всеобщего блага», отсюда вытекало утверждение о незаконности забастовочной борьбы.

Отвергая буржуазно-демократические принципы народного суверенитета и разделения властей, конституция 1935 г. провозглашала, что государственная власть едина и неделима. Вся она сосредотачивалась в руках президента республики, «верховного фактора в государстве», ответственного только «перед богом и историей» (ст. 2). Описанный выше порядок выборов президента Собранием электоров показывает, что президент персонализировал неограниченную власть верхушки санационной «элиты». Под главенством президента по принципу разделения компетенций создавались высшие органы государства. По отношению к каждому из них президент наделялся правами, которые обеспечивали ему полный перевес и контроль над ними и определение стратегии государственной политики. Президент осуществлял верховную военную власть, издавая декреты, которые могли отменяться «только такими же декретами президента». Парламент полностью был отстранен от управления вооруженными силами, а практически и от влияния на внешнюю политику. Президент лишь после обсуждения со своим министрами принимал решение о войне и мире, заключал и ратифицировал договоры с другими государствами, в том числе союзы.

В кадрово-персональной политике президент пользовался «прерогативами»: его решения о замещениях высших должностей, а также назначение себе преемника в случае войны не требовали контрассигнаты ответственных членов правительства. Всех судей в стране также назначал президент. Министры назначались по предложению главы кабинета и были политически ответственны перед президентом. В законодательстве президент получил решительное преобладание над парламентом. Декреты президента были приравнены к законам, а с помощью отсрочивающего вето он держал под своим контролем законодательную деятельность сейма. Финансовые полномочия сейма в апрельской конституции сократились даже в сравнении с конституционной новеллой 1926 г. Его участие в подготовке бюджета стало, в сущности, формальным актом, а отклонение им проекта бюджета в целом не рассматривалось уже как выражение недоверия, правительству.

Авторы конституции, сохранив сейм, приспособили его к интересам диктатуры в качестве, как определил Славек, «своего рода предохранительного клапана». Надо оставить депутатам, говорил Славек, право «выявлять хотя бы мелкие злоупотребления власти». А в предвидении изменения состава депутатов в будущем, он был уверен, «не будет надобности трактовать парламент как врага»¹²¹. Вот почему, несмотря на протесты консерваторов¹²², были смягчены, по сравнению с проектом 1929 г., условия вынесения вотума недоверия правительству или министру. Впрочем, голосование сейма не влекло немедленной их отставки. Окончательное решение принимал президент.

Полномочия элитарного сената, $\frac{1}{3}$ которого назначалась президентом, были значительно увеличены по сравнению с конституцией 1921 г. Стало необходимым его участие в решении многих вопросов, которые раньше

¹²⁰ AAN. BBWR, sygn. 79, k. 7.

¹²¹ Ibid., k. 27, 103.

¹²² Ibid., k. 90—94.

входили в компетенцию сейма. А в случае вторичного рассмотрения задержанного президентом законопроекта голосование сенаторов получало арбитражное значение в споре между президентом и сеймом (ст. 54).

Анализ конституции 1935 г. с учетом истории ее подготовки, политической и правовой идеологии санации и практики государственных преобразований в предшествующие годы не подтверждает выводов ряда авторов. Например, Э. Гдулевич в статье, приуроченной к 40-летию апрельской конституции, приходит к заключению, что конституция отразила стремление найти «золотую середину» между парламентской демократией и фашизмом и ей адекватно авторитарное государство¹²³.

Крайняя централизация и неограниченность компетенций политической власти, олигархическое правление «элиты», подчинение контролю политической власти всех сфер жизни общества при ликвидации всяких форм общественного контроля над ее деятельностью, предельное ограничение или ликвидация большинства прав и свобод трудящихся и политического равенства под ширмой «всеобщего блага», юридическая беззащитность личности перед принуждением со стороны государства, — вот в общих чертах модель санационного «нового государства» в конституции 1935 г. — государства фашистского типа.

Неверно также, будто творцы конституции «решительно отмежевались» от корпоративизма¹²⁴. Как и было задумано, конституция приспособила статьи о хозяйственном самоуправлении к «адаптации корпоративизма» (ст. 4, 76 и др.). Планируя в октябре 1935 г. изменения действующего законодательства в связи с новой конституцией, правительство считало, что в числе первоочередных должны быть изданы законы об устройстве территориального самоуправления и о палатах труда¹²⁵. Предварительный проект закона о палатах труда, нацеленный на огосударствление профсоюзов, имелся уже к концу 1935 г.¹²⁶. Наконец, что также давно планировалось, в основу избирательной системы было положено «представительство интересов».

Новые положения о выборах были опубликованы в июле 1935 г. Право выдвижения кандидатов в депутаты сейма принадлежало окружным собраниям, создававшимся под председательством назначенных министром внутренних дел комиссаров. В состав собраний входили делегаты местного и хозяйственного самоуправлений и профсоюзов. Условия были таковы, что партиям оппозиции не было оставлено никакой возможности пробиться даже в окружные собрания. Право избирать сенат имела только «элита» общества: обладатели высших орденов, офицеры, в том числе офицеры запаса, специалисты с высшим образованием, а также, что показательное, деятели местного и хозяйственного самоуправления и крупных профсоюзов. В двухстепенных выборах они избирали 64 сенатора (остальных назначал президент).

Массовое движение протеста против новой конституции и положений о выборах летом 1935 г., бойкот выборов в сейм в сентябре, организованный выступившими единым фронтом демократическими силами, массовые политические выступления в конце 1935—1936 г. углубили политический кризис санации, возникший после смерти Пилсудского, и способствовали значительному торможению реакционных общественно-политических преобразований в Польше, связанных с проведением в жизнь фашистской конституции.

¹²³ E. Gdulewicz. Niektóre koncepcje ustroju politycznego w Konstytucji Rzeczypospolitej Polskiej z 23 kwietnia 1935 r. «Państwo i Prawo», 1975, № 3, s. 75—76.

¹²⁴ Ibid., s. 72.

¹²⁵ AAN. Prezydium Rady Ministrów, sygn. 5—5, k. 2, 9.

¹²⁶ AAN. Ministerstwo Opieki Społecznej, sygn. 52, k. 1—10.

Г. Ю. ХАРЦИЕВА

ГАЗЕТА «СЛОВЕНСКЕ НАРОДНЕ НОВИНИ» (АВГУСТ 1845 — ИЮНЬ 1848) И ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРАММЫ СЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Конец XVIII — первая половина XIX в. известны в истории славянских народов, населявших территорию Австрийской империи, как эпоха «национального возрождения», знаменующая собой процесс формирования буржуазных наций, происходивший в условиях, с одной стороны все больше приходящего в упадок феодального строя, с другой — многонационального государства, что придавало особую остроту национальным проблемам.

Процесс образования словацкой нации был осложнен не только условиями феодального строя и экономической слабостью немногочисленной словацкой буржуазии, но и такими факторами, как двойной национальный гнет — немецкий и венгерский — и отсутствие собственного государства или хотя бы автономных прав внутри многонационального государства, какими располагала, например, Хорватия. Этот гнет в значительной мере совпадал и с социальным, так как крупными землевладельцами были венгерские дворяне, а среди венгерских мануфактуристов, по переписи 1825 г. был всего один словак¹.

Таким образом словацкая буржуазия не могла возглавить антифеодальное и национальное движение своего народа. Эту роль гегемона приняла на себя словацкая национальная интеллигенция, составлявшая в середине XIX в. лишь около 1,7% всего словацкого преимущественно крестьянского населения². Это были, в основном выходцы из средних или зажиточных крестьян, ремесленников, а также из семей учителей и священников. Словацкая интеллигенция была ближе к народным массам, чем, например, венгерское среднее дворянство и буржуазия, однако она была слабой, так как не имела каких-либо твердых экономических позиций в государстве. Кроме того, в течение очень долгого времени она была расколота на две конфессиональные группировки — католическую и протестантскую, что было закреплено и в церковных традициях, и в воспитании и в языке (у католиков латынь, у протестантов — чешский язык Кралицкой библии).

До конца 30-х годов XIX в. словацкое национальное движение протекало в основном в рамках названных конфессиональных группировок,

¹ K počiatkom slovenského národného obrodenia (sborník štúdií Historického ústavu SAV pri príležitosti 200 jubilea narodenia A. Bernoláka). Bratislava, 1964, s. 26.

² Ibid., s. 34—35.

хотя и имели место связи и сотрудничество между отдельными их представителями. В 40-е годы XIX в. проявляется, с одной стороны, усиленное стремление словацких национальных сил к идейному и организационному сплочению (имеется в виду не только объединение интеллигенции, но и дальнейшее расширение социальной базы словацкого национального движения), с другой стороны — понимание все большей частью интеллигенции необходимости освобождения народных масс от гнета феодальных отношений. Все более настоятельной в таких условиях становится потребность в формировании программы движения.

15 января 1845 г. Л. Штур и другие ведущие представители словацкой интеллигенции после нескольких неудачных попыток наконец добились согласия австрийских властей на издание «Словенских народных новин». Борьба штуровцев за политическую газету не была случайной, она имела свои корни в деятельности и стремлениях предшественников (бернолаковцев старшего и младшего поколений, Ю. Палковича и других) и определялась насущными потребностями словацкого национального движения 40-х годов³.

Выход в свет 1 августа 1845 г. первого номера газеты отмечался поэтому по всей Словакии, по свидетельству многих современников, как подлинный национальный праздник⁴.

Подписчиками газеты были национальная интеллигенция (в основном учителя и священники), мелкая словацкая буржуазия и немногие представители дворянства. В 1846 г. по свидетельству младшего брата Л. Штура, также сотрудника газеты, было около 400 подписчиков. Однако читателями газеты являлся гораздо более широкий круг людей, так как в ней постоянно встречаются свидетельства (нередко самих подписчиков) о том, что она читается прихожанам, членам обществ трезвости и т. д., то есть и крестьянам, и городской бедноте. Штур посылал «Словенские народные новины» в Оломоуц, Прагу, Пешт, Вену, Нови Сад, Лейпциг, Белград, Париж, Харьков (И. И. Срезневскому), Берлин, Загреб и даже Лондон.

Образцом для «Словенских народных новин» как политической газеты служили в первую очередь чешские и югославянские газеты и журналы, в которых проходила школу журналистики словацкая пишущая интеллигенция (в частности, такие, как «Пражские новины», «Кветы»), а также собственные словацкие литературные и научно-популярные издания. Отражать же она должна была в первую очередь словацкую и венгерскую жизнь.

Необходимо сразу же отметить, что положение газеты и ее редакции было во многих отношениях сложным: тяжелое материальное положение, зависимость от цензуры, нападки венгерских властей и органов печати. Об этих трудностях нельзя забывать, оценивая роль газеты в словацком национальном движении и анализируя деятельность Штура как ее главного редактора и автора многих опубликованных в ней статей.

Одной из основных задач газеты Штур считал: способствовать просвещению народа и улучшению его нравственности и всему тому, «что делает родину сильнее и приводит к ее расцвету»⁵. Вместе с тем он подчеркивал: «Главное, однако, будет для нас в том, чтобы соблюдалась безопасность

³ Необходимо, помимо всего прочего, учесть, что в этот период на территории Венгрии было уже пять политических газет (в том числе газета Л. Кошута и его соратников «Пешти Хирлап»), две из которых — немецкая и венгерская — выходили в Братиславе. В общей сложности венгры имели на территории современной Венгрии 40 периодических органов, газет и журналов.

⁴ J. M. H u r b a n. L'udovit Štúr. Rozpomienky slovenske vydavateľstvo krásnej literatúry. Bratislava, 1959, s. 420.

⁵ Ohlas o SNN a Orlovi Tatranskom. В кн. «Slovenskije národnje novini». Bratislava, 1956, d. I, s. 2.

личности и собственности (...) и существовала сильная исполнительная власть, необходимая для этого». (Заметим, что о безопасности личности и собственности говорит человек, который фактически всю жизнь еле сводил концы с концами; конечно, утверждения подобного рода были нужны не ему самому, всю свою жизнь посвятившему борьбе за лучшее будущее своего народа, а цензуре и тем — из более или менее зажиточных словаков, которых он боялся оттолкнуть от своей газеты.)

Важной задачей газеты Штур считал борьбу за язык и национальное самосознание своего народа. Отмечая бесспорный прогресс венгров в развитии языка и нации и приветствуя его, он в то же время выражал надежду, что последние не будут препятствовать развитию словацкого литературного языка.

Главный редактор еще не представлял читателю развернутой программы (до нее было еще далеко), поэтому и задачи газеты были сформулированы в общей форме, но он недвусмысленно подчеркивал, что газета должна стать центром, вокруг которого сплотятся все представители словацкого национального движения, и что «прежде всякой работы» необходимо познать собственные слабости и недостатки, а уже затем найти в себе силы их исправить.

Выходила газета дважды в неделю (вторник и пятницу), а литературное приложение — раз в две недели.

Что же представляла собой первая словацкая политическая газета? В ней были три постоянные рубрики: 1) передовая статья, 2) «Отечественный дневник», 3) «Зарубежный дневник».

Термин «передовая статья» является в известной степени условным. Под этой рубрикой в основном печатались редакционные статьи Л. Штура или его помощника по редакции П. Кельнер-Гостинского, чаще всего научно-популярного характера, однако, нередко выходили и дискуссионные статьи, авторами которых были временные и постоянные корреспонденты газеты. Рубрика «Отечественный дневник» содержала в себе сначала краткие, затем все более подробные сообщения с мест по самым различным вопросам. Последняя из этих (основных и постоянных) рубрик «Зарубежный дневник» была наименее удачной уже потому, что, во-первых, у редакции не было материальных и других возможностей иметь своих собственных корреспондентов за границей, а, во-вторых, цензурой были запрещены комментарии по поводу зарубежных событий.

Эпизодически появлялась в газете рубрика «Разное», где помещались краткие сообщения об отдельных случаях, «новых находках на каком бы то ни было поприще», объявления о выходе новых книг и работ словацких авторов и т. д. Позже (с № 63, март 1846 г.) в газете появляется рубрика «Обзор журналов», интересная для нас прежде всего содержащейся в ней полемикой по национальным вопросам с венгерскими журналами и газетами, выступавшими против «Словенских народных новин» или кого-либо из публикующихся в ней авторов.

С помощью объявлений пропагандировалась самая различная национально-просветительская словацкая литература: книги, сборники проповедей, стихов, народных песен, календари, справочники, полемические статьи. Они открывали словацкому народу имена лучших его сынов, таких как А. Штур, Й. М. Гурбан, М. М. Годжа, Э. Герометта, А. Сладкович, Д. Лихард и другие. Значительное место в газете занимают редакционные примечания Штура. Они — показатель отношения главного редактора газеты к присылаемому и публикуемому материалу.

Весь материал газеты можно (хотя и в достаточной мере условно) разделить на три основные группы: 1) с социально-экономической, 2) национально-политической и 3) культурно-просветительской проблематикой.

К первой группе следует, в первую очередь, отнести серию статей ближайшего помощника Штура по газете — П. Кельнер-Гостинского «Взгляды на наше народное хозяйство»⁶, в которых на основе богатых статистических данных детально анализируется кризисное положение венгерской вообще и словацкой, в частности, экономики, с которыми связывается и бедственное положение народных масс. Начинает автор с самых выразительных цифр, показывая, что немногочисленное венгерское и мадьяризованное дворянство владеет на территории Словакии $\frac{2}{3}$ всей обрабатываемой и находящейся под пастбищами земель, не платя при этом никаких налогов за эту землю⁷.

В то же самое время многочисленное словацкое крестьянство, владеющее лишь третью земли, отягчено непомерными налогами, которые автор добросовестно и подробно описывает. Это и ежегодный военный налог, и затраты на рекрутов, на постой войск, на строительство мостов, государственных зданий, на содержание чиновников и тюрем, взносы на содержание старосты, сельских писцов и т. д.

Самое же главное — это обременительные урбарильные и неурбарильные барщинные повинности, а также натуральный оброк — «девяток», т. е. девятая часть урожая — помещику и «десятина» — церкви.

Кельнер-Гостинский наглядно показывает, что все непомерные налоги и повинности как правило ведут крестьян, которых он считает «основой хозяйства в стране»⁸, к нищете, болезням, а также в кабалу к ростовщикам. Он неоднократно подчеркивает, что сохранение феодальных повинностей и пережитков в стране невыгодно и крестьянам (которые находятся в духовном и физическом рабстве, не имея возможности не только получить образование, но и просто нормально, по-человечески жить), и дворянам, поля которых обрабатывают люди, не заинтересованные в своем труде. Хотя сейм в 1840 г. подтвердил право выкупа урбарильных повинностей, мы не находим (в частности, и на страницах газеты) сообщений о существенном изменении в положении крестьян после этого сейма.

Социально-экономической проблематике посвящал свои статьи и Штур (1846—1847 гг.). В статье «Слово к стати», в частности, он пишет: «Урбарильную повинность, как бы ее иные ни защищали и ни отстаивали, надолго удержать уже не удастся; она противоречит духу гуманизма, препятствует развитию людей, наносит ущерб их достоинству и богатству всей страны, противоречит современному промышленному духу, все более и более распространяющемуся и в нашей стране, и поэтому она вообще, а тем более, в настоящее время, противоестественна»⁹. В одной из самых известных своих статей «В чем наша бедность» — Штур также недвусмысленно подчеркивает, что причиной бедственного положения Словакии была и остается феодальная зависимость народа, которая привела его в жалкое состояние¹⁰. Говоря о пьянстве, о необразованности простого словака, автор и это обоснованно связывает с тем, что народ несвободен и вследствие этого не чувствует к себе уважения.

Таким образом, редакторы газеты, как и большинство других представителей словацкого национально-освободительного движения придавали большое значение борьбе за отмену феодальной зависимости, за ликвидацию феодализма вообще и переход к более прогрессивному строю. Другое дело — то, как они решали эти вопросы. Штур подчеркивает: «До сих пор

⁶ «Slovenskije narodnje novini» (далее — SNN). Bratislava, 1956, d. I, № 50—53, 60—62, 64—66, 101—109, 112—115.

⁷ SNN, d. I, № 50.

⁸ Ibid., № 53, s. 210.

⁹ SNN, d. I, № 99, s. 395.

¹⁰ SNN, d. II, № 201, s. 801.

мы шли законным путем и можем сказать, по сравнению с другими, нам это неплохо удавалось; будем же и дальше идти этим путем, не упуская из виду того, что полезно обществу»¹¹. От предстоящего в 1847 г. венгерского сейма Штур поэтому ожидает, что он обяжет владельцев земли, в пользу которых выполняются урбарияльные повинности, разрешать своим зависимым крестьянам откупаться от них, если они просят об этом «нормальным способом» (т. е. не прибегая к насилию) и располагают для этого достаточными средствами¹².

Но даже и в этот период не все представители словацкой интеллигенции понимают, что без ликвидации феодальных отношений невозможно улучшить положение народных масс. Так, например, протестантский священник Ш. Гомола спасение из бедственного положения словацких крестьян видит в их переселении на более плодородные земли Хорватии и Славонии¹³. Полемизируя с ним по этому поводу, известный представитель сформировавшегося радикального крыла в словацком движении Я. Францисци¹⁴ обосновывает невыполнимость этого проекта и, как противник феодализма и идеолог словацких мелкобуржуазных кругов, предлагает другие, более радикальные средства для спасения словацкого народа от тяжелого и несправедливого положения: ликвидацию феодального землевладения, освобождение от урбарияльных повинностей, обложения налогом всех без исключения землевладельцев и, наконец, свободный и ничем не ограниченный доступ недворян в учреждения (т. е. к административным постам). По существу, это уже основные положения социально-экономической программы словацкого национального движения.

Социально-экономическая проблематика широко представлена и в другой рубрике газеты — в «Отечественном дневнике». Многочисленные корреспонденции с мест как бы дополняют передовые статьи: вновь и вновь получаем красноречивые свидетельства ужасающей нищеты и нужды словацких трудящихся, особенно крестьян, голода, растущей дороговизны зерна. Нередко можно, например, встретить такие заметки, к которым не нужны комментарии и которые не могли оставить равнодушными патристически настроенных читателей газеты: «В Бенуше я знаю много домов, хозяевам которых нечего есть и они считают лакомством — сгрызть несколько зерен кукурузы или ополоснуть миски, из которых в зажиточных домах ела челядь, и в эту воду крошить овсяного хлеба»¹⁵.

Предпринимались попытки просить денежную помощь у правительства. Голодающее население Липтова, например, получило помощь, но, во-первых, она оказалась почти в 8 раз меньше той, о которой просили, во-вторых, правительство предоставило ее лишь с тем, чтобы в урожайный год ему было все возвращено. Автор корреспонденции из Липтова — М. М. Годжа (который в данном случае подписался лишь инициалами) — пишет также и о необходимости создания специальных комиссий с целью представить правительству конкретные факты об экономическом положении столицы. Эта идея была поддержана венгерскими властями, обратившимися к сословиям с призывом помочь своим зависимым крестьянам. Однако, как подчеркивает далее автор заметки, «почти ничего иго не сделано, ни сказано не было; кроме того, местным помещикам было предложено заявить, хотят ли они выделить своим крестьянам помощь и, если хотят, то в каком объеме, так как навязывать благотворительность мы никому не можем»¹⁶.

¹¹ SNN, d. I, № 99, s. 801.

¹² Ibid.

¹³ SNN, d. I, № 134, s. 543.

¹⁴ SNN, d. II, № 183.

¹⁵ SNN, d. I, № 98.

¹⁶ Ibid., № 131, s. 52.

Позже в некоторых заметках говорится о помощи, предоставленной дворянством своим крестьянам, причем особенно восхваляется безвозмездная помощь, однако гораздо чаще встречаются сообщения о все более ухудшающемся положении крестьян, о дворянах, которые, «имея миллион, ни на грош не помогли своим крестьянам в грозной беде»¹⁷.

Есть несколько свидетельств о помощи со стороны зарождающегося класса словацкой буржуазии. Так, например, в корреспонденции из Липтова читаем: «Наши зажиточные недворяне уже дважды вносили деньги на бедноту, но это все равно, что бросить деньги в воду: беднота крайне везде распространилась и, голодная, ворует, а потом, убогая, под стенами и на дорогах умирает»¹⁸.

Из всего вышесказанного явствует, что вся эта «помощь» — капля в море и что такими средствами нельзя действительно изменить существующее бедственное положение крестьянства. Это впечатление должно было создаться у каждого непредвзятого читателя. Углублению этого впечатления способствовали, несомненно, публиковавшиеся параллельно с подобными заметками передовые статьи, особенно те, авторами которых являлись Л. Штур и П. Кельнер-Гостинский (например, в одном номере с последней заметкой была помещена очередная часть статьи Штура «В чем наша бедность?»). Эти статьи помогали понять истинные причины такого положения, наталкивали на поиски путей его улучшения, способствовали постепенному формированию социально-экономической программы штуровцев.

Национально-политическая проблематика на страницах газеты не менее обширна, но пожалуй, более разнообразна. Прежде всего — это статьи в той или иной мере затрагивающие или освещающие историю вообще или особенно словаков в составе Венгрии на фоне истории и современного положения всей Европы. В них освещается положение и развитие словаков как народности, вопрос о литературном словацком языке и его необходимости, о воспитании у широких народных масс национального самосознания. Таких статей наряду с «социально-экономическими» особенно много.

Особое место в этом ряду занимает статья Штура «Панславизм и наша страна», написанная в связи с преследованиями шовинистическими венгерскими кругами деятелей словацкого национального движения за воображаемый политический панславизм¹⁹.

Автор статьи вполне обоснованно отрицает наличие политических панславистских устремлений у славян, тем более в том виде, в каком их представляют враждебные славянам или неосведомленные круги²⁰. Данная статья — это аргументированная и энергичная (насколько это возможно при наличии цензуры) защита словацкого и других угнетенных славянских народов, тянущихся к просвещению и национальному развитию, защита всех тех словацких патриотов, которых обвиняли в панславизме за самые минимальные национальные требования.

Для сопоставления взглядов словацких и венгерских журналистов, представляющих две разные национальные идеологии, интересны многие полемические статьи и заметки, опубликованные под рубрикой «Обзор журналов». Например, в одной из таких статей идет полемика с венгерской прессой на тему: «Что такое нация и чего ожидают словаки от венгров». Автор (опасаясь преследований, не указавший своей фамилии, а написавший только, что он «из духовного института в Трнаве») упрекает

¹⁷ SNN, d. I, № 170, s. 678.

¹⁸ Ibid., № 206.

¹⁹ SNN, d. II, № 215.

²⁰ Ibid., s. 857.

венгерского журналиста, крайне удивленного появлением в Венгрии «какой-то» словацкой народности или народа, в беспринципном и неверном понимании того, что такое «народ» или «нация». Нация, по мнению словацкого автора, это не механическое соединение в одно целое людей, имеющих одну конституцию, а определенная общность людей, имеющих свой язык, свои собственные нравы и обычаи. И хотя он не говорит об экономической общности, все же его определение ближе к исторической действительности. Венгерский же оппонент, как и подавляющее большинство венгерской интеллигенции, и официально и оппозиционно настроенной, вопреки здравому смыслу, не замечал на территории Венгрии других народов, кроме единственного, всеобъемлющего *patio hungarica* и на этом основании не признавал за ними никаких национальных прав.

Несколько статей посвящено одному из актуальнейших вопросов для страны, идущей к капитализму и стоящей перед необходимостью ликвидации феодального строя, — о привилегиях дворянства и политических правах людей недворянского звания и происхождения. Авторы их пишут, что, несмотря на закон, принятый сеймом в 1844 г., по которому недворяне могут занимать посты во всех органах государственной власти, на деле их доступ туда не стал намного легче. Основные причины этого — правильно подчеркивается в газете представителями мелкобуржуазной интеллигенции, — противодействие дворян, их экономическое и политическое господство и предрассудки, из-за которых «каждый дворянин, будь он средним или самым младшим в семье, будь он первым или двенадцатым, имеет ли он какую-либо собственность или нет, пользуется политическими правами уже потому, что он дворянин и, следовательно, прирожденный законодатель»²¹.

Порой дворяне подвергаются резкой критике за «эгоизм и отсутствие патриотизма». Так, например, в одной из статей, автор которой священник, читаем: «Господа, не мучает ли вас совесть, когда вы видите несчастных людей вокруг себя в то время, как вы мечтаете только о балах, развлечениях и вине? Наведите порядок вы сами, чтобы его не пришлось наводить кому-либо другому»²². Здесь слышится уже вполне недвусмысленная угроза.

Большое внимание в газете уделялось вопросам, связанным с борьбой за единый литературный словацкий язык. Для словацкого народа вопрос этот был даже, возможно, важнее, чем для других славянских народов, окружающих его: слишком еще слабым и разобщенным во всех отношениях он был. В тех странах, где изменения в базисе происходили медленно, а экономические связи между отдельными раздробленными в политическом и административном отношении частями территории формирующейся нации были слабыми, в общественной жизни сказывалось усиленное воздействие субъективных сил, стремившихся развить и упрочить национальное самосознание масс народа... При этом в разных случаях элементы, цементирующие нацию, были различными и в разной мере эффективными (у хорватов — религия, традиции „государственного права“ и т. д., у словаков — формирование единого литературного языка...)»²³.

Именно потому, что у словаков действительно цементирующим элементом было формирование единого литературного языка, борьба Штура и его сторонников за его кодификацию была необходимой и неизбежной.

²¹ SNN, d. I, № 132, s. 527.

²² SNN, d. II, № 188, s. 750.

²³ Л. А. Обушенкова, В. И. Фрейдзон. О влиянии национально-освободительного движения славянских народов на развитие их национального самосознания (конец XVIII — 70-е годы XIX в.). В кн. VII Международный съезд славистов (Варшава, 1973). М., 1973, с. 149.

В этой борьбе они столкнулись не только с представителями мадьярского национального лагеря, но и со многими представителями национально-освободительного движения, придерживающимися либо колларовской концепции о «чехословацком племени» и искренне считавшими эти, по их мнению «сепаратистские» устремления шуторовцев ненужными и вредными для словацко-чешских отношений и для самих словаков, либо сторонниками бернолаковского варианта словацкого литературного языка. С последними Штур и его сторонники неуклонно шли на сближение, стремясь, где ценою уступок, где пылкой и убедительной аргументацией, склонить их на свою сторону.

Труднее было придти к соглашению с Я. Колларом и его сторонниками в чешских и словацких кругах. Коллар, помогавший добиться разрешения на выпуск газеты, с первых же дней ее существования начал выступать против нее из-за своих расхождений со шуторовцами, в первую очередь в отношении языка. Эти разногласия нашли отражение в переписке Л. Штура и в газете, а также в подготовленном Колларом известном сборнике статей «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравян и словаков» (май 1846 г.), авторы которого, и прежде всего сам Коллар, выступали против словацкого литературного языка подчас в весьма резкой форме²⁴. Во множестве писем-откликов на этот сборник из Братиславы, Белой Горы, Жилины, Банской Быстрицы, Нитры и многих других мест, напечатанных под рубрикой «Отечественный дневник», звучит твердое убеждение в том, что в словацком языке — «жизнь племени словацкого», что без него словаки не могут жить. Они написаны и интеллигенцией (в основном представителями молодого поколения), и зажиточными крестьянами и горожанами. «Хотя я и не являюсь ученым, остаюсь верен нашему словацкому языку; за него я голосую», — пишет, например, из Нового Места над Вагом «Горожанин новоместский Томаш Маречек»²⁵.

В статьях и заметках по культурно-просветительской проблематике представлена так называемая «мелкая работа» («дробна праца») шуторовцев, которая непосредственно предшествовала борьбе за буржуазные преобразования и национальные права и переплеталась с ней. Прекрасно сознавая и неоднократно подчеркивая на страницах газеты, что и вся Австрийская империя, и Венгрия, и, в частности, Словакия втянуты в орбиту современного европейского капиталистического развития, что «просвещение начинает проникать и в низшие слои народа», наконец, что назад дороги нет и необходимо идти вперед, Штур и его соратники все более сознательно боролись против всех препятствий, тормозящих развитие буржуазных отношений в стране: против феодальной зависимости крестьян, против налоговых и других привилегий дворян, против таможенной политики австрийского двора, обрекавшей венгерскую промышленность на застой, за расширение политических прав городов и т. д. В то же время они придавали большое значение просвещению и обучению масс на родном языке, воспитанию у них национального самосознания. В одной из статей ставится важный вопрос о необходимости воспитания в национальном духе словацких девушек — будущих матерей, которые первыми должны воспитывать у ребенка любовь к родине и своему народу²⁶. Большое внимание уделялось также борьбе с алкоголизмом, этим бичом угнетенного, бесправного и забитого словацкого народа.

Однако, читая эти многочисленные статьи и корреспонденции с мест, рассказывающие о подвижнической работе словацкой национальной ин-

²⁴ Hlasové o potrebe jednoty spisovného jazyka pro Cechy Moravany a Slováky. Spisů musejních číslo XXII v. Praze. Praha, 1846.

²⁵ SNN, d. I, № 100, s. 401.

²⁶ Ibid., № 70.

теллигенции в воскресных школах, о создании обществ трезвости, промышленных, театральных, читательских и других обществ в разных уголках Словакии, мы видим, что передовая словацкая интеллигенция в большинстве своем рассматривала эту «мелкую работу» как своего рода форму общественно-политической и национальной деятельности, способствующей формированию словацкой национальной общности; с течением времени она все больше включалась в общий контекст антифеодальной борьбы.

Кратко охарактеризовав газету в целом и ее отдельные рубрики, перейдем теперь к вопросу о социально-экономической и национально-политической программе словацкой интеллигенции. Несмотря на то, что элементы программы словацкой национальной интеллигенции (штуровцев) встречаются на страницах газеты и в первые два года ее существования, четко и полно она была сформулирована в статье Штура «Наши надежды и требования к собирающемуся сейму»²⁷. В ней собраны всеобщие требования большинства представителей умеренного крыла словацкой интеллигенции. С этой программой Л. Штур выступил с трибуны всевенгерского сейма, где он в качестве депутата представлял словацкий город Зволен. В первой части статьи автор выступает за отмену феодальной зависимости крестьян, за буржуазные преобразования в стране. Он, как и во многих более ранних своих статьях 1846 и 1847 гг., пишет, что из-за сохранения противоречащих «духу времени» феодальных порядков в стране, народные массы не могут освободиться от пут невежества и быть по-настоящему полезными своей родине. Выступая за всеобщее и обязательное освобождение крестьян от повинностей, за выкуп, в котором должно помочь государство, автор подчеркивает, что выкуп этот должен быть осуществлен легчайшим способом, с помощью банков, так как мало помещиков, которые хотели бы предоставить эту возможность своим крестьянам, а также мало крестьян и общин, которые располагали бы достаточными средствами.

С ликвидацией феодализма Штур связывает и отмену патримониальных судов в панских стблицях. В результате всего этого крестьянам будет принадлежать выкупленная земля и исчезнет юридическая зависимость от феодалов. Таким образом, по словам автора, «последовательная ликвидация зависимости путем выкупа (крестьян от помещиков.— Г. Х.) повлекла бы за собой коренное изменение в стране»²⁸, потому что каждый человек стал бы гражданином государства, заинтересованным в своем труде и это привело бы к улучшению экономического положения страны.

Штур выступает в защиту свободных королевских городов, фактически лишенных политических прав (все эти города на территории Венгрии имели лишь один совещательный голос в сейме), а также за ликвидацию всех привилегий дворянства и церкви. В статье ставится вопрос о необходимости и своевременности всеобщего обучения и просвещения народа (в связи с задачами, стоящими перед обществом в целом, связанными с борьбой за буржуазные преобразования в нем). Наконец, Штур переходит к национальным требованиям словаков. Для словаков, подчеркивает он, обучение и просвещение связаны с их родным языком. Если для других народов борьба за родной язык — благородное дело, то почему для словаков должно быть иначе, разве кто-то из них изменил своему венгерскому отечеству? — спрашивает Штур.

От имени словацкого народа он требовал, чтобы в век, «полный стремлений к просвещению и свободе», обучение во всех начальных словацких

²⁷ SNN, d. II, № 225—232.

²⁸ Ibid.

школах и семинариях, готовящих учителей для словацких областей, а также нравственное и религиозное воспитание проводились на словацком языке. Так как почти в каждом учреждении требуется знание словацкого языка, то было бы необходимо на соответствующих факультетах учебных заведений, включая и Пештский университет, ввести обязательное изучение словацкого языка, особенно для таких профессий, как богослов, врач, юрист, землемер и т. д.

Таким образом, на сейм Штур пришел со сложившейся буржуазно-демократической программой, хотя и недостаточно четко представлял себе, в частности, каким «легчайшим способом» осуществить выкуп феодальных повинностей. Социально-экономическая часть программы встретила одобрение кошутовской партии в сейме, однако, даже самые скромные национальные требования словаков и других славянских народов, населявших Венгрию, в начале сейма и позже, когда революционные события в Вене и Будапеште помогли Кошуту и его сторонникам провести буржуазные реформы, встретили самый резкий отпор.

Национальный вопрос, и раньше являвшийся камнем преткновения в отношениях между венгерскими и словацкими политическими деятелями, был в сложившейся к 1847 г. обстановке составной частью антифеодального движения, тем более, что как мы уже подчеркивали в начале статьи, в Словакии национальный гнет усугублялся социальным, так как дворянство, особенно крупное, было мадьяризовано, не считало себя словацким и в основном относилось к словацкому национальному движению враждебно.

Если бы не непримиримая позиция венгерских политических деятелей в национальном вопросе, антифеодальный лагерь в Венгрии стал бы несравненно сильнее (хотя, разумеется, он не стал бы более однородным и разногласия по вопросам о методах борьбы с феодальными отношениями не были бы исключены), так как в этот кризисный период практически все слои населения, кроме крупных земельных магнатов, так или иначе сознавали, что без ликвидации старого строя невозможно дальнейшее развитие страны, от которого зависело и их собственное положение и благосостояние.

В этот период и позже, в период мартовской революции, программы штуровцев и средней венгерской шляхты, возглавляемой Кошутом, различались только в одном. «Плебейская» словацкая интеллигенция во главе со Штуром в первую очередь думала об облегчении положения угнетенных народных масс, выступала с их позиций. Кошут же, хотя и понимал необходимость буржуазных преобразований в стране, выступал с позиций либерального дворянства и поэтому, борясь со старым, он в то же время стремился не подрывать окончательно позиций дворянства в экономике и политике. Об этом свидетельствуют, например, публиковавшиеся газетой выступления Штура и Кошута в качестве делегатов сейма.

В марте 1848 г. и сторонники Кошута, и штуровцы с удовлетворением встретили ограниченные социальные реформы — «мартовские законы». Однако начавшиеся во всех стблицях Венгрии выступления крестьян, недовольных реформами, помогли и самым умеренным представителям словацкой интеллигенции понять эту их ограниченность. В развернувшейся весной того же года петиционной кампании все более важное место занимали социальные требования. Так, в петиции «Липтовские требования», опубликованной в газете 10 апреля, говорится о необходимости обеспечить действительное участие народа в представительных органах Словакии; в петиции «словацкого народа Нитранской стблицы», в составлении которой 28 апреля приняли участие представители двадцати трех населенных пунктов, уже выражается требование более последовательного

освобождения от феодальной зависимости всех крестьян²⁹, возвращения им когда-либо отнятых феодалами участков земли и освобождения из тюрьмы Я. Краля и Я. Ротаридеса, поднявших крестьян четырех деревень в Гонтянской столице на восстание, целью которого были последовательная ликвидация феодальных отношений и введение словацкого языка в учреждениях и школах.

Наконец, 10 мая 1848 г. на собрании двадцати восьми деятелей словацкого национального движения в Липтовском Микулаше во главе со Штуром, Гурбаном, Годжей, Францисци и Дакснером были составлены известные «Требования словацкого народа», провозглашенные всенародной революционной программой. Авторы их высказываются за расширение демократических прав и свобод населения, за введение всеобщего, равного и тайного голосования и полной свободы печати и собраний, за наделение крестьянских общин правами, отобранными у них феодалами (право помола муки, рыбной ловли и т. д.).

Таким образом, социально-экономические требования, все чаще встречающиеся на страницах газеты (особенно с весны 1846 г.), постепенно к осени 1847 г. сложились в программу буржуазных преобразований в стране. Программа эта была умеренной³⁰ и ориентировалась на реформистско-эволюционный путь развития. Однако под влиянием крестьянских выступлений весной 1848 г. она демократизировалась и получила свое логическое оформление в «Микулашских требованиях словацкого народа», в которых ведущие представители словацкого национального движения реагируют на все основные проблемы общественно-политической жизни народов Венгрии, хотя и не поднимаются до революционных методов.

В свою национально-политическую программу ведущие словацкие деятели включили требования не только гарантий национально-политических прав словаков, но и равноправия всех народов Венгрии. Однако венгерское правительство ответило на эту программу террором и выдало ордер на арест Штура, Гурбана и Годжи.

Придерживаясь искусственной концепции о единой венгерской нации, Кошут и его сторонники не признавали национальных прав других народов Венгрии. Это было их ошибкой, ибо «не может быть свободен народ, угнетающий другие народы»³¹.

Трагической ошибкой словацких деятелей было их выступление (с осени 1848 г.) на стороне габсбургской реакции, контрреволюции (однако этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи).

Что касается программы словацкой интеллигенции (штуровцев), то несмотря на ее умеренность и мелкобуржуазную ограниченность, ее большое значение заключается в том, что это первая государственно-правовая программа словаков в их истории.

Она сформировалась, в первую очередь, на страницах первой и единственной в то время словацкой политической газеты в течение ее недолгого (менее чем трехлетнего) существования. Этот процесс, как и вся деятельность газеты, способствовал постепенному расширению социальной базы словацкого национального движения, развитию национального самосознания народных масс.

²⁹ Согласно «мартовским законам» освобождалась лишь часть зависимых крестьян.

³⁰ Умеренность самой газеты с самого начала подверглась критике представителями начавшего формироваться радикального крыла в словацком освободительном движении, что в известной степени повлияло на рост числа социально-экономических статей и ускорения формирования программы. Однако само это крыло было еще слабым, четкой собственной программы не имело; оно хотя и отдавало предпочтение революционным методам, но весной 1848 г. приняло участие в петиционной кампании и в составлении «Требований словацкого народа». Об этом см., например, статью В. А. Матулы в журнале «Historický časopis», 1958, № 2, s. 202—203.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 259.

Е. М. ВЕРЕЩАГИН

ВЫЯВЛЕНИЕ СМЫСЛОВЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ СЛОВАМИ ПЕРВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СЛАВЯН С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ «ЦЕПОЧКИ»

В числе лексикологических проблем древнеславянского языка особое место занимает вопрос установления семантических связей между словами. Вопрос этот выделяется, с одной стороны, своей актуальностью (перед нами кардинальная исследовательская задача) и своей неизученностью, с другой.

Как известно, даже по отношению к живым языкам лексические связи определяются с трудом — среди авторов возникает разногласие, а в процедуре анализа нетрудно заметить вкособицу. Поиск смысловых отношений между словами мертвого языка сопряжен с еще большим количеством затруднений — отпадают непосредственные языковые реакции, а косвенные индикаторы (семантика живого языка-«потомка» или близкородственного языка, этимологические данные, деривация, сочетаемость) не всегда надежны.

Представляется, что во время анализа семантики мертвого языка исследователь может следовать своему «чутью» лишь в самом крайнем случае, хотя опора на субъективные данные в известной мере оправдана при работе с живым языком (когда ученый сам является информантом). Культурно-языковой мир нашего современника настолько отличен от мира человека IX—XI вв., что едва ли не любой ретроспективный семантический перенос — и при солидной начитанности в канонических славянских рукописях — должен совершенно сознательно исключаться. Поэтому существенно искать такие пути анализа, которые не предполагали бы (пусть даже только на каком-то этапе анализа) личностных суждений или интуитивных решений исследователя. В частности, надо искать процедуру, которая формировала бы группы семантически связанных слов, так сказать, сама по себе, автоматически.

В другом месте¹ мы описали одну из возможных методик выявления смысловых связей между древнеславянскими словами — она покоилась на явлении параллелизма, образующего стержень художественности Псалтыри; благодаря этой методике были получены — до известного предела автоматически! — комплексные (синонимические, антонимические и тематические) поля слов. Сейчас мы хотели бы предложить (для обсуждения) вторую «автоматическую» методику. Она целиком основана на учете переводного характера славянских источников, а точнее — на хорошо из-

¹ Е. М. В е р е щ а г и н. Прием параллелизма в Псалтыри и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян. «Советское славяноведение», 1975, № 2.

вестном наблюдении, что одно и то же греческое слово в тождественных или вполне сходных контекстах может переводиться разными славянскими словами (между словами двух языков, как правило, нет взаимно-однозначного соответствия).

На настоящем этапе исследования изучаем материал Псалтыри и Евангелия²; они имеют общие черты языка и принадлежат к единой и первоначальной группе источников³. Изложение ведется индуктивным путем: сначала рассматривается фактический материал, а представление методики в общем виде отложено на дальнейшее.

Пусть исходным будет слово *конца*. Согласно словоуказателям Син и Мар, оно имеет четыре греческих соответствия: *ἄκρον* (например, Мф⁴ 24, 31, Мр 13, 27, Лк 16, 24); *πέρας* (Лк 11, 31; 2, 8, 7, 7, 18, 5 и т. д.); *πλήρωμα* (Мр 2, 21; 88, 12); *τέλος* (Мф 10, 22, 24, 13, Мр 13, 13; 9, 7, 19, 32, 12, 2 и т. д.). Слово *конца*, таким образом, оказалось сопряженным с группой греческих слов.

Затем мы обратились к конкордансам⁵, выписали из них все случаи употребления в Псалтыри и Евангелии этих четырех греческих слов и сплошь проверили, как они переводятся на славянский язык. Выявилось, что все четыре слова связаны не только с лексемой *конца*, но и с другими славянскими лексемами.

Ἄκρον в 18, 7 употребляется дважды, но переводится по-разному: ἀπ' ἄκρου τοῦ οὐρανοῦ ἢ ἕξοδος αὐτοῦ καὶ τὸ κατάντημα αὐτοῦ ἕως ἄκρου τοῦ οὐρανοῦ отъ нача тъз ка нѣси исходъ его и сзрѣтанѣ го до конца нѣси; таким образом, *ἄκρον* переводится не только как *конца*, но и как *начатъзкъ*. 71, 16 дает еще одно славянское слово: бждетъ оуткръждение на земли на крзхоу (ἐπ' ἄκρων) го(го)рз; *ἄκρον* соответствует *крзхъ*.

Πέρας переводится и как *конца* и как *кончина*: 38, 5 сзкази ми ги кончинъ (τὸ πέρας) мсж. Любопытно соответствие *πέρας* — *краи*: в Мар стих Мф 12, 42 пропущен, но есть приписка кириллицей *приде отъ краи* (ἐκ τῶν περάτων) *землѣ слъшати прѣвоудрости соломоне*, а в синопитическом месте у Лк 11, 31 читаем *приде отъ конца* (ἐκ τῶν περάτων) *земла*.

Πλήρωμα наряду с *конца*, переводится еще и как *исполнение*: 95, 11 да подкинигъ сѣ море (и) исполн(е)ние его (καὶ τὸ πλήρωμα αὐτῆς). Примечательно варьирование обоих славянских слов в сходных до полного совпадения контекстах: 88, 12 *кзселенжъ* и *конца* (τὸ πλήρωμα) *ема тли оснока* — 49, 12 *моѣ во естъ кзселена* и *исполн(е)ние еж*; ср. также 23, 1.

Наконец, *τέλος*, хотя и переводится регулярно словом *конца* (а *τέλος* встречается часто — особенно в Псалтыри, где оно употребляется в написаниях псалмов), все же имеет соответствием и слово *кончина*: Мф 24, 14 и *провокѣтъ сѣ еквилие...* и *тзгда придетъ кончина* (τὸ τέλος): ср. далее Мр 13, 7, Лк 21, 9, 22, 37. Кроме того, в Евангелии встретился единственный случай соответствия *τέλος* — *дана*: Мф 17, 25 *цѣри землицы отъ кзихъ приемлжтъ дани* (τέλη) *ли кинсѣ*.

² Цитируем Синайскую псалтырь (далее — Син) и Маринское евангелие (далее — Мар) в известных изданиях С. Северьянова и И. В. Ягича. Придерживаемся написаний источников, за исключением небольшого упрощения алфавитной системы (об этом см. Е. М. В е р е щ а г и н. Там же, с. 61), но в абсолютном употреблении (т. е. вне привязки к памятнику) славянские слова даются в нормализованных ортограммах. Правила нормализации см. «Slovník jazyka staroslověnského», sv. 2. Praha, 1959, s. XXVI.

³ Подробнее об этом см. И. В. Я г и ч. Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884, с. 41 и сл.

⁴ Имена Евангелистов сокращаются так: Матфей — Мф, Марк — Мр, Лука — Лк, Иоанн — Ио. Евангельские чтения отделяются от псалтырных точкой с запятой.

⁵ E. N a t c h, H. R e d p a t h. A Concordance to the Septuagint and the other Greek Versions of the Old Testament., v. 1—2. Oxford, 1897—1898; C. H. B r u d e r. TAMIEION... sive Concordantiae omnium vocum Novi Testamenti. Göttingen, 1904.

Итак, во время движения от греческих слов к славянским удалось установить группу лексик в таком составе: *крьчъ*, *данъ*, *испъзньение*, *конъчина*, *краи*, *начатъкъ*.

Эти славянские слова в свою очередь имеют ряд новых греческих соответствий. *Крьчъ* сопрягается с *χορηγή* и с *ἄνω* (и с производными *ἐπάνω*, *ἄνωθεν*, *ἕως ἄνω*), *данъ* — с *φόρος*, *конъчина* — с *συντέλεια* и *ἐσχάτως*⁶, *краи* — с *αἰγιαλός* (а в Сав⁷ и с *κράσπεδον*), *начатъкъ* — с *ἀπαρχή* и *ἀρχή*. *Испъзньение* имеет соответствием только *πλήρωμα* и тем самым не обогащает нашего материала. В целом же число греческих слов увеличилось: к четырем начальным прибавилось еще девять.

Снова обратимся к конкордансам, установим, где употребляются в Псалтыри и Евангелии данные греческие слова, и посмотрим, как они переводятся на славянский.

Αἰγιαλός в нашем источниках встречается только три раза и всякий раз переводится по-разному. В Мф 13, 48 наблюдаем уже встретившееся слово *краи*: в притче о неводе, брошенном в море, в Мар сказано *извакъше и на краи* (ἐπὶ τὸν αἰγιαλόν), а в Асс⁸ имеется разночтение *на соухо*. В Мф 13, 2 имеем *помсри*: *кель наредъ на помсри* (ἐπὶ τὸν αἰγιαλόν) *сгошье*. а в Ио 21, 4 — *врѣтъ: сѣ на нѣ при врѣтъ* (εἰς τὸν αἰγιαλόν). Если учесть *соухо*, то *αἰγιαλός* имеет четыре славянских соответствия!

Ἄνω (и производные формы) часто выступает в виде наречия и предлога, которым соответствуют славянские *кыспъ*, *сѣкъше*, *на*, *надъ*, *испъкъ* и т. д. Встречаются и персональные переводы: Мф 27, 51 *раздърса* (храмовая завеса) *сѣ кыспънаго краѣ* (ἀπ' ἄνωθεν) до *нижнѣаго*: ср. также Ио 8, 23, Мр 14, 5, Лк 1, 3. Однако иногда *ἄνω* выступает как имя существительное, и в этом случае ему соответствует славянское существительное *крьчъ*: Ио 2, 7 *напъзньиша* (κοδωνοῦσι) до *крьчъ* (ἕως ἄνω). Наряду с надежно-предложными именными формами часто попадаете отыменное наречие *крьчю* (лишь как соответствие *ἐπάνω*): Мф 2, 9, 5, 14, 21, 7 (дважды), 23, 18, 20, 27, 37, Лк 11, 44; 107, 5.

И *ἀπαρχή* и *ἀρχή* переводятся как *начатъкъ*, однако *ἀρχή* имеет еще соответствиями *начало*, *зачало* и *псконъ* (110, 10 *псконъ* — *ἀρχή* — *прѣмждрости страхъ гна*). В сочетании с предлогами *ἀρχή* переводится близкими к наречиям надежно-предложными формами *ис* *пръкъ* (Ио 16,4 *сѣхъ же камъ ис пръкъ* — ἐξ ἀρχῆς — *не рѣхъ*; 73,2, 77,2, 118, 152) и *ис кони* (Лк 1,2 *намъ вѣкъше ис кони* — ἀπ' ἀρχῆς — *самовидци*; Мф 19,4,8, Ио 1,2, 6, 64). Наконец, в 109,3 *ἀρχή* переводится словом *кдадъчѣтъко*: *сѣ товожъ кдадъчѣтъко (тѣ ἀρχή) къ денъ печали твоѣ*.

Ἐσχάτως и *ἐσχάτος* обычно переводятся как *псгдѣ* (Мр 12,6,22) и как *псгдѣдни* (72,17, 134,7; Мф 5,26, 12,45, 19,30, 20,8,12,14,16 и т. д.). Отмечаются два единичных перевода — уже известная *конъчина* (Мр 5,25) и *мани*. Ср.: Мр 9,35 *кто хсѣтъгъ старѣтѣ кѣтѣ да вѣдетъ вѣтъхъ мани* (ἐσχάτος).

Κορηγή дает только *крьчю* (67,22; этот стих отсутствует в Син, поэтому судим по Болонской псалтыри) и *крьчъ* (7,17: *обратитѣ сѣ волѣзнь его на глѣкъ емоу и на крьчъ* — ἐπὶ χορηγῆν — *емоу неправда его гънидетѣ*).

⁶ Это соответствие (оно единично), вероятно, надо признать персональным (творческим), а не регулярным переводом; ср. Мр 5,23 *дъшти мѣкъ на конъчнѣ етъ* (ἐσχάτως ἔχει). О вопросе персональных переводов см. подробнее: Е. М. В е р е щ а г и н. Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1972, с. 84 и сл.

⁷ Так сокращенно записывается Саввина книга. Пользуемся известным изданием В. Н. Щепкина.

⁸ Так сокращенно записывается Ассеманиево евангелие. Пользуемся изданием И. Курца.

Κράσπεδον, если не считать уже известного нам перевода словом краи (только в Сав в Мф 9,20), соответствует исключительно кзкриниѣ.

Συντέλεια, кроме слова кончина, дает еще и лексему (сз)кончание (Мф 13,40,49, 24,3, 28,20). Оба слова свободно заменяют друг друга: в двух смежных стихах Мф — 13,39 и 13,40 — читаем жатка естз кончина (συντέλεια) кѣка — тако вждетз ка сзкончание (ἐν τῇ συντέλειᾳ) кѣка сего.

Φόρος переводится только как дань (Лк 20,22, 23,2).

Итак, на этом новом этапе движения от греческих слов к славянским выявилась еще одна группа лексики — в составе лексем брѣгз, владичаство, кзкриниѣ, зачало, мѣнии, начало, поконз, конз, поморнѣ, послѣднии, прѣкзи, соухо и (сз)кончание.

Теперь, полностью повторяя предшествующую процедуру исследовательской работы, снова обратимся к словоуказателям Син и Мар и выясним, какие греческие соответствия, кроме уже известных, дают данные славянские слова.

Брѣгз, если отвлечься от αἰγιαλός, имеет соответствием κρημνός, владичаство — ἡγεμονία и δεσποτεία. Конз как отдельное слово в отличие от омонима конз ἵππος в словоуказателях Син и Мар не приводится, хотя оно, несомненно, присутствует в лексической системе древнеславянского языка (ср. иж кони, коница, кончина, поконз). В словаре ЧСАН конз представлен, но без греческого соответствия. Мѣнии переводится как μικρότερος, νεώτερος и ἐλάχιστος (т. е. формами сравнительной степени от прилагательных μικρός, νέος и ἐλαχός), а также как ὀλίγος. Поморнѣ соответствуют παράλιος и παραθαλάσσιος. Прѣкзи переводится в Псалтыри как ἀρχαῖος и в Евангелии как πρῶτος. Наконец, соухо, кроме известного αἰγιαλός, дает ἤηρος. Остальные славянские слова не увеличивают количества новых греческих лексем.

Наступает, следовательно, очередной (и на этот раз последний) этап движения от греческих слов (употребление которых выявлено по конкордансам) к славянским. Δεσποτεία, ἡγεμονία, κρημνός, παράλιος и παραθαλάσσιος новых славянских слов не извлекают.

ἤηρος в Псалтыри (65,6, 94,5) переводится лишь как соуша (в постоянном противопоставлении слову море). Подобное же употребление имеется и в Евангелии: Мф 23,15 прѣходите море и соушж сзгкорити единого прищадца. Однако здесь соответствием чаще выступает прилагательное соухз (Мф 12,10, Мр 3,3, Лк 6,6, 8, 23,31, Ио 5,3).

Ἀρχαῖος, если не считать уже известного нам прѣкзи (43,2 ко дзни прѣкзи — ἐν ἡμέραις ἀρχαῖαις; так же 76,6 78,8), еще переводится и как дреквнии (88,50 кзде сжтз милоститкоз дреквнияз — τὰ ἀρχαῖα; так же Мф 5,21,27,33, Лк 9,8,19).

Πρῶτος, кроме весьма употребительного прѣкзи, переводится и как прѣднии и как старѣи (и старѣишина). Ср.: Мф 20,27 иже аще хочетз кз кзсз взиги прѣднии (πρῶτος) да вждетз кшз рѣвз. Любопытно варьирование прѣкзи — прѣднии (в почти полностью совпадающих текстах синоптиков): Мф 19,30 вжджтз прѣкзи (πρῶτι) послѣднии и послѣднии прѣкзи (так же Мф 20,16, Мр 10,31, подобно Мф 27,64) и Лк 13,30 се сжтз послѣднии иже вжджтз прѣднии (πρῶτοι) и сжтз прѣднии иже вжджтз послѣднии. Ср. далее: 10,44 аште хочетз кз кзсз взиги старѣи (πρῶτος) да вждетз кзсѣмз рѣвз; так же Мр 9,35 (см. выше); старѣишина представлен в Мр 6,21 и Лк 19,47.

В заключение рассмотрим группу прилагательных со значением малого размера или малого числа.

Ἐλάχιστος (ἐλάχιστων, ἐλάχιστος), кроме уже известного мѣнии, дает исходную форму этого славянского слова малз: Мф 5,19 иже бо разоритз единж заповѣди сихз малжз (τῶν ἐλαχίστων) мѣнии (ἐλάχιστος) наречет сз; так же

Мф 25,40, Лк 12,26, 16,10 (дважды), 19,17. Любопытно не обусловленное греческим источником столкновение двух разбираемых славянских слов в Мф 25,40: единственному отъ *снхъ малзихъ братръ мснхъ маншихъ* (в греческом просто: ἐνὶ τούτων τῶν ἀδελφῶν μου τῶν ἐλαχίστων). Эта прибавка слова *малзихъ* не случайна: она повторяется, например, в Сав. Μικρός также дает *малз*: 103,25 *жикотгнла малла (μικρά) съ великими*; ср. далее 41,7, 72,2, 113,21; Мф 10,42, 18,6,10,14, Мр 9,31 и т. д.

Νεός переводится, наряду с *мани*, как *юнз* (36,25 *юнз* — νεώτερος — *взихъ* ибо *схтарѣхъ съ*; так же 68,32, 118,9, Ио 21,18) или как *юсша* (118,141). Интересно варьирование *юнз* — *мани* при одной и той же греческой основе (и в двух смежных стихах!): Лк 15,12 *рече юнѣи (ὁ νεώτερος) ен стѣю* — Лк 15,13 *мани (ὁ νεώτερος) снѣ стиде*. Между прочим, у Лк 15,12 в Зогр и Сав совместно *юнѣи* читается как раз *мани*, а в Асс — *мешши*. Νεός дает и второй славянский корень — *юска*: Мф 9,17 не *калкѣжтѣ вина юска (νεόν) къ мѣхѣи* *кетѣхѣи*; так же Мр 2,22, Лк 5,37, 38.

Ολίγος переводится только как *малз*: 16,14, 36,10, 16, 72,1, 108,8; Мф 7,14, 9,37 и т. д.

На этом пока остановимся. Остановка является произвольной: поскольку выявление новых слов все продолжается (на данном этапе анализа выявилось семь новых славянских корней: *дрекани*, *прѣдани*, *стартѣ*, *малз*, *юска*, *юнз* и *соуша*), можно предположить, что методика является в известном смысле бесконечной. Между тем, полученная группа слов настоятельно нуждается в осмыслении.

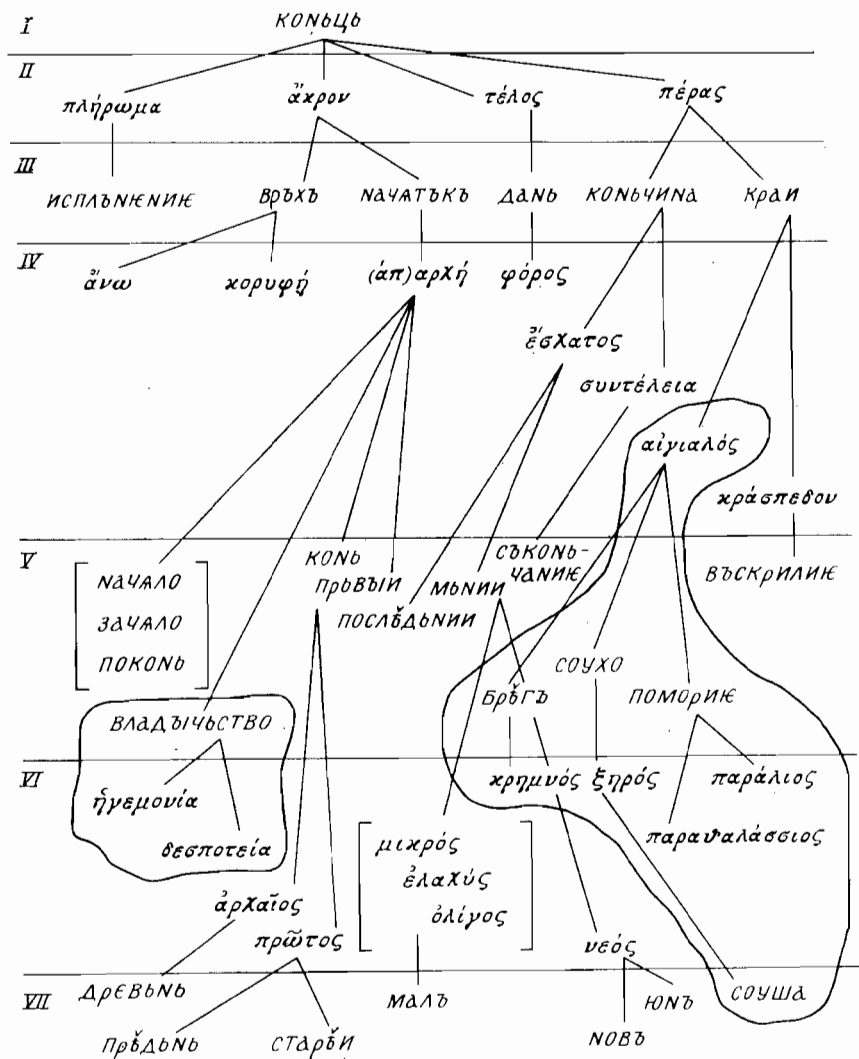
Прежде чем попытаться объяснить ее, для обозримости материала представим его в виде схемы с указанием связей и этапов исследования (см. следующую страницу), а также опишем примененную методику в общем виде. Она представляет собой строгую череду действий: сначала устанавливаются греческие соответствия некоторому славянскому слову (можно, конечно, отправиться и от греческого слова), затем отыскиваются соответствия этим греческим словам, а потом вновь обнаруженная славянская лексика «тянет за собой» новую греческую и так далее до остановки, когда или принимается решение прекратить поиск или материал перестает обогащаться. Описанная последовательность действий (особенно в представлении графическом) немедленно вызывает перед глазами яркий образ; опираясь на него, предлагаемую методику мы назвали методикой «цепочки».

Итак, что за лексическая группа перед нами?

До сих пор из анализа сознательно исключалась семантика слов — в согласии с нашей целеустановкой связи между лексемами должны были обнаружить себя сами, «автоматически», — однако теперь, в ходе интерпретации группы, обращение к значениям вошедших в группу слов становится актуальным. Необходимо или подвести группу под какое-либо лингвистическое понятие из числа известных, или, если такого не окажется, предложить новое.

С одной стороны, интуитивно чувствуется, что некоторые слова группы объединяются между собой. Например, *юска*, *юсца*, вероятно, связан по смыслу с однокоренными *юсачина* и (*сж*)*юсачанине*, а также с *юсри* и *юсѣдани*, причем речь идет о синонимических отношениях. Заметны и антонимические связи между словами: *юсца* — *начатѣкъ*, *начало*, *зачало*, *юска*; *юска*, *прѣдани* — *юсѣдани*. Таким образом, если считать группу слов, варьирующих одно общее значение, лексико-семантическим полем⁹, то мы получили именно лексико-семантическое поле.

⁹ Основоположник теории лексико-семантических полей Й. Трир так писал по данному поводу: при произнесении слова в сознании человека «возникает множество других слов, которые по смыслу более или менее соседствуют с произнесенным. Тако-

С другой стороны, среди наших слов содержатся и такие, значения которых интуиция не готова объединить в целое. Например, как можно связать по смыслу *владичество* и *поморие*? *древянии* и *взскриликъ*? *конецъ* и *дана* (хотя эти последние являются даже прямыми переводами одного и того же греческого слова *τέλος*)?

Приведенное выше определение лексико-семантического поля используется в двух противоположных исследовательских подходах.

вы его понятийные родственники. Они образуют между собой и вместе с произнесенным словом расчлененное целое, совокупность, которую можно назвать словесным полем или языковым знаковым полем» (J. T r i e r. *Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes*. Heidelberg, 1931, S. 1). Хороший обзор проблематики семантического слова см. А. И. Кузнецова. *Понятие семантической системы языка и методы ее исследования*. М., 1963. См. также А. А. Уфимцев. *Слово в лексико-семантической системе языка*. М., 1968; Г. С. Шур. *Теория поля в лингвистике*. М., 1974; К. G a b k a. *Theorie zur Darstellung eines Wortschatzes. Mit einer Kritik der Wortfeldtheorie*. Halle (Saale), 1967; R. H o b e r g. *Die Lehre vom sprachlichen Feld. Ein Beitrag zu ihrer Geschichte, Methodik und Anwendung*. Düsseldorf, 1970.

Один из подходов можно назвать дедуктивным. Если исследователь подходит к вопросу ономазиологически¹⁰, тематически¹¹ или логически, то он сам выбирает (как правило абстрактное, «общее») понятие, которое будет изучаться, скажем, «родственные отношения», наименования «цветов спектра» или обозначения «радости» (свойственная полю семантика называется интегральной семой). Ученый не только задает интегральную сему, но и формирует (сам!) поле в согласии с ней. Дедуктивную процедуру выявления поля совершенно справедливо упрекают в известной произвольности¹².

Другой подход — индуктивный. С помощью формальной процедуры, не зависящей от воли исследователя, устанавливается группа, которая — при условии, что выявится интегральная сема — может оказаться лексико-семантическим полем. Например, А. Я. Шайкевич на материале английской поэзии изучил совместную встречаемость двух прилагательных, статистически показал, что она не случайна и этим формальным путем (без учета значения) обнаружил группы слов, у которых затем были выявлены и интегральные семы («жизни», «высоты», «размера», «тонкости» и т. д.). Исследовательская процедура состояла, таким образом, из двух этапов: «не обращаясь к анализу значения, выявить связи слов и соответствующие группы слов; в дальнейшем переходить к интерпретации этих отношений уже с учетом соответствующих реалий»¹³.

Наша группа слов представляет собой возможное именно индуктивное лексико-семантическое поле: она не создана нами, а дана нам, потому что она возникла в результате неукоснительного применения строгой и однозначной процедуры, исключая интуицию.

Следовательно, сейчас нам следует заняться поисками интегральной семы. В решении этой задачи опираемся на мысли Ш. Балли о возможности использования толкований (определений) семантики слов для установления связей между ними через выявление слов-идентификаторов¹⁴. На

¹⁰ Ср., например, диссертации последних лет: Л. М. Васильев. Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи и поведения). Л., 1971; Е. В. Заонегин. Глаголы, выражающие понятие «думать» в романских языках. М., 1972; В. В. Морковкин. Идеографическое описание лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1973; Э. Ю. Даугатс. Исследование семантической области слов, выражающих понятие прекращения жизни человека в современном немецком языке. Минск, 1974.

¹¹ Ср. например, О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959; его же. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960; его же. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966; Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969; С. Д. Ледеяева. История железнодорожной лексики в русском языке XIX в. (докт. дисс.). М., 1973; Г. Я. Романова. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.

¹² Вопрос, является поле «объективно присутствующим языку свойством» или только эвристическим приемом, обсуждает Ю. Н. Караулов (Ю. Н. Караулов. Общая и русская идеография (докт. дисс.). М., 1975). Производ в определении состава полей бросается в глаза: если Вифstrand в поле «желания» включил всего два греческих глагола, хотя этот интегральный признак явно присущ большему числу лексем, то по Духачку в поле «красоты» входит около 1000 слов, хотя у многих из них присутствие данного значения можно подвергнуть сомнению. См. А. Wifstrand. Die griechischen Verba für wollen. «Eranos», 1942, 40, 1; О. Duchacek. Le champ conceptuel de la beauté en français moderne. Praha, 1960. Обширный список исследований, использующих дедуктивную полевую методику, привел Ю. Н. Караулов (Ю. Н. Караулов. Словарь как компонент описания языков. В кн. Принципы описания языков мира. М., 1976).

¹³ А. Я. Шайкевич. Распределение слов в тексте и выделение семантических полей. «Иностранные языки в высшей школе», 1963, № 2, стр. 15.

¹⁴ Ср. «...полное и толковое определение как бы указывает, в какой раздел следует поместить интересующее нас слово. Следовательно, определение уже заключает в себе идею классификации...» (Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961,

этом этапе работы интуиция исследователя играет определяющую роль (двусмысленность причастия уместна).

О семантике слов судим на основании имеющихся словарей греческого и славянского языков¹⁵; метаязыком служит русский язык. Если возникает нужда истолковать русское слово, прибегаем к известным толковым словарям русского языка.

Во-первых, некоторые слова обладают интегральной семой 'б е р е г'. Αἰγιαλός толкуется как 'морской берег, побережье, взморье', причем сема 'воды, моря' прямо входит в состав слова и даже дважды: αἶγες 'волны' и ἄλς 'море'. Этимологическое значение слова Гофманн описывает как 'Ort, an dem die Wogen sich brechen'. Ἠθρόν также определяется как 'земля, суша (в противоположность морю)'. Субстантивированные прилагательные παραθαλάσσιος и παράλιος регулярным способом образованы от θάλασσα 'море' и ἄλς 'море', поэтому они имеют отраженное словарями деривационное значение 'приморский'. Брѣга, согласно словарю ЧСАН, это 'берег', т. е. 'край земли около воды, суша в отличие от моря'. Поморіе толкуется как 'поморье, приморье'. Слова сухъс, сухъа войдут в выпуски словаря ЧСАН, находящиеся на стадии подготовки, однако, можно с уверенностью предположить, что последнее слово будет описано как 'суша', т. е. 'сухое место (берег) в противоположность мокрсму (реке, морю)'.

Во-вторых, ряд слов обладает интегральной семой 'власть, г о с п о д с т в о'. Ἄχρον среди других значений, выделяемых словарями, имеет сему 'власть'. Аналогично ἀρχή и ἀπαρχή трактуются как 'господство, начальство, командование'. Δεσποτεία (от δεσπότης 'господин, владыка') имеет регулярное деривационное значение 'владычество, господство, деспотия'. Имеющее аналогичное словопроизводство слово ἡγεμονία (от ἄγω 'вести' через ἡγεμών 'вождь') значит 'предводительство, начальствование, правление, царствование'. Κορυφή и τέλος также имеют в своей семантике признак 'высшей власти'. Среди славянских слов группы κλαδικατικιѣ определяется как 'господство, полная (верховная) власть'; точно так же в словаре ЧСАН обработано слово κλαδικατικѣс. Эта же сема присуща и слову начало ('управление, власть'), и слову покѣна.

Наконец, в-третьих, для некоторых из уже рассмотренных слов и для оставшихся (исключая лишь лексемы φόρος и дана) характерна сема 'начала и конца, начала и завершения, крайней точки, предела, первого и последнего'. Эту идею одним-единственным словом трудно описать, а входящие в нее смыслы в русском языковом сознании представляются даже антонимичными. Между тем, антонимия вполне снимается более абстрактным понятием: начало и конец — это предельные моменты протекания действия во времени или края предмета в пространстве; первый и последний — это крайние предметы в ряду соположенных и т. д. Выбор слова для номинации определяется точкой зрения: предельный момент протекания действия дальше по времени от нас — начало, ближе — конец; однако всякий раз речь идет о предельном моменте. Как кажется, общее понятие, о котором говорим, присуще семантике латинского корня *extrem(us)*,

стр. 155). По Балли «идентифицировать речевой факт можно только таким словом, которое выражает содержащуюся в нем идею в самой простой, самой объективной и наиболее абстрактной форме» (там же, с. 130).

¹⁵ Использовались словари: И. Х. Д в о р е ц к и й. Древнегреческо-русский словарь, т. 1—2. М., 1958; W. B a u e r. Griechisch-deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur. Berlin, 1958; J. B. H o f m a n n. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1950; E. A. S o p h o c l e s. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. From B. C. 146 to A. D. 1100. 2 vols. New York, 1957. Выходные данные словаря старославянского языка Чехословацкой Академии наук указаны в сн. 2.

которая как раз описывается по-русски в противоположных категориях ('крайний, внешний, начальный, конечный, наибольший, наименьший, наивысший, наинизший' и т. д.)¹⁶. Таким образом, третья интегральная сема, сема 'экстрема' (в противопоставлении периферии центру, середине), весьма абстрактна и с точки зрения нашего языкового сознания энтантиосемична.

Эта сема характерна для греческих *ἄκρον* 'конец, предел, вершина, край, высшая степень чего-либо', *ἀρχή* 'начало, основание', *πέρας* 'край, предел, конец, окончание, граница, осуществление', *τέλος* 'конец, завершение, исполнение, кончина' и для славянских *начатъкъ* / *начало* 'начало' (т. е., по толкованиям, 'первый момент или моменты какого-либо действия и исходная точка — о чем-либо имеющем протяжение'), *конецъ* 'край, граница конец' (*конецъ*, по толкованиям, 'предел, последняя грань чего-либо в пространстве и во времени'), *краи* 'конец, край' (*край* — это 'пределная линия, ограничивающая поверхность чего-либо, а также часть поверхности, близкая к этой линии'). Как кажется, лексемы *ἄκρον*, *πέρας* и *краи* имеют преимущественно пространственную приложимость, а для лексем *τέλος* и *конецъ* характерно преимущественно временное значение, однако можно указать и на случаи безразличного, синкретического употребления слов (ср., например, явное пространственное употребление слов *конецъ*: Мф 24, 31 *сѣверѣтъ избраниѣ его... отъ конца неба до конца ихъ*; кроме того, выше, под лексемой *πέρας*, мы указали на безразличный перевод данного греческого слова как *конецъ* и как *краи*). Пространственно-временной синкретизм безусловно свойствен *ἀρχή* *начатъкъ*.

Тем не менее заметно, что каждое из слов не выражает семы 'экстрема' в чистом виде¹⁷, — *начатъкъ* как упоминалось, это экстрем по времени дальше от нас (от говорящего), а *конецъ*, *краи* — ближе к нам. Таким образом, кроме семы 'экстрема', слова содержат еще сему 'точки зрения, точки отсчета'. Других семантических различий между этими четырьмя греческими и тремя славянскими словами мы не заметили.

В оставшихся словах изучаемой группы сема 'экстрема' осложняется другими смысловыми элементами, а это, естественно, ведет к сокращению объемов лексических понятий соответствующих слов, т. е. слова конкретизируются и специализируются. Если речь идет о крае одежды, то употребляются слова *κράπεδον* 'край, кайма одежды' и *κῆκρινιε* 'подол, край одежды', причем и в новозаветном греческом языке, и в славянском оба слова специализировались еще больше и стали преимущественно обозначать кисти, употребляемые на четырех концах ритуального покрывала (Числа 15, 38; Мф 9, 20, 14, 36, Мр 6, 56, Лк 8, 44). Экстрем по вертикали —

¹⁶ Ср. *extremitas* 'предел, крайность'. Смысл словосочетания *extrema pars* наиболее подошел бы для наших целей. Характерно, что в русском научном языке слово *экстремум* употребляется для объединения понятий максимума и минимума, а в математике — для одновременного обозначения наибольших и наименьших значений величин.

¹⁷ Можно предположить, что эту сему в чистом виде выражало слово *конь* (или *конь*) — этот корень представлен, например, в антонимичных *поконь* 'начало' и *конь* 'конец'. А. Г. Преображенский (Этимологический словарь русского языка, т. 1, М., 1959, с. 348) справедливо пишет по сему поводу: «Затруднительно объяснить противоположное значение в одном и том же корне *конь*: начало и конец. Но это противоречие кажущееся: оно объясняется из основного значения корня *ken 'попьяляться, наступать': если следует ряд предметов, то первый (крайний) и последний (тоже крайний) могут быть названы началом и концом, сообразно с точкой зрения». Однако на древнеславянском материале слово можно, пожалуй, только реконструировать (см. выше под лексемой *ἀρχή* *ис кони*), да и то с уже модифицированной семантикой. В словаре ЧСАН показан лишь один случай употребления слова в значении 'начала'. Об общей этимологии слов *начало* и *конецъ* и развитии их семантики см. содержательную заметку Л. А. Влاديمировой (Начало и конец. «Русская речь», 1976, № 2, с. 157—159).

это *ἄνω* 'вверх', *κορυφή* 'вершина, высшая точка' и *βερχъ* 'вершина, высшая оконечность чего-либо'. Если *ἀρχή* и *τέλος* имеют диффузное пространственно-временное значение, то избирательно, только к ходу времени и, в частности, к возрасту человека прилагаются *ἀρχαῖος* 'древний, прежний, старый, старший', *ἀρεκάνъ*, *ετάρτι*, *πρῶτῳ* (с той же семантикой) и *νέος* 'новый, молодой, юный', *новъ*, *юнъ*. По отношению к счету экстрем начала — это *πρῶτῳ*, а конца — *πῶσῳ*; аналогично *πρῶτος* и *ἔσχατος*. По отношению к действию экстрем конца — *πλήρωμα* и *испазнение*.

Таким образом, сема 'экстрема' характерна, во-первых, для слов с широкой семантикой и, во-вторых, для слов специализированных, осложненных дополнительными семами. В этом нет ничего необычного: например, в современном русском языке *конец* дистанции (в спорте) может быть обозначен как этим словом, так и специализированным словом *финиш*; *конец* симфонии (спектакля, состязаний) — это *финал*, *верх* головы — *макушка*, *верх* славы — *триумф*, *край* дороги — *обочина*, *край* территории — *граница* и т. д.

Заметим, что специализированные слова с различными дополнительными семами, собственно, между собой связаны слабо (ср., например, *кзскриание* и *дрекана*), поэтому, вероятно, если бы не наша методика, априорно исследователи не согласились бы сопоставлять их. Естественно, что на схеме мы никогда не находим непосредственной связи между специализированными словами с разными прибавочными семами: между ними непременно имеется абстрактное слово (действительно, чтобы связать между собой оба слова примера, нужно пройти славянские слова-звенья *краи*, *конецъ*, *начатъкъ* и *пръкъи* — путь немалый!).

Кроме того, в одном и том же контексте или даже при полном совпадении греческого источника специализированные слова разных групп никогда не стоят одно на месте другого, а варьирование абстрактного и специализированного слов — вполне возможно. Например, в Мар, Асс Мф 9, 20 читается *прикоснъ сѧ кзскриани ризѧ его*, а в Сав — *краи ризѧ его* (так же Лк 8, 44). В Мар, Зогр и Асс Лк 8, 14 гласит *отъ печѧли и богатѧства... подѧтъжѧ сѧ и не до вѧрха плода тѧкратѧ*; в Сав — *до концѧ* (так!). Лк 1, 2 в Мар, Сав читается *кзшени ис кони самовидци*, и здесь употреблено абстрактное слово *кони*, в то время как в Асс имеем специализированное счетное слово *ис пръкъи*. Если, однако, специализированные слова обладают одной и той же дополнительной интегральной семой, т. е. при условии их синонимичности, варьирование внутри ряда вполне возможно. Ср. выше взаимозамену *юнъ* — *мѧлъ* и *πρῶτῳ* — *πρῶтῳ*.

Таким образом, сема 'экстрема' оказалась представленной единой группой абстрактных слов. Однако специализированные слова разделились на совокупности с дополнительными интегральными семами 'одежды', 'вертикали', 'времени, возраста', 'счета' и, наконец, 'действия'. Слова абстрактной группы могут входить в группы специализированных слов как их члены (например, в «счетную» группу *пръкъи*, *πῶσῳ* включаются все три абстрактных слова *начатъкъ*, *конецъ*, *краи*: в группу экстрема по вертикали следует поместить *конецъ* и *краи* и т. д.).

Итак, если не считать дополнительных сем, то с помощью методики «цепочки» выявились группы слов, имеющие три семы, — 'экстрема', 'берега' и 'господства'; они, по-видимому, не находятся в родо-видовых отношениях и никак не связаны друг с другом. Выходит, что полоченная совокупность слов не является лексико-семантическим полем, потому что по определению этого лингвистического понятия, поле обладает единой, общей интегральной семой.

Тем не менее, думается, совокупность слов не является случайной, произвольной. Обратим внимание на следующий существенный факт: слова абстрактной группы способны варьироваться со словами групп 'берега' (κρη — βράζα, σουχο, πεσориε; πέρας — αἰγιαλός) и 'господства' (начатъкъз — κλαδικατκτο; αρχή — ἡγεμονία, δεσποτεία). Поскольку варьирование имеет место в идентичных контекстах и при одном и том же греческом источнике (ср. выше изъкъкъше и на κρη/на σουχο), омонимия исключается. С другой стороны, надо исключить полисемию — например, слово κρη не выражает смысла 'сухое место (в противоположность мокрому)', свойственного слову σουχο; если полисемичное слово, как это понятие обычно трактуют в лингвистике, сохраняет одну из сем в своих различных значениях, то это условие не выполнено. Равным образом сема 'экстрема', характерная для слова αρχή, едва ли присутствует в семантике слова ἡγεμονία 'предводительство'. Поэтому в противоположность трактовке отношений абстрактных и специализированных слов внутри группы 'экстрема' сейчас на основании факта варьирования нельзя сказать, что слова абстрактной группы входят в лексические ряды 'берега' и 'владычества' как их члены. Группы специализированных слов и группы 'берега' и 'владычества' находятся в качественно различных отношениях к группе абстрактных слов.

Мы полагаем, что слова κρη, βράζα, σουχο и πεσориε связаны между собой не семантически, а лишь единым объектом номинации. Подобно тому, как по-русски одна и та же полоса грунта у воды в зависимости от признаков, лежащих в основе номинации, может быть названа *берегом, побережьем, отмелью, косой, откосом, пляжем, поморьем, сушией, землей* и даже *курортной зоной*, так и в нашем материале все 4 слова приложимы к одному и тому же объекту, хотя все они не являются синонимами или антонимами и поэтому не входят в единое лексико-семантическое поле. Сказанное справедливо и применительно к начало/поконз и κλαδικατκτιε, а также к αρχή, δεσποτεία, ἡγεμονία, κορυφή и τέλος. Правда, в этой группе метафорические переносы стали регулярными (например, κορυφή 'вершина (головы)' и метафорически 'высшая власть'), поэтому в дериватах корней иногда закреплялось именно первоначально метафорическое значение (ср. русск. *начальник*).

Слова, связанные не по смыслу, а объектом номинации, обычно признаются принадлежащими общей тематической группе лексики. Если до сих пор мы пользовались лексемой *группа* в нетерминологическом значении, то сейчас предлагаем в дальнейшем понимать ее как термин, парный термину *поле*. Пусть (лексико-семантическим) полем называется совокупность слов, имеющих интегральную сему (и как следствие этого — совпадающие объекты номинации). Пусть (тематической) группой называется совокупность слов, объединяемых только объектом номинации. Поле, таким образом, состоит из синонимов и антонимов, причем если оно членится и имеет дополнительные семы, то синонимия и антонимия между членами разных специализированных субполей наблюдается только через посредство абстрактного субполя. Видимо, и члены группы имеют какие-то семантические связи между собой, но пока мы не умеем описывать их с помощью аппарата смысловых компонентов (сем) и, следовательно, о качестве этих связей вынуждены умолчать¹⁸.

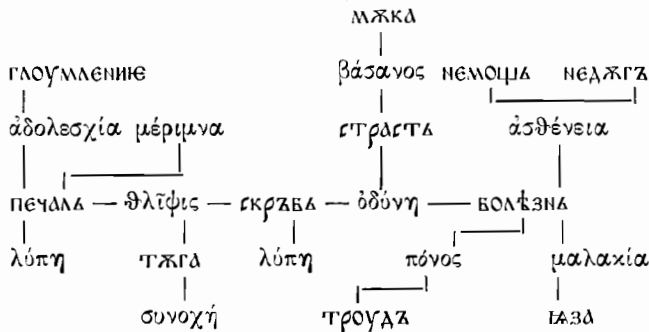
¹⁸ Ср. аналогичную позицию Л. М. Васильева (Л. М. В а с и л ь е в. Теория семантических полей. «Вопросы языкознания», 1971, № 5, с. 110): «На наш взгляд, термином 'лексико-семантическая группа' можно обозначать любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семой (или хотя бы одним семантическим множителем). К тематическим же группам следует относить такие классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой (ср. такие темы, как 'транспорт', 'спорт', 'магазин' и под.), но общая идентифицирующая (ядерная) сема для них не обязательна».

Остается сказать, что в нашем материале одно греческое слово оказалось (с синхронных позиций) омонимичным (τέλος 1) 'конец, край', 2) 'дань, налог, подать'), поэтому переводящая это слово во втором значении славянская лексема дана к установленной совокупности семантически сопряженных славянских слов отношения не имеет.

Резюмируем. Полученная с помощью методики «цепочки» совокупность слов действительно обнаруживает связи между словами: выявились лексико-семантическое поле (с абстрактными и специализированными субполями) и тематические группы слов. Эти последние на схеме очерчены.

Из графической схемы можно извлечь еще немало информации. Во-первых, обнаруживаются слова разной степени смысловой связи (чем меньше звеньев между словами, тем они сильнее связаны; кончина и конца сопряжены теснее, чем, скажем, кончина и правда). Во-вторых, в поле имеются доминантные (или опорные) слова (если считать доминантным такое слово, к которому сходится много — более двух — связей; таковы лексемы αρχή, конца и краи). В-третьих, связи внутри лексической группы вокруг доминантного слова прочнее всех других связей (слова начало, коня, правды семантически ближе друг к другу, чем, предположим, к криине и правди). В-четвертых, в поле имеются замкнутые (кольцевые) связи (например, конца, péρας, кончина, τέλος), причем мы не все такие связи (из-за перегрузки схемы) показали. Само же поле имеет незамкнутый характер. Наконец, в-пятых, — и данная информация является типичной только для нашей методики, — если элиминировать греческие лексемы, то возникнет (и с теми же связями) одноязычное, славянское поле, равно как возникнет греческое поле при устранении славянских звеньев. Методика «цепочки», как кажется, имеет достоинства: она объективна, с ее помощью можно прийти к нетривиальным конкретным результатам. Эта методика не лишена и недостатков: не ясно, когда анализ следует прервать (иначе материал может возрасти лавинообразно); непонятно, как относиться к лексемам разных частей речи; методика сама по себе не разделяет омонимию и полисемию. Кроме того, для использования методики надо тщательно отбирать источники (их увеличение, уменьшение или разный состав меняет картину, хотя и не принципиально). Наконец, практически методику «цепочки», предполагающую, как известно, сплошную проверку всех употреблений изучаемого слова, можно рекомендовать лишь при наличии конкордансов, потому что при прямой работе с источниками затраты труда и времени возрастут весьма значительно.

С помощью методики «цепочки» мы обследовали еще одно поле слов на том же круге источников. Отправились от слова θλίψις. Поскольку сейчас для нас последовательность этапов анализа несущественна, представим возникшее поле в несколько иной графической форме¹⁹ (см. схему).

¹⁹ Подробнее об этой совокупности слов см. Е. М. В е р е щ а г и н. Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики «цепочки». «Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции», вып. 2. М., 1975.

Как видим, и в этом случае извлекается нетривиальный материал. Действительно, правомерность включения в поле слова *гасумление* не очевидна и заслуживает комментария. В словаре ЧСАН под *гасумити* *га* даны значения 'пустословить, хвастаться' и 'бродить, гулять' (хотя для Псалтыри указано и значение 'беседовать, раздумывать'); в словаре Срезневского дается 'забавляться, веселиться, насмехаться' и даже 'радоваться'. Таким образом, можно было бы скорее ожидать, что *гасумление* окажется антонимом для слов *печала* или *скръба*, а по нашим данным приходится говорить об их синонимии. Между тем, если подвергнуть семантическому разбору все случаи употребления данного слова в Псалтыри (в Евангелии данный корень не представлен), то можно заметить, что ему не чужда сема 'печали'. Во всех употреблениях (76, 7, 68, 13, 76, 13, 118, 15, 23, 27, 48, 78 и 85) говорится о размышлении в стеснении и горе — ср. 118, 23 *ибо гда князи и на ма гдаахъ ракъ же гасумташехъ къ опракданихъ тксихъ*. Мы не настаиваем на правильности собственной интерпретации: важно подчеркнуть нетривиальность, невыводимость из интуиции групп лексики, получаемых с помощью методики «цепочки». Группа направляет внимание ученого на неочевидные, скрытые семантические связи.

Остается сказать, что методика «цепочки», по-видимому, может быть названа автоматической, если придерживаться предложенной процедуры и не уклоняться от нее, то кто бы ни проводил исследование, с неизбежностью возникнут идентичные результаты. Таким образом, хотя бы на этапе формирования совокупности слов удастся исключить субъективизм из анализа семантики мертвого языка.

Вспомним об отправной точке нашего небольшого исследования: именно это и требовалось.

Э. А. ГРИГОРЯН

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В БОЛГАРСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

За последние десятилетия славянская лексикология накопила опыт предметно-тематического изучения лексики. Внимание лингвистов привлекают древние и устойчивые лексические группы, среди которых особый интерес представляет местная (народная, диалектная) географическая терминология.

Эта терминология весьма отличается от научной. Одно из существенных ее отличий заключается в том, что местный географический термин неоднозначен в лингвогеографическом плане. Знание ареалов распространения славянских (в том числе болгарских) диалектных географических терминов и их общей и узкой локальной семантики позволяет правильно решать вопросы этимологии слов, славянских междиалектных соответствий, способствует разработке проблемы этногенеза славян и их последующих миграций. Основной материал для исследования семантических процессов, происходящих в сфере географической терминологии и во взаимодействующих с ней других терминологических сферах, дают диалекты.

Собирание и систематизация этого материала важны для пополнения и упорядочения фонда научной терминологии, а также для полевой работы географов и особенно для работы географа-топонимиста.

Об актуальности и перспективности изучения местной географической терминологии свидетельствует все возрастающее количество работ, выходящих в Советском Союзе и за рубежом¹. Лингвистами уже описана географическая терминология различных ареалов: сербохорватская (И. Шютц), польская (П. Нитше), чешская и словацкая (Р. Н. Малько), словенская (Р. Бадюра), белорусская (И. Я. Яшкин), украинская (И. А. Дзэндзелевский, Т. А. Марусенко, М. Юрковский), в том числе черниговско-сумская (Е. А. Черепанова), русская — псковская (В. М. Мокиенко), в настоящее время ведется исследование воронежских, архангельских и уральских географических терминов. Описана также местная географическая терминология балтийских языков (Л. Г. Невская). Единственной работой обобщающего характера, очень ценной в методологическом отношении, явилась книга Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды» (М., 1969)².

Из специальных работ по болгарской географической терминологии следует отметить статью И. Дуриданова «Географската лексика на старо-

¹ Подробнее об этом см. рецензию Н. И. Толстого. «Вопросы языкознания», 1972, № 5, с. 136—142.

² См., например, рецензию И. Шютца на эту книгу. «Вопросы языкознания», 1972, № 1, с. 136—138.

български с оглед на праславянски»³, ценную своим материалом (она основывается преимущественно на памятниках X—XI вв.).

Известен интерес историков, географов, лингвистов к болгарской местной географической терминологии. Однако тематика их работ, в которых рассматриваются некоторые географические апеллятивы, как правило, подчинена чисто топонимическим и этимологическим проблемам⁴.

В настоящей статье мы рассмотрим семантические связи местных географических терминов с иными терминологическими сферами лексики в болгарском языке⁵.

Исследователи местной славянской (и неславянской) географической терминологии неоднократно отмечали, что географическая терминология в лексемном и смысловом отношении связана с другими лексико-семантическими группами. Болгарские местные географические термины также демонстрируют эти корреляции. У исследуемых нами лексем наблюдается регулярная связь следующих семем:

1. Название частей тела человека и животных — географический термин, например: *бруква* 'опухоль' (р-н Габрово — КовМНГ 25)⁶ — 'выпуклое земное место, выступ' (там же), *везжда* 'бровь' (РСБКЕ, БТР) — 'полоса леса или скал, которая простирается над кручей' (р-н Ботевград — БД I, 187), *зеп* 'зуб' (р-н Тетевен — СБНУ XXXI, 273) — 'высокая отвесная стена, скала, утес' (там же), *колтук* 'подмышка' (р-н Шумен — авт.) — 'пологая седловина' (р-н Смолян — авт.), 'поворот, изгиб дороги, реки' (р-н Кюстендил — БД VI, 143), *нос* 'нос, клюв' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'мыс' (там же), *уста* 'рот, пасть', 'губы' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'устье реки' (Геров), 'передняя часть пещеры' (р-н Троян — авт.) и многие др.

2. Большим числом примеров представлена в болгарском языке корреляция названий хозяйственных и бытовых предметов с названиями географических объектов: *корито* 'корыто (для стирки); ясли (для скота)', 'водопойная колода' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Бургас — авт., р-н Ихтиман — БД III, 92) — 'котловина' (Геров, р-н Троян — авт.), 'русло реки' (РСБКЕ, БТР, р-н В.Тырново, Бяла Слатина, Вратца — арх. КБЯ, р-н Шумен, Троян — авт., р-н Пирдоп, София — арх. КБЯ, р-н Кюстендил, Смолян — авт., р-н Мадан — ХрМИМ 118); *кутел* 'глубокая деревянная посуда (ступка для соли, чеснока и т. д.)' (РСБКЕ, БТР, Геров), 'деревянная бадейка (у колодца)' (там же), 'большой медный сосуд' (Геров, р-н Родопы — БД II, 196), 'большая деревянная миска, служащая меркой для молока в мандре' (р-н Родопы — БД II, 196) — 'горная котловина' (р-н Смолян — авт.), 'высокий, поросший только травой холм' (р-н Родопы — РН VII, 3—4, 65); *лопка* 'медный колокольчик (для скота)' (р-н Севлиево — БД II, 212, р-н Родопы — БД V, 185) — 'углубление, яма' (р-н Родопы — БД V, 185); *полица* 'полка' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Бургас — авт., р-н Видин — ТВД VI, 266, р-н Троян — авт.) — 'ровная площадка на склоне

³ В сб. Хиляда и сто години славянска писменост. София, 1963, с. 191—215.

⁴ См., например, библиографический обзор: А. К. Кошелев. Топонимическая литература Болгарии. В сб. Иностранная литература по топонимике. М., 1965.

⁵ Источниками служили главным образом лексикографические работы: словари общего типа и диалектные, словари-приложения к фольклорным, этнографическим, топонимическим и другим исследованиям. Из рукописных источников укажем в первую очередь на материалы Диалектологического архива кафедры болгарского языка Софийского университета и Картотеки секции болгарской диалектологии Института болгарского языка Болгарской академии наук. Кроме того, мы располагаем полевым материалом, собранным нами по специально составленному вопроснику в пяти районах НРБ (Кюстендилском, Ловечском, Бургасском, Смолянском, Шуменском), различных по диалектной принадлежности и географическому расположению.

⁶ Список принятых нами сокращений источников см. в конце статьи.

горы, терраса' (Геров, р-н Троян — авт., р-н Пирдоп — ЗаимМИП 39, р-н Смолян — авт.) и мн. др.

3. Взаимодействие строительного и географического терминов отмечено для лексем: *врата* 'дверь' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'передняя часть пещеры, норы' (р-н Бургас — авт.); *грета* 'балка, деревянный брус' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'вытянутая в длину невысокая возвышенность' (Геров, р-н Пирдоп — ЗаимМИП 38); *пещ* 'печь' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'пещера' (р-н Ботевград — БД I, 198), 'вырытый котлован для строительства водяной мельницы' (р-н Вратца — арх. КБЯ); *стена* 'стена (каменная, кирпичная и т. д.)' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'скала, утес' (Геров, р-н Севлиево — Денков рук., р-н Бяла Слатина — ИИБЕ IV, 168, р-н Родопы — БД II, 273), 'отвесная скалистая круча' (Геров, р-н Габрово — КовМНГ 27, р-н Троян, Смолян — авт., р-н Мадан — ХрМИМ 74), 'обширная каменная масса, подобно стене возвышающаяся над поверхностью' (р-н Бургас — арх. КБЯ) и мн. др.

4. Примерами семантического переноса термина из области ткачества в географическую сферу являются следующие лексемы: *деруга* 'место в основе ткани, где пропущена нить' (Геров, р-н Чирпан — арх. КБЯ) — 'русло ливневого потока на склоне' (р-н Пирдоп, Петрич — арх. КБЯ), 'ливневый сток' (р-н Чирпан — арх. КБЯ), 'невспаханное место между двумя бороздами' (Геров), *къжзел* 'верхняя конусовидная часть прялки, к которой прикреплена кудель' (РСБКЕ, БТР, Геров) — конусовидная горная вершина (РСБКЕ); *ръб* 'рубец; кайма; складка; край, ребро, грань' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Брезник — СБНУ XLIX, 784) — 'ребро горы' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Видин — ТБД VI, 274), 'остроконечная вершина горного хребта' (Геров) и др.

5. Взаимодействие коммуникативных и географических терминов может быть представлено лексемами: *обреш* 'дорога вверх к крутой вершине' (Геров, СБНУ XIII, 257), 'дорога, пересекающая высокую местность' (р-н Лом — ДурМНЛ 113) — 'местность вблизи вершины горы' (р-н Севлиево — КовМНС 18, р-н Лом — ДурМНЛ 113), 'высокое место, расположенное на солнцепеке' (р-н София — арх. КБЯ); *пресяка* 'дорога через перевал' (р-н Пирдоп — ЗаимМИП 39—40) — 'седловина (горная)' (р-н Троян — КовТТ 80, р-н Копривштица — Иречек 319), 'горный перевал' (р-н Габрово — КовМНГ 26, р-н Троян — авт.); *разкол* 'перекресток' (БТР, Геров, р-н Габрово — КовМНГ 27), 'развилка (дорог)' (р-н Габрово — КовМНГ 27, р-н Троян — авт.) — 'место, где русло реки раздваивается' (р-н Троян — авт.), 'возвышение, разветвляющее овраг' (р-н Троян — авт.) и др.

6. На болгарском материале наблюдается и взаимодействие метеорологического и географического терминов. Например, *бура* 'буря, ураган' (Геров) — 'ливневый сток' (р-н Кюстендил — ТБД I, 245, авт., р-н София — БД I, 243, р-н Пештера, Мелник — арх. КБЯ); *спида* 'метель, вихрь' (БТР, Геров) — 'ветер с дождем и снегом' (БТР), 'холодный, все замораживающий ветер' (р-н Странджа — БД I, 140) — 'скала, утес' (Геров); *синявица* 'холодный зимний туман' (БТР) — 'глубокий омут' (р-н Смолян — арх. КБЯ) и др.

7. Семантическая связь названия почвы — географический термин проявляется, например, в лексемах: *белилка* 'название почвы' (р-н Елена, В.-Тырново, Павликени, Видин — СтранНИП 322), 'белая глина, которой обмазывают стены и пол дома' (БТР, р-н Елена — арх. КБЯ, р-н Шумен — арх. КБЯ, арх. СБД, р-н Тетевен — арх. СБД) — 'часть скалистого русла реки, неглубокое каменистое место, удобное для отбеливания, стирки белья' (р-н Севлиево — КовМНС 12, р-н Западная Болгария — СБНУ X, 221, р-н Северо-западная Болгария —

СБНУ XVIII, 108, р-н Луковит, Лом, Кула, Белоградчик — арх. СБД, р-н Михайловград — Георгиев рук., р-н София — СБНУ I, 2, 9, р-н Троян — СБНУ XXVIII, 319); *белушак* 'название почвы' (р-н Пирдоп — СтранНИП 323) — 'луг с белой травой' (р-н Плевен — арх. КБЯ); *цепеняк* 'каменистая, бесплодная почва' (БТР) — 'каменистое место' (Геров), 'щебень' (БТР) и др.

8. Лексемы, употребляемые в сферах названий одежды и географических объектов, следующие: *врѣшник* 'верхняя одежда' (р-н Харманли — БЕР) — 'горная вершина, которая заканчивается небольшой площадкой' (р-н Кюстендил — авт.); *копка* 'петля; отверстие для пуговицы' (р-н Никопол — арх. КБЯ) — 'углубление поперек дороги; лоток' (р-н Бяла — арх. КБЯ, р-н Троян — авт.), 'колея' (р-н Троян — авт.), 'прорубь' (РСБКЕ, Геров, р-н Хасково — арх. КБЯ, р-н Севлиево — арх. СБД, р-н В.-Тырново — СБНУ XVI—XVII, 397, р-н Павликени, Никопол, Ловеч — арх. КБЯ, р-н Троян — авт.); *яка* 'воротник' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Габрово — Гунчев рук., р-н Шумен — авт.) — 'подножие горы' (р-н Шумен — авт., р-н Родопы — БД II, 175, авт.) и др.

9. Взаимодействие географического термина и термина, имеющего отношение к еде, обнаруживается в лексемах: *висар* 'ломтик хлеба' (р-н Родопы — БД II, 138) — 'высокая крутая скала' (р-н Смолян — РСБ I, 262, р-н Родопы — БД II, 138); *рибник* 'жареная рыба с рисом, капустой' (РСБКЕ, БТР, Геров), 'пирог с рыбой' (РСБКЕ, БТР) — 'озеро или пруд, где искусственно разводят рыбу' (РСБКЕ, БТР) и др.

10. Выделяется группа лексем, употребительных в сферах зоологической и географической терминологии. К ней относятся: *мочур* 'небольшой ослик-самец' (р-н Пловдив — арх. КБЯ) — 'болото, трясына; болотистое место' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Габрово — КовМНГ, 26, р-н Севлиево — арх. КБЯ, р-н В.-Тырново — Драгиев рук., р-н Шумен — авт., р-н Ловеч, Михайловград, Белоградчик, Вратца, Тетевен — арх. КБЯ, р-н Троян — БД IV, 214, р-н Пирдоп — ЗаимМИП 76, р-н Ихтиман — БД III, 107, р-н Смолян — ИИБЕ IV, 78, р-н Мадан ХрМММ 116, р-н Родопы — РН VII, 3—4, 66, БД II, 210), 'наводненное место' (р-н Попово — БД V, 351, р-н Свиштов — БД III, 306); *присойница* 'вид ядовитой змеи' (Геров) — 'южный склон, солнцепек, солнечная сторона' (Геров) и др.

11. Существует небольшая группа лексем, параллельно употребляемых в сферах межевых и географических терминов. Например: *межда* 'граница, межа' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Сливен, Севлиево, Никопол, Ловеч, Кула, Вратца, Трын, Станке Димитров — арх. КБЯ) — 'небольшой лесок (из 20—30 деревьев) в поле' (р-н Пазарджик — арх. КБЯ); *предял* 'граница, рубеж' (р-н Габрово — КовМНГ 26) — 'водораздельный гребень' (р-н Габрово — КовМНГ 26, р-н Пирдоп — ЗаимМИП 237) и др.

12. О взаимодействии геометрических и географических терминов свидетельствуют лексемы: *кривулица* 'кривая линия' (РСБКЕ) — 'излучина реки' (Геров), 'извилистая лощинка' (р-н Троян — авт.); *над* 'высота падения воды' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'крутой обрыв' (р-н Пирдоп — ЗаимМИП 39); *увес* 'наклон воды; уклон, отвесность' (Геров, р-н Ботевград — БД I, 203) — 'отвесная круча' (р-н Троян, Смолян — авт., р-н Мадан — ХрМММ 74, р-н Родопы — РН VII, 3—4, 69); *ширина* 'ширина' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'ровная местность с хорошими лугами' (р-н Видин — арх. КБЯ, р-н София — БД II, 112), 'небольшой луг у поля' (Геров), 'большая низкая и ровная поляна' (р-н Родопы — РН VII, 3—4, 70) и др.

13. Несмотря на немногочисленность примеров, целесообразно отметить сосуществование минералогического и географического терминов, составляющих значения одного слова, например: *бузлук* 'белый камень' (р-н Фракия — арх. КБЯ) — 'бесплодное место, негодное для посевов' (р-н Варна — арх. КБЯ), 'заброшенное поле, целина' (р-н Варна — арх. КБЯ); *лиска* 'вид камня, синий сыпучий камень' (р-н Троян — КовТТ 103, авт., р-н София — ГСУ ЛХУ, I, 294) — 'гладкий плоский камень в реке' (р-н Вратца — СБНУ XIV, 205, р-н София — арх. КБЯ), 'голое каменистое место' (р-н Кюстендил — авт.) и др.

14. Нередко лексемы, выступающие в качестве географических терминов, в нетерминологическом употреблении приобретают пейоративный оттенок: *батак* 'болото, трясина' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Варна, Севлиево, Ловеч, Панагюриште — арх. КБЯ, р-н Пирдоп — ЗаимМИП 76), 'грязь' (РСБКЕ, Геров, р-н Хасково — ИИБЕ IV, 245, р-н Харманли, Первомай, Грудово — арх. КБЯ, р-н Бургас — авт., р-н Дряново, Севлиево, Павликени, Балчик, Силистра, Русе — арх. КБЯ, р-н Пирдоп — СБНУ II, 3, 74, р-н Пловдив, Пазарджик, Кюстендил — арх. КБЯ, р-н Станке Димитров — СБНУ XIII, 3, 224, р-н Смолян — авт., р-н Мелник, Сандански, Петрич, Благоевград — арх. КБЯ), 'лужа' (р-н Ихтиман — арх. КБЯ) — 'старый хрыч' (р-н Плевен — БД VI, 157); *плескало* 'водопад' (Геров) — 'болтун, трепач' (БТР); *усойница* 'сырое и прохладное место, не освещаемое солнцем; теневая, северная сторона' (Геров) — 'злая, дурная женщина' (РСБКЕ) и др.

15. В болгарских лексемах наблюдается сосуществование семем географический объект и множество: *врело* 'родник' (Геров, р-н Котел, Видин, Белградчик, Годеч, София — арх. КБЯ), 'исток реки' (БТР, р-н София, Перник — арх. КБЯ, р-н Брезник — СБНУ XLIX, 775), 'термальный источник' (р-н Годеч — арх. КБЯ, р-н София — БД I, 244, БД II, 73, арх. КБЯ), 'овраг, по дну которого течет ручей' (р-н Годеч — арх. КБЯ), 'попынь' (БТР, Геров) — 'множество животных' (р-н София — БД II, 73); *тумба* 'горка, холмик' (Геров, р-н Бургас — авт., р-н Гоце Делчев, Мелник, Благоевград — арх. КБЯ), 'отдельно стоящий холмик посреди поляны' (р-н Родопы — РН VII, 3—4, 69), 'курган' (р-н Странджа — БД I, 145, р-н Бургас — авт.) — 'группа, толпа людей' (РСБКЕ, БТР, Геров, р-н Троян — БД IV, 227, р-н Родопы — БД II, 283), 'группа деревьев' (р-н Троян — КовТТ 80) и др.

Единичные переносы значения отражаются в терминах: *кавал* 'длинная пастушья свирель' (РСБКЕ, БТР, Геров) — 'арык' (р-н Севлиево, В.-Тырново, арх. КБЯ); *ломада* 'большой осколок камня' (р-н Разлог — арх. КБЯ), 'каменная плита' (р-н Разлог — СБНУ XLVIII, 475) — 'детская игра у мальчиков с каменными плитками' (р-н Родопы — БД V, 185); *скокут* 'щекотка' (р-н Родопы — БД II, 267) — 'узкое место в русле реки, где вода подскакивает' (там же); *ураат* 'мера земли в 1,5 декара' (р-н Ихтиман — БД III, 182) — 'небольшая площадь земли' (р-н Асеновград — арх. КБЯ), 'место, где распределяют воду для поливки полей' (р-н Благоевград — арх. КБЯ) и некоторые др.

Таким образом, из рассмотренных нами примеров следует, что метафорические переносы для названий географических объектов являются одной из закономерностей развития семантики. Анатомическая терминология выступает преимущественно в сфере терминов для обозначения выпуклых форм земной поверхности, кроме того, в сфере терминов для обозначения текущих вод и терминов, связанных с береговой линией⁷. Лексемы, отно-

⁷ Небезынтересен вывод видного советского топонимиста Э. М. Мурзаева, исследовавшего народную географическую терминологию многих языков Европы и Азии: «... четко прослеживается универсальная способность превращения слов, обозначаю-

сящиеся к названиям посуды, встречаются среди терминов для обозначения вогнутых форм земной поверхности и терминов для обозначения стоячих вод; термины ткачества — в основном, в номенклатуре возвышенного рельефа. Строительные термины употребляются, главным образом, в сферах терминов, обозначающих выпуклые и вогнутые формы земной поверхности; метеорологические же — в сферах терминов возвышенного рельефа, вогнутых форм земной поверхности и терминов, обозначающих текущие воды.

Итак, в значениях исследуемых полисемантических слов болгарского языка обнаруживается регулярная устойчивая связь одних и тех же семантических пространств.

Выяснение вопроса о том, насколько широко представлено в разных языковых семьях, языках и диалектах параллельное употребление терминов в сферах географической и негеографической терминологии, позволит точнее установить семантические связи и модели географических терминов и будет способствовать развитию такой важной и мало разработанной области, как сравнительная (и сопоставительная) семасиология.

С п и с о к с о к р а щ е н и й

авт. — рукописные материалы автора; арх. КБЯ — материалы диалектологического архива кафедры болгарского языка Софийского университета; арх. СБД — материалы словарного архива секции болгарской диалектологии Института болгарского языка Болгарской академии наук; БД — сб. Българска диалектология. Проучвания и материали; БЕР — Български етимологичен речник. София, 1962—1969 (св. I—VII); БТР — Български тълковен речник. София, 1963; Геров — Н. Геров. Речник на български език, т. I—V. Пловдив, 1895—1904; ГСУ — Годишник на Софийският университет; Гунчев рук. — И. Гунчев. Говорът на с. Здравковец, Габровско. Рукопись; Драгиев рук. — И. Драгиев. Речник на с. Сухиндол, Търновско. Рукопись; ДурМНЛ — Ив. Дуриданов. Местните названия от Ломско. София, 1952; ЗаимМИП — И. Заимов. Местните имена в Пирдопско. София, 1959; ИИБЕ — «Известия на Института за български език». София; Иречек — К. Иречек. Княжество България, ч. 2. Пловдив, 1899; КовМНГ — Н. Ковачев. Местните названия в Габровско. София, 1965; КовМНС — Н. Ковачев. Местните названия от Севлиевско. София, 1964; КовТТ — Н. Ковачев. Топонимията от Троянско. София, 1969; РН — Родопски напредък. София; РСБ — Родопски сборник. София; РСБКЕ — Речник на съвременния български книжовен език (I—III). София, 1955—1959; СтрапННП — И. Странски. Български народни названия на почвата според цвета и овлажняването ѝ. «Известия на Почвения институт», кн. 2. София, 1954; ТБД — Трудове по българска диалектология. София; ХрМИМ — Г. Христов. Местните имена в Маданско. София, 1964.

щик части тела человека и животных, в географические термины, обладающие преимущественно геоморфологической (орографической) и гидрографической семантикой. Наличие лексем со значением частей тела человека и животных в географической терминологии — глобальная топонимическая закономерность» (Э. М. Мурзав. Очерки топонимики. М., 1974, с. 135).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Z. KOZIK. *Partie i stronnictwa polityczne w Krakowskiem. 1945—1947.* Kraków, 1975, 467 s.

З. КОЗИК. *Партии и политические объединения в Краковском воеводстве. 1945—1947*

Рецензируемая работа польского исследователя З. Козика, автора ряда книг по истории польского рабочего движения, посвящена хронологически небольшому, но важному периоду в истории польского народа. Объектом исследования взято Краковское воеводство, регион, где была традиционна высокая политическая активность общества, где послевоенная политическая обстановка усложнялась временной концентрацией различных антидемократических сил, где действовали подпольные вооруженные организации, где демократическому блоку во главе с ППР противостоял конгломерат сил, группировок, течений, направлений от скрыто до открыто враждебных.

О возникновении нового социалистического государства в ПНР существует богатая научная литература. Тем не менее книга З. Козика займет в ней достойное место. Впервые была предпринята попытка показать политическую жизнь Краковского воеводства в широком масштабе, учитывая позиции и эволюцию всех партий и группировок. Причем автор поставил себе цель провести глубинное исследование процессов, «которые... происходили как в традиционных политических группировках, так и во взглядах и позициях неорганизованных групп, а в некоторых случаях даже очень известных лидеров». Книга основана на архивных материалах, но учтены и пресса, и опубликованные документы, и литература вопроса.

В первом разделе, посвященном восстановлению политической жизни в воеводстве в январе — июне 1945 г., внимание автора концентрируется на вопросах превращения ППР из кадровой партии в массовую, на показе ведущей роли ППР в общественно-экономических преобразованиях, в государственном строительстве и восстановлении экономики страны.

В книге прослежена генеральная линия и тактика «главной партии лагеря революции», ее неустанная работа по налаживанию сотрудничества с ППС в деле восстановления страны, по определению путей развития новой Польши, ее борьба за единый рабочий фронт против

скрытой и открытой оппозиции. Детально проанализирована тактика ППР в отношении столь многоликого тогда в идейно-политическом плане крестьянского движения, показана неизменность курса на союз с демократическим его крылом, представлена работа партии по постепенному выведению широких масс трудового крестьянства из-под влияния правых людовских деятелей, что в Краковском воеводстве требовало и больших усилий и большего отрезка времени, чем в других областях страны.

Анализируя процесс возрождения ППС, партии, сохранившей прежнее название, по качественно отличающейся от своей предшественницы, З. Козик рассматривает не только организационное развитие ППС, но и сложный процесс формирования ее нового идейно-политического облика. В наиболее ответственный период революции, во время политического противостояния лагеря революции и лагеря реакции, в этой партии обнажились склонность к политике лавирования, стремление свести сотрудничество с ППР к принципам свободной коалиции парламентского типа. В Краковском воеводстве эти тенденции проявились наиболее выпукло, так как в руководстве воеводской организацией ППС преобладали правые лидеры. Сама же организация, как известно, была весьма многочисленной и влиятельной во всей партии. Рисуя процесс формирования идейного облика краковской партийной организации, З. Козик отмечает трудности и постепенность подключения ее к общему идейному развитию всей партии.

Серьезное внимание в книге уделяется проблеме взаимоотношений рабочих партий, анализу тех специфических условий, которые вначале не благоприятствовали гармоническому их развитию в Краковском регионе, «хотя само сотрудничество существовало, составляя, несмотря на трудности, самый существенный элемент и суть тогдашней политической жизни». Последовательное развитие и применение принципов сотрудничества, утверждает автор, в практической деятельности обеих партий позволяло успешно преодолевать не раз возникавшие препятствия и приве-

ло к заключению в конце 1946 г. соглашения о единстве действий, что, как считает автор, открывало положительную перспективу для конечной цели сотрудничества, т. е. организационного единства обеих рабочих партий.

Весьма интересны материалы книги, посвященные демократическому движению. Хотя З. Козик неоднократно подчеркивает скудность документальных данных о первых послевоенных годах существования организации Демократической партии в Краковском воеводстве, ему удается показать постепенное формирование социальной базы этой партии.

Показывая идейно-политическую эволюцию этой партии, автор успешно избегает упрощений, отмечает специфическую функцию ДП, партии, небольшой по численности, но игравшей заметную роль в обществе, особенно в начальный период становления народного строя.

З. Козик поставил перед собой задачу дать полную картину «политического горизонта Краковского региона», включая исследование позиций конспиративных организаций, связанных с эмигрантскими центрами. Подход автора к Армии крайовой представляется нам приемлемым. Избегая обобщенных оценок АК, он подчеркивает общественно-политическую многослойность этой бывшей антигитлеровской вооруженной организации, подчинившейся эмигрантскому правительству. З. Козик выделяет «проблему АК», созданную сознательными врагами народной власти, продолжавшими вооруженную борьбу против новой Польши. Автор не умалит силы и опасности подполья, выявляет причины его живучести, показывает его политическую разнокалиберность.

К наиболее интересным, глубоким и продуманным страницам книги следует отнести описание политической ситуации в стране в апреле — мае 1945 г. Для демократического лагеря, — считает З. Козик, — весной 1945 г. необходимо были расширение социальной базы, приобретение новых союзников, разрядка напряженной внутренней ситуации. Именно под этим углом зрения и рассматривается в книге факт создания Правительства национального единства. Не забыта и международная значимость этого события.

З. Козик показывает, как в момент перехода от войны к миру выявилась вся социальная и политическая разнородность польского крестьянского движения. Причем, опять же в Краковском воеводстве быстрее, динамичней, наглядней и жестче, чем в других регионах Польши. Особое внимание уделено расколу этого движения в воеводстве и возникновению правой крестьянской партии — ПСЛ. Это, по словам автора, создавало качественно новую ситуацию в движении, поскольку наблюдался процесс перерождения снизу руководимого левыми деятелями Стронництва людового.

И несмотря на то, что ПСЛ стало доминирующей силой в краковской деревне, левое СЛ постепенно осилило внутренний кризис, выработало свою идейно-политическую платформу, что, считает автор, определило его место в расстановке политических сил в стране и в лагере левых.

Для читателя, интересующегося развитием политической ситуации в Польше в первые послевоенные годы, весьма интересны III и IV разделы книги, посвященные политической конфронтации в Польше с осени 1945 г. до выборов в сейм в январе 1947 г. Центральное внимание З. Козик уделит здесь главной организованной силе оппозиции — ПСЛ и борьбе с ней партий демократического блока. Данный в книге анализ политического облика, места в лагере реакции и функции в обществе краковской организации ПСЛ, наиболее преданной миколайчиковскому руководству, имеет большое значение для понимания и оценки политической ситуации во всей стране. З. Козик ставит вопросы о степени влияния ПСЛ в обществе, о ее «моновитности», вскрывает причины падения активности ПСЛ осенью 1946 г., выявляет возникновение полярности позиций внутри ПСЛ и, наконец, констатирует почти полную парализацию деятельности партии в конце 1946 г., когда, по утверждению автора, исчезли предпосылки для существования оппозиции. На первой линии огня в борьбе с оппозицией и реакцией стояла краковская организация ППР, никогда, как пишет З. Козик, не терявшая своей наступательной позиции, зреющая политически, преодолевающая немалые трудности, остающаяся решающей силой лагеря революции.

Страницы книги, посвященные радикальному крестьянскому движению, показывают всю сложность ситуации СЛ в Краковском воеводстве, сначала скромные, но обнадеживающие успехи в организационном развитии партийной организации, трудности работы по собиранию демократических лидеров в рядах СЛ, по созданию атмосферы доверия среди крестьянства к этой партии. В специфических условиях Краковского воеводства процесс этот, естественно, был медленным и постепенным. Завершает книгу раздел, охватывающий весь 1947 год, время, когда стабилизировавшиеся внутренние отношения стала фактом, когда предстояло еще решить много задач по укреплению и расширению демократического блока, когда изменяющиеся внутренние и международные условия становились фактором, интегрирующим польское общество.

Новое исследование З. Козика, безусловно, вносит весомый вклад в наши знания истории Польской Народной Республики.

А. Носкова

ЦЕННЫЙ ТРУД ПОЛЬСКОГО ИСТОРИКА

«Из проблематики стратегии Национального фронта ППР. 1942—1945» — новая работа известного польского историка А. Пшигоньского¹, за которую на конкурсе докторских диссертаций имени Александра Завадского ему присуждена первая премия.

В монографии шесть глав. В первой, вводной главе характеризуется общая расстановка сил в стране накануне образования Польской рабочей партии. Во второй главе рассматривается создание марксистско-ленинской партии польского рабочего класса и излагается история формирования первой стратегической концепции ППР и ее деятельность, направленная на достижение соглашения со всем «лондонским» лагерем и создание Национального (антифашистского) фронта. Третья и четвертая главы раскрывают процесс выработки новой стратегической концепции польских коммунистов. Работа эта велась в стране и в эмиграции в Советском Союзе. Союз польских патриотов в СССР выработал концепцию патриотического фронта, а Польская рабочая партия — национально-демократического фронта и государственно-политических основ народной Польши. Автор доказывает, что при общности конечной цели — построение социалистической Польши, общности, почти идентичности, предлагаемых первоочередных социальных преобразований они разительно отличались, однако, в вопросе о характере государства и власти, которая должна быть создана в освобожденной Польше: демократическая республика в понимании Союза польских патриотов или народная Польша — по концепции ППР (с. 226). Автор показывает политические, организационные и военные усилия ППР, направленные на объединение демократических сил Польши. Пятая глава «ППР — организатор демократического фронта в условиях гитлеровской оккупации» — центральная в работе, как по объему (она составляет более четверти всей книги), так и по содержанию. Она представляется наиболее интересной (как и параграф «Альфред Лямпе — главный идеолог национального фронта в политике и деятельности СПП» из третьей главы), новаторской, насыщенной богатым и разнообразным материалом. В ней открыто ставятся вопросы, ранее обходившиеся в литературе. ППР как организатор национального демократического фронта показана на широком фоне формирования самостоятельного народно-демократического лагеря, который противостоял буржуазному «лондонскому» лагерю. Здесь исследуется создание

организационного центра фронта — Крайовой рады народной (КРН), ее вооруженных сил и органов на местах, ее международная деятельность; отстаивание ППР своей концепции национального фронта в дискуссиях с Союзом польских патриотов в СССР, поддержка Советским правительством концепций и политики КРН. Автор убедительно доказывает силу и жизненность выработанных ППР принципов строительства народной Польши, ответственности их расстановке классовых сил в Польше накануне освобождения ее советскими войсками. Преимуществом КРН перед «лондонским» лагерем, преимуществом, которое обеспечило ей конечную победу, — отмечает автор, — было то, что КРН, как и созданное ею впоследствии правительство, действовали в стране, что КРН была «открытой системой», в состав которой могли войти демократические партии и организации подполья (с. 225 и 208). Автор справедливо констатирует, что создание в январе 1944 г. КРН «не могло быть увенчанием процесса формирования демократического национального фронта в Польше, а только его началом» (с. 203), но, к сожалению, показ процесса объединения всех революционных и демократических сил страны фактически остался вне рамок книги. Шестая ее глава «Реализация концепции демократического национального фронта в Польше на заключительном этапе войны в условиях существования народного государства», хотя и содержит интересные наблюдения, не может выполнить этой роли. Будем надеяться, что шестая глава явится основой новой монографии А. Пшигоньского.

Рецензируемая работа основана исключительно на документах. Некоторые из них, например протоколы заседаний Политбюро ЦК ППР еще не использовались в литературе. Кроме материалов из партийных, государственных и военных архивов ПНР, привлечены архивы известных польских общественных и государственных деятелей (с. 107), документы, имеющиеся в личном собрании автора (с. 245, 246 и др.). В результате новый материал дается даже в сюжетах, по которым имеется специальная литература: например, о переговорах ППР с делегатурой в 1943 г. (с. 103), с «централизованной» в 1944 г. (с. 261), о взаимоотношениях Союза польских патриотов и ППР (с. 218, 224—226), о переговорах делегации КРН в Москве летом и осенью 1944 г. (с. 282, 287, 326—327) и т. д.

Но главную ценность книги составляет новое прочтение документов, конкретный их анализ, нестандартный подход к известным в литературе фактам, что позволяет сделать интересные наблюдения (с. 47), выводы, сопоставления, показать процессы в их развитии, выявить общность

¹ A. P r z y g o Ń s k i. Z zagadnień strategii frontu narodowego. 1942—1945. Warszawa, 1976, 400 s.

и различия позиций партий и групп, соответствие положений их программ и документов конкретной обстановке в стране, отставание их от хода событий или, наоборот, забегание вперед (первое заявление Союза борьбы молодых), конкретно исследовать переход от общедемократических концепций к народно-демократическим (с. 99, 101). При этом автор раскрывает события во всей их сложности, со всеми объективными и субъективными трудностями, в том числе в коммунистическом движении в самой стране и в эмиграции (с. 47, 49, 83, 272). Заметим, однако, что негативные факты недоучета конкретной и специфической обстановки в Польше несколько больше подчеркиваются при анализе деятельности Союза польских патриотов и Центрального бюро польских коммунистов в СССР, первых шагов Инициативной группы и ППР, чем при анализе деятельности партии в самой стране. Отмечая крайне бегло факторы, затруднявшие деятельность ППР по созданию национального фронта (тенденции сектантства и догматизма), автор выступает против «преувеличения» указанных явлений (с. 50).

Привлечение новых материалов позволяет автору более (с. 198) или менее убедительно (с. 209) обосновать датировку важных решений ППР, например, о создании КРН или ее делегатуры (будущего Польского комитета национального освобождения) (с. 286). При констатации некоторых фактов не всегда отмечается наличие в литературе другой датировки этих же событий (с. 143, 211), хотя подобные примеры в книге есть (с. 18). Иногда вместо хорошо известной автору даты написания документа дается дата его публикации (с. 126), приводятся цифры, расходящиеся с распространенными в литературе, но не обосновывается их изменение (с. 276).

Следует отметить, что в работе рассказывается об обстоятельствах гибели первого секретаря ЦК ППР Марцели Новотко и событиях, с этим связанных (с. 84), что почему-то не сделано в недавно вышедшей в Польше большой книге о Новотко².

В монографии А. Пшигоньского показывается влияние побед Красной Армии на происходившие в Польше процессы объединения демократических сил, роль помощи СССР в создании и укреплении национального фронта в Польше (с. 262),

значение международного опыта в создании национальных фронтов (с. 69), проводится сравнение фронтов в различных странах (с. 295).

В работе есть интересные положения о соотношении народного и национального фронтов, о возможности создания народного фронта как составной части национального демократического фронта, о сходстве и различиях фронта, создаваемого ППР, и коалиции сил, которую пыталась сплотить Рабочая партия польских социалистов. Поставлена и решена проблема рабоче-крестьянского союза (с. 362), но, к сожалению, не затронут вопрос о союзе рабочего класса и его партии со средними слоями города и их политическими представителями. Хотелось бы, чтобы при новом издании книги автор дополнил первые главы материалом о крестьянском и социалистическом движении, хотя бы в таких пределах, как в пятой главе. Вначале говорится лишь о коммунистах и буржуазном лагере, антисоветски и антикоммунистически настроенном (с. 131), практически ничего не сказано о некоммунистических силах, которые были не согласны с «лондонским» лагерем, стояли вне его и впоследствии вошли в лагерь КРН. Не показаны различные течения среди социалистов, левых, демократов, развитие и изменение их политики. Поэтому появление оппозиций в указанных партиях, их деятельность не подготовлены предшествующим изложением (с. 174, 177, 199). Не развиты интересные положения о том, что крестьянство считало программу, выдвинутую ППР, соответствующей их кровным интересам (с. 176). Хотелось также, чтобы автор показал, как был ликвидирован кризис в коммунистическом движении Польши. Положение о кризисе КПП дополнено тезисом о том, что «определенный внутренний кризис неизбежен при каждом новом переломном этапе развития движения» (с. 147). Необходимо дать более развернутое обоснование и доказательство и этого тезиса. Автор увлекается обширными цитатами, которые иногда занимают три четверти текста параграфа (с. 156—159). Не указывается, что цитируемые им архивные документы часто уже опубликованы. На других авторов ссылается лишь в том случае, если оспаривает какие-либо положения в их работах.

Несмотря на отмеченные недочеты, следует надеяться, что советская научная общественность с интересом ознакомится с этой ценнейшей работой на важную в научном и политическом отношении тему.

В. С. Парсаданова

² «Marceli Nowotko. „Marian“, „Stary“. 1893—1942. Artykuły biograficzne, wspomnienia. Dokumenty». Warszawa, 1974, 494 s.

J. JACHYMEK. Oblicze społeczno-polityczne wsi lubelskiej 1930—1939. Lublin, 1975, 357 s.

ЯН ЯХЫМЕК. Общественно-политический облик люблинской деревни. 1930—1939

Рецензируемая книга Я. Яхымека, историка из Люблина, посвящена чрезвычайно важной проблеме — определению общественно-политического облика деревни Люблинского воеводства в 30-е годы. В масштабе всей страны сельское население составляло в 1931 г. около 73%, а в Люблинском воеводстве превышало 82%. Это была общественная прослойка, которая из-за своей многочисленности привлекала внимание всех политических группировок, борющихся за влияние в селе. В тот период в деревне происходили важные процессы политических переоценок, политической поляризации, связанные с одной стороны, с образованием в 1931 г. единой политической партии крестьян — Стронництва людowego (СЛ), а с другой — с коренными изменениями в методах правления санационной группировки. Автор уже во вступлении пишет, что политические настроения в люблинской деревне, их напряженность зависели от двух причин: политической активности коммунистического движения и деятельности Стронництва людowego, а также от политики правящих кругов. Поднятая тема имеет значение для истории не только тогдашнего Люблинского воеводства, но и всей страны. Работы такого характера в польской исторической литературе еще не было. Политическая характеристика деревни, даваемая автором, позволяет понять «влияние и деятельность политических партий, а также отношение к ним сельского населения» (с. 6).

Автор проанализировал огромное количество архивных и опубликованных источников, прессы, мемуаров и воспоминаний, монографических исследований, статей, относящихся не только к крестьянскому движению, но и к деятельности КПП, ППС и других оппозиционных по отношению к санации группировок, а также партий правящего лагеря. В итоге получилась работа не только большого познавательного значения, но и ценная в методологическом и научном отношении¹.

¹ На эту сторону работы обращается внимание в ранее опубликованных рецензиях. См. А. Ё у с з а к. *Więś lubelska w okresie międzywojennym*. «Nowe Książki», № 19, 15 X 1975, s. 43—44; S. P o r z u s k i. «Więś współczesna», Warszawa, 1976, № 3(229), s. 157—160; J. R. S z a f l i k. «Kwartalnik Historyczny», 1976, № 1, s. 198—201. За эту книгу Я. Яхымек удостоен в октябре 1976 г. премии Министра науки, высшего образования и техники.

В первом разделе рассматривается социально-экономическое положение люблинской деревни в межвоенный период. Автор обращает внимание читателя на тот факт, что там было 60,8% хозяйств до 5 га и количество крестьян этой категории составляло 51,1% (с. 27). Владельцы этих нетоварных хозяйств были обречены на поиски дополнительного источника заработка (близлежащие поместья, сезонная работа), чтобы прокормить семью. Тяжелое положение усугублялось налоговой системой, невозможностью найти работу в промышленности, относительно низкой культурой земледелия и т. п. Крупные крестьянские хозяйства (от 10 до 50 га) составляли 11,7% при 9,1% населения. Таким образом, люблинская деревня была по своей структуре крайне дифференцирована.

Во втором разделе Я. Яхымек характеризует политические течения в люблинской деревне в 1918—1929 гг., опираясь главным образом на результаты выборов в сейм в 1919, 1922, 1928 гг. Эти данные позволяют судить в известной степени только об объеме влияния отдельных политических группировок в деревне. Таблица на с. 5 свидетельствует об уменьшении влияния энциции во всем воеводстве, при выраженной, однако, дифференциации в отдельных повятах (от 3% голосов в Грубешовском повяте до 46% в Седлецком). Главное же — решительный перевес имели крестьянские политические группировки; при этом ПСЛ-«Пяст» теряло многих своих сторонников в связи с переходом их в ПСЛ-«Вызволена». Значительное влияние сохраняло Хлопске стронництво радикальное и Стронництво хлопске. КПП наибольшее влияние имела в Люблинском, Венгровском и Замойском повятах, Независимая крестьянская партия — в Красновоставском, Влодавском, Грубешовском, Луковском и Пулавском. Выборы в сейм в 1928 г. выявили весьма четко, что потерпел неудачу Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББСП), получив только 12,1% голосов. Наблюдался дальнейший упадок влияния энциции (10,5% голосов), возрастание влияния крестьянских партий (40% голосов), и главным образом ПСЛ-«Вызволена» и Стронництва хлопского, популярность революционных партий и их руководителей в восточной части Люблинщины (КПП, Объединение левых хлопской «Самопомоц»², Сел.—Роб. «Едност»).

² См. Н. С i m e k. *Zjednoczenie lewicy chłopskiej «Samopomoc»*. Lublin, 1975.

В третьем разделе следует особенно отметить детальный анализ положения в люблинской деревне в период существования Центролева и выборов в сейм в 1930 г. В выборах участвовало только 70% имевших право голоса, причем 19% голосов было признано недействительными. Победу одержал ББСП, влияние общественной левицы снизилось. Автор прав, указывая, что на результатах выборов только в известной мере отразился террор. Существенную роль сыграла позиция Пилсудского, вернее популярность его среди значительной части общества. Эти симпатии выражались помимо прочего в поддержке его методов управления.

Чрезвычайно важными являются данные об организационном составе КПП на Люблинщине. По данным Я. Яхмька, КПП насчитывала здесь 1600 членов, Коммунистическая партия Западной Украины — около 600 и Коммунистическая партия Западной Белоруссии — около 100. Коммунисты составляли в Люблинском воеводстве около 23% всего личного состава партии в стране, но, как правильно отмечает автор: «Сила воздействия коммунистического движения была не столько в количестве членов, сколько в притягательности идеологии, программы, лозунгов» (с. 104). КПП популяризировала свои лозунги и программу во время манифестаций, празднований годовщин трех «Л» (Ленина, Люксембург, Либкнехта), первомайских демонстраций, особенно грандиозной в 1931 г. в Любартовском повяте, а также в процессе повседневной агитационно-пропагандистской работы.

В следующем разделе Я. Яхмек проанализировал положение в деревне во время большого экономического кризиса, обращая внимание на усиление радикализации масс. Внешне это нашло выражение в забастовках, выступлениях крестьян против налоговой политики, в возрастании влияния СЛ и КПП. Автор рассмотрел здесь весьма гибкую политику основных партий и группировок по отношению к деревне, в том числе правящего ББСП. Деревня в этот период (1932—1933 гг.), несмотря на тяжелое экономическое положение, живо реагировала на лозунги СЛ и коммунистов. Одновременно автор обратил внимание, что ББСП, несмотря на использование значительных финансовых средств и поддержку местной администрации, вынужден был защищать свои прежние позиции.

В пятом разделе основное внимание сконцентрировано на обстановке во время подготовки к выборам и самих выборах 1935 г. Этот короткий период характеризуется возрастанием диктаторских методов управления, а также стремлением сил «санации» проникнуть в оппозиционные группировки, в том числе в людовское движение. Автор показал также, опираясь на многочисленные примеры, процесс нарастания правой (фашистской) тенден-

ции в эддеции. Главным образом это наблюдалось среди «молодых». Радикальное же крестьянское движение и коммунисты последовательно мобилизовывали пролетариат города и деревни на стачечную борьбу и активно противодействовали политике правительственных группировок.

Эта деятельность в немалой мере способствовала бойкоту выборов в сейм в 1935 г., в которых приняло участие лишь 40,4% имеющих право на голосование. Выборы окончательно доказали, что парламентская оппозиция не имеет никаких шансов на успех. Оставался внепарламентский путь борьбы за власть. С полным правом Я. Яхмек констатирует, что: «Выборы в сейм 1935 г. углубили наметившуюся с 1930 г. пропасть между тогдашней правительственной системой и обществом, в какой-то степени окончательно отстранили общество от влияния на ход государственных дел» (с. 200).

В следующем разделе рассматривается чрезвычайно важная проблема: деятельность КПП, направленная на создание народного фронта в 1935—1936 гг. Автор рассказывает о многочисленных демонстрациях и манифестациях, организованных коммунистами, социалистами и людовцами, молодежными организациями главным образом на территории юго-восточной Люблинщины, на которых выдвигались требования изменения внешней политики, и прежде всего враждебной политики в отношении СССР, рабоче-крестьянского правительства. Много внимания автор уделил оценке политики террора, и главным образом пацификациям на территории Замоищины.

Центральная проблема седьмого раздела — освещение и оценка крестьянской стачки 1937 г. На ограничение ее размаха, безусловно, повлиял факт ареста в предшествующий период большого числа коммунистов и людовцев. Несмотря на это, однако, в Пулавском и Луковском повятах бастовало около 90% крестьян. Стачка носила экономический характер, но выдвигались также важные политические лозунги, сводившиеся к требованию смены правительства.

В последнем разделе работы представлена политическая ситуация в люблинской деревне накануне второй мировой войны. Основное внимание уделено антивоинским настроениям и патриотической позиции польского общества в момент угрозы независимости со стороны фашистов. Одновременно раскрывается пагубная политика тогдашнего правительства.

В заключение автор подытожил результаты своих исследований, обобщив историю развития политической мысли людовского движения, показав усиление оппозиционных настроений в деревне против санационных властей и огромную роль в этом процессе коммунистов, формирование и развитие идеи единого и народ-

ного фронта, укрепление рабоче-крестьянского союза и созревание среди сельского населения концепции рабоче-крестьянских советов. Автор показал, наконец, проявление сотрудничества и взаимодействия польских и украинских крестьян на востоке и юге Люблинщины, а также привлек многочисленные примеры, свидетельствующие о симпатии и дружеских чувствах к Советскому Союзу.

Книга содержит многочисленные таб-

лицы и статистические данные, которые дают углубленное представление о политическом положении в люблинской деревне, именной и географической указатели. Иллюстративный материал и карты, очень удачно подобранные, увеличивают ценность публикации. Книгу можно рекомендовать всем, кто интересуется историей польской деревни в 1918—1939 гг.

Альбин Копруковник

Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М. Ф. Раевского. 40—80-е годы XIX века. «Наука», 1975, 576 с.

Новая публикация, подготовленная словацким историком В. Матулой и советской исследовательницей И. В. Чуркиной, представляет собой первую часть трехтомного издания, выпускаемого в сотрудничестве Академией наук СССР, Чехословацкой академией наук и белградским Институтом истории. Она стоит в ряду публикаций документов по истории национальных движений славянских народов и русско-славянских связей XIX в., изданных в прошлые годы Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР как самостоятельно, так и в сотрудничестве с польскими и болгарскими историками¹. Рассматриваемый том состоит из «Предисловия», в котором характеризуется содержание собранных в нем материалов и приводится краткая археографическая справка об архиве М. Ф. Раевского, основного корпуса документальных материалов («Письма») и необходимых приложений справочного порядка — краткой справки о фондообразователе, списка корреспондентов М. Ф. Раевского, указателей имен, периодических изданий и географических названий, а также терминологического словаря.

Авторы «Предисловия» справедливо отмечают, что «было бы трудно перечислить все вопросы, освещаемые в предлагаемом исследователю издании». В центре собранной здесь переписки стоит фигура Михаила Федоровича Раевского (1811—1884), настоятеля русской посольской церкви в Вене, где он прожил с 1842 г. до самой смерти, т. е. сорок два года! Раевский, собственно, не был ни ученым,

ни литератором. Будучи человеком незаурядных способностей, живым и общительным, он, несмотря на свои вполне очевидные и консервативные и праволиберальные симпатии и связи, сумел установить деловые контакты с очень широким кругом корреспондентов, в том числе из буржуазно-демократических кругов. К нему обращались известные западно- и южнославянские общественно-политические деятели, деятели русских славянских комитетов, ученые и писатели, представители искусства, православные и католические иерархи и многие другие. В рецензируемом томе опубликованы письма Ф. Палацкого и К. Сладковского, Л. Штура и Я. Франциши, П. Негоша и И. Штросмайера, И. А. Бодуэна де Куртене и А. Н. Пыпина, И. С. Аксакова и М. А. Балакирева и других весьма разных по занимаемому положению и характеру деятельности лиц — всего 467 корреспонденций. Естественно, что и содержание их писем необычайно разнообразно. «В них, — как указано в „Предисловии“, — затрагиваются многие стороны национальных и социальных движений славянских народов, вопросы культурных связей южных и западных славян с русскими, научные сношения, значительное место уделено Московской этнографической выставке 1867 г. и участию в ней зарубежных славян. В переписке отражены политическая жизнь славян в Австрийской и Османской империях, политика России на Балканах. Но главное содержание настоящего сборника — это национальное движение южных и западных славян в самых разнообразных его проявлениях и формах, а также отношение участников этого движения к официальной России и некоторой части русской общественности (славянофилам, революционерам-демократам, либералам и др.)» (с. 5). Письма есть письма: они несут на себе неповторимую печать времени, сиюминутности, в которой причудливо соче-

¹ «Документы к истории славяноведения в России (1850—1912)». М. — Л., 1948; «Восстание 1863 г. Материалы и документы». М., 1961—1973; «Освобождение Болгарии от турецкого ига». М., 1961—1967.

таются большие важные вопросы и мелкие жизненные случаи и происшествия. К М. Ф. Раевскому обращаются с просьбами об оказании материальной помощи, за советом, просто в трудных случаях, что свидетельствует о М. Ф. Раевском не только как о необычайно талантливым организаторе русско-славянских культурных контактов, но и как о чутком, отзывчивом человеке. И не случайно, рижский купец-русофил Г. Блаж назвал Раевского в одном из писем «главным покровителем славянской взаимности и братства» (с. 36).

Да, М. Ф. Раевский не был ни ученым, ни литератором, хотя не был чужд этих занятий. Но основной вклад, внесенный им, есть вклад организации, вклад посредничества. Мы не будем касаться характеристики той эпохи, в которую жили и действовали Раевский и его многочисленные корреспонденты — краткая, но весьма емкая ее характеристика содержится в «Предисловии» к тому. И его материалы наглядно отобразили общий фон и ход национально-освободительных движений XIX в., которые, употребляя слова В. И. Ленина, представляли собой «„судороги“ освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»².

С этой точки зрения рассматриваемый том представляет собой поистине ценнейший и неисчерпаемый свод источников, к которым будут отныне постоянно обращаться ученые, исследующие различные аспекты истории, культуры и филологии славянских народов 40—80-х годов XIX в. Однако этим значимость проделанной публикаторами работы отнюдь не исчерпывается. Уже в названии книги «Зарубежные славяне и Россия» определяется

смысл издания как содержащего документы к истории межславянских связей той эпохи. И поэтому представленные в томе эпистолярные материалы — это не только еще одна иллюстрация, хотя бы и необычайно ценная иллюстрация, русско-славянских связей минувшего века, связанных с такими крупнейшими событиями, как революция 1848—1849 гг., Крымская война 1853—1856 гг., австро-венгерский дуализм 1867 г., освобождение народов Балкан от иноземного ига вследствие русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Рассматриваемая публикация ценна и как своеобразный свод достоверных источников по истории самих межславянских связей этих десятилетий.

Публикация эпистолярной из архива М. Ф. Раевского открывает новое направление в области славистического источниковедения: новое не только по обширности и основательности проработки материалов архива, рассредоточенного по разным хранилищам, но и по прецеденту осуществления подобной работы в отношении архивов других лиц.

Следует еще раз подчеркнуть высокий научный, текстологический и археографический уровень публикации. Замечания, возникающие в процессе знакомства с ней, носят частный, второстепенный характер и ни в коей мере не сказываются на ее высокой оценке в целом. Издание переписки М. Ф. Раевского, внесшего вклад в русско-славянское культурное общение, само по себе стало великолепным примером действенности сотрудничества, которое сложилось и постоянно укрепляется между советскими учеными и историками других социалистических стран.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

А. С. Мыльников

Из истории балканских стран. Научные записки Кубанского гос. университета, вып. 192. Краснодар, 1975, 192 с.

В последние годы кафедры всеобщей истории Кубанского университета успешно исследует историю балканских народов¹. Выпущенный ранее сборник статей «Вопросы новейшей истории Болгарии» (Краснодар, 1972) встретил положительную оценку в болгарской печати². В основу нового сборника научных

трудов положены материалы конференции, проведенной в 1974 г. в связи с 30-летием социалистической революции в Болгарии. Он включает статьи по различным проблемам средневековой, новой и новейшей истории балканских стран.

Сборник открывается статьей Ф. Н. Теллигина «Использование фашистской Германией экономического потенциала балканских стран во второй мировой войне», в которой рассматриваются отдельные вопросы экономической политики германского фашизма как в оккупированных странах, так и в странах-сател-

¹ В. В. Захаров. Историко-славянские исследования в Кубанском университете. «Советское славяноведение», 1971, № 4, с. 117.

² См. рецензию Н. Становой в журнале «Векове», 1973, № 2, с. 99—100.

литах. На завоеванных территориях не только максимально использовались природные ресурсы и промышленный потенциал в интересах германской военной машины, но и устанавливалась система рабского труда. Фашистская Германия установила контроль над экономикой Болгарии и Румынии, в торговле с балканскими странами она имела активный торговый баланс при пассивном платежном сальдо.

В статье Г. М. Ачагу «Укрепление трудовых кооперативных земледельческих хозяйств в Болгарии (1958—1959 гг.) освещаются социально-экономические и политические аспекты объединения ТКЗХ. Интересен обзор Д. Г. Песчаного «Историография и источники проблемы сотрудничества СССР и НРБ в области сельского хозяйства (1948—1958)». Автором написана специальная монография по указанной проблеме³. В обзоре анализируется советская и болгарская историко-экономическая литература последних лет. Д. Г. Песчаный отмечает достижения исследователей по проблеме сотрудничества двух стран, а также обращает внимание на вопросы, требующие изучения. В рецензии Л. Б. Валева и Д. Г. Песчаного «Ценная книга об истории Отечественного фронта» разбирается работа В. Бонева «О едином, народном и Отечественном фронте в Болгарии» (М., 1973).

Несколько особняком к общей тематике сборника стоит статья Н. И. Кирея «Торговые связи Алжира с капиталистическими и социалистическими странами». Автор рассматривает основные черты внешнеэкономической политики АНДР, специально выделив вопрос о болгаро-алжирской торговле. Перу этого же автора принадлежит рецензия «Книга болгарского историка об Африке» — об исследовании П. Цолова «Африка — военные режимы и проблемы» (София, 1972).

Несколько статей сборника посвящены средневековой тематике. Статья В. В. Захарова «Югославская и советская историография о так называемых кметских отношениях в Далмации XIII—XV вв.» — еще одно исследование автора по истории аграрных отношений в средневековой Далмации. Рассматривая различные точки зрения югославских историков (А. Ивелилио, М. Медини, Р. Груича, Й. Бедуца, Д. Роллера, Й. Лучича, Н. Клаич и др.) на сущность кметской зависимости, автор усматривает причины этих различий в невнимании некоторых исследователей к сложности и разнообразию путей формирования кметства. Знание В. В. Захаровым югославской историографии не вызывает сомнений, метод же исследования (последовательное изложе-

ние суждений историков и простое их сопоставление) представляется нам несколько упрощенным. На наш взгляд, следовало проследить основные этапы в исследовании кметских отношений югославскими далматинистами и более четко выделить, с одной стороны, буржуазных историков второй половины XIX — начала XX в., их методологические позиции и вклад в изучение проблемы, с другой — историков марксистов. Взгляды последних В. В. Захаров излагает слишком фрагментарно и не всегда достаточно ясно (например, взгляды Н. Клаич). Различия же в их толковании кметской зависимости объясняются, на наш взгляд, отсутствием в югославской историографии единой общепринятой трактовки феодализма вообще. В. В. Захаров высказывает интересное суждение относительно двух путей формирования кметства. Первый — от аренды к кметству, был наиболее распространен, по мнению автора, в Дубровницкой республике и пригородной зоне Задарского дистрикта. По-другому складывались кметские отношения в местностях, удаленных от города, где сохранялась система общинных наделов и господствовали порядки феодальной вотчины. В целом статья В. В. Захарова представляется интересной и полезной⁴.

Статья С. К. Красавиной «К вопросу о византийской историографии XV века (историческая литература)» посвящена исследованиям сочинений греческих хронистов Георгия Сфрандзи, Лаоника Халкокондила, Михаила Критовула и Дуки. Обычно их произведения интересуют исследователей как источник по истории поздней Византии. Вместе с тем, современные ученые все больше внимания уделяют хроникам при изучении истории византийской общественной мысли XV в. С. К. Красавина в своей работе останавливается главным образом на выяснении политической ориентации Т. Сфрандзи, Л. Халкокондила и Дуки и причинах, определивших их принадлежность к той или другой группировке. Анализируя работы советских и зарубежных историков, автор выдвигает ряд интересных вопросов, связанных с политическими и философскими воззрениями византийских хронистов палеологовского времени.

В 1975 г. почти одновременно появились две статьи, посвященные одному и тому же историческому лицу — Степану Малому и политической истории Черногории 60—70-х годов XVIII в. Одна из

⁴ Замечание В. В. Захарова относительно неправомерности использования термина «кмет» для Далмации XIII—XV вв. (примечание 1) нуждается в уточнениях. Ведь Винодольский закон (1288 г.) не раз говорит о кмете. См. Б. Д. Греков. Винодольский статут об общественном и политическом строе Винодола. М.—Л., 1948, с. 40—46.

³ Д. Г. Песчаный. Сотрудничество между СССР и НРБ в области сельского хозяйства (1948—1958). Изд-во Ростовского ун-та, 1975.

статей принадлежит М. М. Фрейденбергу⁵, автором другой является В. И. Недосекин, опубликовавший свою работу «Лжепетр III — царь Черногории. Эпизоды из истории борьбы южнославянских народов с турецкими поработителями» в рецензируемом нами сборнике. Статья В. И. Недосекина основывается главным образом на сведениях, содержащихся в известной работе В. Макушева⁶. Деятельность Степана Малого рассматривается на фоне истории русских самозванцев XVIII в. (княжна Тараканова, Е. Пугачев и др.). Автор считает возможным назвать Степана Малого «черногорским Пугачевым» (с. 164). На наш взгляд, такое сопоставление неудачно. Нельзя также согласиться и с тем, что «Степан Малый мечтал сделаться всеславянским царем и выгнать турок из Европы» (с. 170). Мысль М. М. Фрейденберга о том, что с первых до последних дней своего правления Степан Малый стремился к сохранению мира со своими грозными соседями (Турция, Венеция), а войны, которые он вел, были вызваны необходимостью защиты своих границ⁷, кажется нам более приемлемой. Вообще статья М. М. Фрейденберга в целом выгодно отличается от рассматриваемой работы В. И. Недосекина четкостью, последовательностью изложения и аргументированностью суждений.

Статья А. Е. Жижинной «О преподавании истории славянских народов Балкан-

⁵ М. М. Фрейденберг. Степан Малый из Черногории. «Вопросы истории», 1975, № 10, с. 118—132.

⁶ В. Макушев. Самозванец Степан Малый. «Русский вестник», 1869, июль, август, сентябрь.

⁷ М. М. Фрейденберг. Там же, с. 123, 128.

ского полуострова в 5—8-х классах средней школы» носит методический характер и содержит ряд полезных рекомендаций учителям средней школы по наиболее важным темам истории балканских стран, вошедшим в новую программу восьмилетней школы.

В разделе «Публикации документов» С. К. Красавина поместила перевод с итальянского описания Косовской битвы⁸. Переведенный документ, безусловно, интересен и «послужит ценным иллюстративным материалом для учителей истории, работающих в 6-х классах средней школы» (с. 173). Однако, не переоценивает ли переводчица уникальность этого источника? На наш взгляд, к уже известному о знаменитой Косовской битве итальянский аноним не прибавляет ничего существенно нового. В примечаниях к переводу допущены ошибки. Юатко — это не тесть Лазаря Юг-Богдан (примечание 7), а боснийский король Твртко I; Влатко же Влагеник (Влатко Вукович) — не воевода Лазаря (примечание 8), а боснийский воевода, стоявший во главе отряда боснийцев, посланных Твртко I на помощь Лазарю.

В целом работа кубанских историков представляется нам весьма полезной. Выпуски балканских сборников безусловно следует продолжать. Перспективным представляется нам введение в их структуру отделов «Публикации документов» и «Рецензии».

*Б. Н. Вилунов, А. Е. Москаленко,
В. Г. Таранова*

⁸ М. Динич. Дукин переводилац о боју на Косову. Сборник Византолошког института. Београд, 1964, кн. VIII, 2.

Г. Д. ВЕРВЕС. В інтернаціональних літературних зв'язках. Київ, 1976, 388 с.

Г. Д. ВЕРВЕС. В интернациональных литературных связях

Эта книга вдвойне любопытна: и в теоретическом отношении и в отношении практического применения концептуальных положений автора.

Важнейшие теоретические выводы Г. Д. Вербеса, изложенные в основном во «Вступлении», сводятся к тому, что «ныне практически невозможно ограниченное национальными рамками изучение литературного процесса, поскольку такого процесса нет в действительности» (с. 5), и что «национальное своеобразие и зрелость литературы прямо пропор-

циональны глубине и разнообразию ее интернациональных контактов» (с. 11). Для современной эпохи интенсивного формирования единой мировой литературы оба эти вывода, безусловно, правильны и имеют важное методологическое значение. Трудность, однако, заключается в их практическом приложении. В этой связи украинский литературовед обращает внимание на стремление ученых социалистического содружества перейти от рассмотрения бинарных контактов к освещению многосторонних

литературных взаимоотношений. Вместе с тем он видит и те объективные трудности, в силу которых такому переходу еще долго будут предшествовать исследования двусторонних связей. Доказательство тому Вервес находит, в частности, и в том, что до недавнего времени из четырех типов работ по сравнительному изучению литератур на Украине, например, преобладали те именно, основной целью которых было накопление фактического материала (см. с. 15). Лишь в последние годы стало очевидно, что «литературные связи невозможно исследовать, пользуясь данными только воспринимавшей литературы» (с. 16), и были предприняты попытки обобщенного освещения литературных взаимоотношений. Из них наиболее примечательными украинский славист считает монографии В. И. Кулешова «Литературные связи России и Западной Европы в XIX в.», Н. И. Кравцова «Проблемы сравнительного изучения славянских литератур», Э. Георгиева «Болгарская литература в общеславянском и общеевропейском литературном развитии», И. Колева «Мы среди других и они среди нас» и Д. Дюришина «Из истории и теории литературной компаративистики». На Украине тоже «назрела потребность в создании синтетического труда „Украинская литература в ее интернациональных связях с другими славянскими литературами“, а также „Очерков зарубежных славянских литератур“, в которых в сравнительном плане были бы показаны не только современные, а и многовековые исторические связи украинской литературы с литературами близких, западных и южных славян» (с. 25).

Имея в виду эту общую задачу, Вервес и поставил своей целью, во-первых, раскрыть значение для украинской литературы ее связей с другими славянскими литературами XIX—XX вв. и, во-вторых, показать, как под влиянием Октябрьской революции, а затем и социалистических преобразований в славянских и некоторых других европейских странах развивался процесс историко-типологического сближения литератур. Для осуществления этого замысла ученый использовал свой многолетний опыт по изучению литературных связей, материалы своих предыдущих работ. Последнее обстоятельство, с одной стороны, обогатило рецензируемую монографию по содержанию, но с другой — способствовало некоторой перегруженности. Так, ничем не оправдан особый разбор повести Франко «Не сприсясь броду»; его обстоятельность (с. 125—141) свидетельствует лишь о том, что исследователь упустил из виду главную цель своего труда.

Соответственно указанным выше конкретным задачам рецензируемая книга делится на две части. Первая часть — «Украинская литература в общеславян-

ском контексте» — представляет собой очерк связей украинской литературы, преимущественно дооктябрьского периода, с литературами других славянских народов. Рассматривая в общеславянском контексте творчество Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинки, В. Стефаника и М. Коцюбинского, Г. Д. Вервес характеризует функцию иноземной тематики в процессе литературного взаимодействия, роль так называемых повторных контактов, различных форм двусторонней и многосторонней связи, — словом, разрабатывает одновременно ряд теоретических вопросов из области сравнительного литературоведения. При освещении совокупного воздействия нескольких литератур исследователь выделяет из них наиболее влиятельную для рассматриваемой эпохи, в частности, для конца XIX — начала XX в. Таковой выступает у него русская литература — литература той страны, куда переместился центр международного революционного движения (с. 35—36). Вообще автор всюду последовательно и строго разграничивает две сталкивающиеся идеологические тенденции в выборе связей — прогрессивную и реакционную, и эта четкость идеологического разграничения составляет одно из важнейших достоинств его труда. Достойны внимания также и его наблюдения над общностью стиля Стефаника, Чехова и других славянских прозаиков рубежа веков (с. 71 и др.). Но к наилучшим фрагментам этой книги принадлежат, несомненно, раздел VII «О повторных литературных контактах». Если в предыдущих разделах преобладали лишь фактические указания на связь литературных эпох и контакты писателей, то здесь уже определенно намечается переход от резкого к подлинному синтезу (например, в освещении связей Блока и Рыльского с польской поэзией), что, разумеется, имеет существенное методологическое значение.

Вторая часть — «Зарубежные славянские литературы от Октября до наших дней» — посвящена развитию связей и историко-типологических процессов в советской и в других европейских литературах стран социалистического содружества. Эта часть написана с учетом всех специальных исследований наших славистов и прежде всего работ Д. Ф. Маркова, которым украинский ученый отчасти обязан и новой, более объективной оценкой авангардизма в славянских литературах (см. с. 245 и сл.). В плане типологических сопоставлений здесь превосходно охарактеризован неоклассицизм (с. 331 и сл.), а под углом зрения новаторства — некоторые черты поэтики Маяковского, Незвала, Тувима, Тычины, Рыльского и др. «Некоторые критики, — говорит Вервес, — часто забывают, что новаторство — это не какая-то автономная область развития поэтической речи

без содержания. Чаще всего новаторство начинается там, где осваиваются пласты социальной действительности, причем это освоение может осуществляться и с помощью „старого“, но „грозного оружия“, которое выступает в новой, измененной и неожиданной функции» (с. 328). Глубокий смысл этой истинно диалектической мысли состоит в констатации той бесспорной истины, что новаторское в искусстве утверждается не на пустом месте, т. е. возникает не рядом с традиционным, а в его недрах, и вырастает, развивается как нечто новое из старого, хорошо уже известного и привычного. Против этой истины выступают приверженцы формальных новаций.

В книге Вервеса немало и спорных вопросов, на которых, к сожалению, мы не можем останавливаться. Заметим лишь, что спорное, побуждая к размышлениям, чаще повышает интерес к исследованию и скорее усиливает его достоинства, нежели умаляет их. Из спорных моментов у Вервеса к недостаткам его книги мы отнесли бы, пожалуй, только нечеткое разграничение понятий *мировой уровень достижений* того или иного писателя и его *мировое значение* (известность, влияние и т. д.). История знает немало писателей среднего уровня (вроде Дюма или Кюан Дойля), которые, приобретая всемирную известность, становились влиятельными фигурами; и, наоборот, есть немало и таких национальных корифеев, которые хотя и достигли вершин мирового искусства, однако в течение некоторого времени оставались или все еще продолжают оставаться вне поля зрения мировой читательской общественности (поэтому с точки зрения истории всеобщей литературы очень важно еще учитывать момент их выхода на мировую арену). Между тем Вервес не принимает в расчет ни того, ни другого. Так, говоря о «ми-

ровом влиянии польского революционного романтизма» (с. 36), украинский исследователь в один ряд с Мицкевичем и Словацким ставит также и Ц. Норвида; пишет о «мировом звучании» (с. 80) в 40—70-е годы XIX в. не только Шевченко и Прешерна, а и Шеноа (1838—1881), и Ботева (1849—1876); настойчиво выдвигает «проблему мирового, а следовательно, и общеславянского резонанса творчества Стефаника» (с. 65, 166, 170), хотя ставить проблему такого «резонанса», не установив предварительно самого факта влияния Стефаника хотя бы на некоторых крупных иноязычных писателей, так же неправомерно, как и умозаключать от «мирового» к «общеславянскому». Такого рода натяжки нельзя отнести за счет того недосмотра, по которому Данте и Шекспир попали здесь в число «средневековых писателей» (с. 93). Скорее их следует приписать тому приему, пользуясь которым, автор распространяет известное высказывание Энгельса о людях Ренессанса на человека XIX в. (с. 94), и той теории, по которой пролетарская литература только провозглашается «продолжением больших художественных открытий критического реализма» (с. 276), а на деле выше всех в отношении художественных открытий ставится в Польше Мицкевич, на Украине Шевченко и т. д.

Справедливости ради надо сказать, что таких неточностей и погрешностей не так уж много в рецензируемой работе. Однако и они вызывают чувство досады, ибо новая монография Г. Д. Вервеса «В интернациональных литературных связях» не только претендует на некоторое обобщение новейших приобретений нашего сравнительного литературоведения, но действительно является заметным достижением современной марксистской науки.

И. К. Горский

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ, ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ в 1977 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Партийная жизнь

Богомолова И. Г. Некоторые вопросы советско-польского идеологического сотрудничества. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Верблян А. Союз, сотрудничество и дружба Народной Польши и СССР — фундаментальный принцип политики

ПОРП. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Горбачева Е. В. Болгарские философы о возрастании руководящей роли БКП в политической организации народной демократии. В кн. Актуальные проблемы ленинского философского наследия. М., 1976.

2. Государственное строительство. Право

Астафьев Ю. Н. Научное сотрудничество ученых-юристов социалистических стран. Сов. гос-во и право, 1977, № 3.

Василенко В. А. Вопросы материальной ответственности стран — членов СЭВ по экономическим и научно-техническим договорам между ними. В кн. Советский ежегодник международного права. 1974. М., 1976.

Демченко А. В единстве с коммунистами. (Многopартийная система в европейских странах социализма.) Вопр. и ответы, 1977, № 1.

Димова Г. Роль социалистического государства в создании народнохозяйственного комплекса Народной Республики Болгарии. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Зайчиковский Б. Государственное регулирование мелкoкpeстьянского производства в ПНР. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Кучиньский Я. Марксизм-ленинизм о вопросе наций в Польше. Труды Ин-та истории партии ЦК КП Армении. Ереван, 1976, № 4.

Леовский Е. Развитие здравоохранения в Польской Народной Республике. В кн. Социализм и здравоохранение. Проблемы здоровья и физического развития человека. М., 1977.

Литература социалистических стран по международному праву (1973 г.). В кн. Советский ежегодник международного права. 1974. М., 1976.

Машленко С. В. Важнейшие нормативные акты социалистических стран по вопросам международных отношений, опубликованные в 1973 г. В кн. Советский ежегодник международного права. 1974. М., 1976.

Миловский А. Государственная собственность на этапе построения зрелого социалистического общества в Народной Республике Болгарии. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Мошна З. О ревизионистской концепции роли социалистического государства в управлении народным хозяйством. В кн. Экономическая роль государства в странах социалистического содружества. М., 1977.

Нефедов В. И. Правовые вопросы организации и деятельности экипажей морских судов по законодательству НРБ, ГДР, ПНР и СССР. Труды Центр. науч.-исслед. ин-та мор. флота, 1977, вып. 219.

Прокопец Я. Развитие здравоохранения в Чехословацкой Социалистической Республике. В кн. Социализм и здравоохранение. Проблемы здоровья и физического развития человека. М., 1977.

Сандорский Я. Правовое значение принципа товарищеской взаимопомощи. В кн. Правовые вопросы деятельности СЭВ. (Сборник) М., 1977.

Серенко А. Ф., Демченкова Г. З. Некоторые вопросы динамического наблюдения за здоровьем населения в социалистических странах Европы. Сов. здравоохранение, 1977, № 2.

Смирнова Г. П., Иванов И. М. Общее и особенное в социалистической демократии. (Из опыта Европейских стран социалистического содружества в условиях переходного периода.) В кн. Развитие демократии в условиях строительства социализма и коммунизма. Рязань, 1976.

Тодоров А. Развитие здравоохранения в Народной Республике Болгарии. В кн. Социализм и здравоохранение. Проблемы здоровья и физического развития человека. М., 1977.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Баева Н. А. Поширення впливу КПЗУ на маси в роки світової економічної кризи (1929—1933 рр.). Укр. іст. журн., 1977, № 1.

Болтарович З. С. Питання української етнографії в польській мемуаристиці першої половини XIX ст. В кн. Музей етнографії та художнього промислу. Львів, Доповіді наукової ювілейної конференції до 100-річчя Музею етнографії та художнього промислу. Київ, 1976.

Валев Л. Б., Гришина Р. П. Второй конгресс Болгарского исторического общества (София, 9—11 окт. 1976 г.). «Новая и новейшая история»; 1977, № 2.

Вылков Г. К вопросу о помощи России в формировании болгарского ополчения (1876—1877 гг.). Воен.-ист. журн., 1977, № 4.

Кавко А. К. Социальное значение советско-польских революционных традиций. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Калениченко П. М. Герой польского, радянского та іспанського народів (80-річчя з дня народження К. Сверчевського). Укр. іст. журн., 1977, № 2.

Карпенко О. Ю., Коваль М. Г. Велика Жовтнева соціалістична революція і зміни в громадському побуті селян Західної України (1917—1920 рр.). В кн.

Музей етнографії та художнього промислу. Львів. Доповіді наукові ювілейної конференції до 100-річчя Музею етнографії та художнього промислу. Київ, 1976.

К а ш к и н А. Сотрудничество археологов. Обществ. науки, 1977, № 2.

К у л и к о в И. К истории зарождения советско-чехословацкого боевого содружества. Воен.-ист. журн., 1977, № 3.

М а р ь я н а В. Комиссия историков СССР и ЧССР. Обществ. науки, 1977, № 2.

М о р о з В. К. Наукова конференція істориків-полоністів. Укр. іст. журн., 1977, № 1.

Н о с к о в а А. Ф. Немецко-фашистская оккупация стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в марксистской и буржуазной историографии. (Обзор литературы 60—70-х гг.) В кн. Критика современных буржуазных исторических концепций. Горький, 1976.

Н ю р к а в в а А. З. Основные проблемы развития Сербской социал-демократической партии в современной югославской историографии. Вопр. истории междунар. раб. движения, Пермь, 1976, вып. 13.

П о л ь н ь с к и й В. Польско-советское боевое содружество. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

П о х и л е в и ч Д. Л. Рабы в поместье XIII—XVI веков в Великом княжестве Литовском. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1977.

С е м и р я г а М. И. Советско-польское боевое содружество как фактор укрепления Варшавского Договора. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

С и м е о н о в а С. Адекватность отражения и художественная правда. В кн. Эстетика, искусство, человек. (О судьбах буржуазного искусства.) М., 1977.

С л а в и н Г. М. Советско-югославское сотрудничество в борьбе с фашизмом. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

С т о й к о в А. Современное искусство и научно-техническая революция. В кн. Эстетика, искусство, человек. (О судьбах буржуазного искусства.) М., 1977.

Ч у л а е в В. П. Движение за народный фронт в Польше. Вопр. истории, 1977, № 3.

Ш а б о у к С. Проблема аутентичности и функции искусства в социалистическом обществе. В кн. Эстетика, искусство, человек. (О судьбах буржуазного искусства.) М., 1977.

Ю р г и н и с Ю. М. Аграрная реформа и хозяйственные мероприятия литовского великокняжеского правительства в XVI в. В кн. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1977.

2. Культура и наука

А н г е л о в Б. С. Похвала царю Симеону. В кн. Изборник Святослава 1703 г. М., 1977.

А н г е л о в Д. Сборник Симеона и отражение в нем духовных интересов болгарского общества. В кн. Изборник Святослава 1703 г. М., 1977.

А с е е в а Н. Ю. Авангардная роль радянського мистецтва в оцінці зарубіжної прогресивної критики. В кн. Теоретичні проблеми радянського мистецтвознавства. Київ, 1977.

Б а р м а н к у л о в М. К. Из теории и практики болгарских журналистов. «Журналистика», Алма-Ата, 1976, вып. 6.

Б а р ш е в с к и й В. Общество польско-советской дружбы — идейно-политические истоки, цели и задачи. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Б е л я е в а Л. А., О р л о в а Э. А. Международный философский семинар. (Кишинев, 1976 г.). «Социализм и молодежь». Вопр. философии, 1977, № 3.

Б о г о л ю б о в Н. Н. 20 лет научного сотрудничества. В кн. Наука и человечество. Доступно и точно о главном в мировой науке. Междунар. ежегодник. 1977. «Знание», 1976.

Б о я д ж и е в а В. Роздуми про драматургію Георгія Джагарова. «Всесвіт», Київ, 1977, № 3.

Б у х а р и н Н. И. Советско-польское культурное сотрудничество и его место в системе культурных отношений социалистических стран. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

В а с и л е в П., П е т р о в П. Международный семинар по методике преподавания научного коммунизма. Науч. докл. высш. школы. Науч. коммунизм, 1977, № 2.

В е р а б е й А. Л. Переклады твору М. Танка на польську мову. Весці АН БССР. Сер. грамад. наук, 1977, № 1.

В е р н и к о в М. Н. Философские взгляды К. Твардовского. Науч. докл. высш. школы. Филос. науки, 1977, № 2.

В о й н а р И. Искусство как «учебник жизни» (традиция — современное состояние — перспектива). В кн. Эстетика, искусство, человек. (О судьбах буржуазного искусства.) М., 1977.

В о й ц е х о в с к и й М. (ПНР) Польско-советское сотрудничество в области общественных наук. В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

В о с к о б о й н и к Ц. М. Польско-советский семинар «Библиотека и информатика» (Москва, июнь 1976 г.). Сов. библиотекведение, 1977, № 1.

Г а н о в Б. Первый крупный болгарский педагог-марксист (к 120-летию со дня рождения Д. Благоева). Сов. педагогика, 1977, № 3.

Ганцкая О. А. Поляки. В кн. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977.

Гедда К. Библиотечное образование и библиотекарь в Польше. Научн.-техн. б-ки СССР, 1977, № 2.

Георгиев Э. И. К вопросу о возникновении и составителях Изборника Симеона-Святослава, известного по рукописи 1073 г. В кн. Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.

Голубцова Е. С., Шелов Д. Б. XIV Международная конференция «Эйрене». Вестн. древней истории, 1977, № 1.

Грацианская Н. Н. Чехи и словаки. В кн. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977.

Динев П. Н. Значение Изборника Симеона-Святослава 1073 г. в развитии болгарской культуры. В кн. Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.

Жеचे в Т. «И мы дали кое-что миру...» (Болгарская литература и мировой художественный процесс.) Вопр. лит-ры, 1977, № 3.

Жигульский К. Культурное сотрудничество в области культуры как фактор сближения польского и советского народов. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Жуковская Л. П. Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения. В кн. Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.

Зарев П. Совесть писателя. «Знамя», 1977, № 4.

«Излучатель самых гуманных идей». (О некоторых аспектах работы Варшавского конгресса русистов.) Рус. яз. в кирг. школе, Фрунзе, 1977, № 1.

Ильин Ю. М. Научное сотрудничество африканистов социалистических стран. «Народы Азии и Африки», 1977, № 1.

Ифтемчук В. С. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области науки и техники — важный фактор повышения эффективности их общественного производства. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 130.

Кабатченко М. Научное сотрудничество ученых-педагогов социалистических стран. Сов. педагогика, 1977, № 2.

Капитонов В. Международное сотрудничество в космосе. Междунар. жизнь, 1977, № 4.

Ключинский Я. Развитие форм польско-советского сотрудничества в области народного образования. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Колесник В. А. Литература Западной Белоруссии. 1921—1939 гг. В кн.

История белорусской советской литературы. Минск, 1977.

Коновенко В. П. Интенсификация международного обмена научно-техническими достижениями — объективная закономерность научно-технической революции. Вопр. полит. экономики, Киев, 1977, вып. 130.

Коссак Е. Польско-советские культурные связи и их роль в развитии культуры в Народной Польше. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Крижявичюс В. Инструкция послам городов Каунасского округа в Варшавский сейм от 13 августа 1791 г. В кн. Lietuvos istorijos metraštis. 1975 metai. Vilnius, 1976.

Кувев К. М. Археографические наблюдения над Сборником Симеона в старославянских литературах. В кн. Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.

Культура стран социализма: братское сотрудничество. «Театр», 1977, № 3. Кшемень-Ояк С. Оптимистический взгляд на прогнозирование эстетики будущего. В кн. Эстетика, искусство, человек. (О судьбах буржуазного искусства.) М., 1977.

Литература и критика: Взаимодействие? Протокол симпозиума (Советско-югославский симпозиум, ноябрь, 1976 г.) Лит. Армении, Ереван, 1977, № 2.

Малинская Н. А. Олесь Гончар у чеській та словацькій критиці. Рад. літературознавство, Київ, 1977, № 2.

Маркевич В., Холый Г. Польско-советское сотрудничество в области общественных наук. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 1. М., 1977.

Марта Ф. Участие Венгерской академии наук в сотрудничестве стран — членов СЭВ в области фундаментальных исследований. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1977, № 1.

Маркель У. I. Рэдкая выданне пот С. Манюшкі. В кн. Из истории книги в Белоруссии. Минск, 1976.

Мирошник Л. П. Вклад Белорусской ССР в развитие советско-чехословацких культурных связей (1956—1974 гг.). В кн. На путях нерушимой дружбы. М., 1977.

Морозов Л. Ф. Международный симпозиум по проблемам социалистической национализации. Вопр. истории КПСС, 1977, № 3.

Наливайко Д. Відродження і слов'янський світ. «Всесвіт», Київ, 1977, № 3.

Населенные места в Болгарии к 2000 году. «Архитектура СССР», 1977, № 2.

На службе социализма. Мнениями обмениваются советские и польские писатели и публицисты. «Нева», 1977, № 2.

Павлов Т., Гиндев П., Ангелов С. Выдающийся философ-марксист.

(К 80-летию академика Саввы Гановского.) *Вопр. философии*, 1977, № 3.

Порфирьева Т. В. Роль советско-польского культурного сотрудничества в формировании социалистического образа жизни. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Романова Н. Ф. А. П. Чехов и Карел Чапек. К вопросу о русско-чешских литературных связях. В кн. Традиции и новаторство в современной зарубежной литературе, вып. 1. Иркутск, 1975.

Светлов И. Скульптура социалистических стран на выставке в Москве. В кн. Советская скульптура. 1975. М., 1977.

Селиванов А. К. Сотрудничают советские и болгарские вузы. *Вестн. высш. школы*, 1977, № 3.

Совещание вице-президентов академий наук по общественным наукам. *Обществ. науки*, 1977, № 2.

Степовик Д. В. Болгарська художня критика про українське радянське образотворче мистецтво. В кн. Теоретичні проблеми радянського мистецтвознавства. Київ, 1977.

Стоянов Б. Велико-Тырново и его архитектурные проблемы. «Архитектура СССР», 1977, № 4.

Сычевский А. Развитие и совершенствование форм культурного обмена между СССР и ПНР (литература, театр, кино, музыка и др.). В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Токарев С. А. Лужичане. В кн. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в. Весенние праздники. М., 1977.

Тшебятовски В. Участие Польской академии наук в сотрудничестве стран — членов СЭВ при разработке фундаментальных научных исследований. *Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ*. М., 1977, № 1.

Урсинева Т. Молодые исполнители Словакии. *Сов. музыка*, 1977, № 2.

Чайка С. Ленинские концепции образования, воспитания и развития социалистической педагогики в Народной Польше. В кн. СССР — Польша: дружба, сотрудничество, взаимопомощь, ч. 2. М., 1977.

Четыре интервью с югославскими критиками. *Лит. Армения*, Ереван, 1977, № 2.

Шалькевич В. Касцер бессмяротнасці. «Польша», Минск, 1977, № 3.

Шапкива М. Творчество Роберта Дубравца. «Искусство», 1977, № 2.

Швидковский О. Памятники борьбы и победы. В кн. Советская скульптура, 1975. М., 1977.

Шерлаимова С. А. Общее и особенное в теории социалистического реализма и опыт марксистской литературной критики Чехословакии. В кн.

Общее и особенное в литературах социалистических стран Европы. М., 1977.

Шлык М. И. Разработка Юлианом Бруно проблем патриотизма и интернационализма. *Философ. и науч. коммунизм*, Минск, 1976, вып. 3.

Шепин О. П., Владимиров-ва Л. И. Сотрудничество СССР с социалистическими странами в области медицинской науки и здравоохранения. В кн. Социализм и здравоохранение. Проблемы здоровья и физического развития человека. М., 1976.

Яхиял Н. О социологических исследованиях в области науки (на материалах НРБ). *Социол. исследования*, 1977, № 1.

3. Язык

Барнет В., Едличка А. Пятое заседание Международной комиссии по славянским литературным языкам. *Вопр. языкознания*, 1977, № 2.

Басара А. О картографировании артикуляционно неоднородных (двухчленных) рефлексов *O (В связи с работой над Общеславянским лингвистическим атласом). В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

Вайнтрауб Р. М. О некоторых типах русских синтаксических калек в польском языке. (К вопросу о русско-польских языковых контактах.) *Сборник науч. трудов Ташк. ун-та*, 1976, № 519.

Ванагас А. К проблеме так называемых первичных гидронимов в балтийских и некоторых славянских языках. В кн. Питання сучасної ономастики. Київ, 1976.

Варбот Ж. Ж. Славянские этимологии (*osetj; oset; происхождение гнезда slav. ners и некоторые продолжения его в славянских языках; некоторые продолжения гнезда slav. *(s)kelb/*(s)kolb). В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

Вендина Т. И. Суффикс -ik(a) в славянских языках (Из истории праславянского словообразования). В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

Видова О. В. Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. (Гомель, 9—12 сент. 1975 г.) *Изв. АН СССР, сер. лит.-ры и яз.*, 1977, т. 36, № 1.

Габовштык А. Лексический фонд словацких диалектов в свете лингвистической географии. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

Калынь Л. Э. Некоторые закономерности изменений в консонантных сочетаниях, содержащих сонорный, в славянских диалектах. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

Карпенко Ю. А. Топонимия болгарских сел Одесской области. (Вопросы топонимического взаимодействия языков.) В кн. Историческая ономастика. М., 1977.

Клепикова Г. П. Сема-ономастический аспект в исследовании некоторых лексических групп. (На материале карпато-украинских диалектов.) В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

Мирочник Е. Ш. Древнерусизмы в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгмана. Сборник науч. трудов Ташк. ун-та, 1976, № 519.

Нерознак В. П. Принципы исследования палеобалканской ономастики. В кн. Историческая ономастика. М., 1977.

Николаева Т. М. Анкета-вопросник для изучения фразовой интонации. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1976.

Силина В. Б. Семантическая структура словообразовательного гнезда. (Слова с корнем *isch-* в славянских языках.) В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

Скупский Б. И. К вопросу о греческих оригиналах древнейших славянских переводов. Вопр. языкознания, 1977, № 2.

Смирнова А. М. К вопросу о сопоставлении русских и польских личных имен славянского происхождения. В кн. Вопросы русского и славянского языкознания. Иваново, 1976.

Толстой Н. И. Старинные представления о народно-языковой базе древнеславянского литературного языка (XVI—XVII вв.). Вопр. рус. языкознания, 1976, вып. 1.

Усачева В. В. Ареальная характеристика названий леда в славянских языках. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

Утепены С. Названия божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) в Общеславянском лингвистическом атласе. В кн. Общеславянский лингвистический атлас. 1975. М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Български език», 1976, № 6

Св. Иванчев. Видный польский славист и болгарист (К 60-летию Ф. Славского); М. Корпачева. Болгаристика в научных трудах проф. Ф. Славского; М. Деянова. Из сербско-хорватско-болгарской сопоставительной аспектологии; Ив. Недев. Проблема эллипсиса в конструкциях с противопоставленным компонентом.

1977, № 2

Е. Георгиева. Проф. Б. Цонев и болгарское языкознание; Ст. Жерев. Характерные особенности лексики Райко Жинзифова; Ив. Умелецкий. О языке и стиле романа-эпопеи Г. Караславова «Обикновени хора»; М. Ранкова. О некоторых французских заимствованиях в английском и болгарском языках.

«Език и литература», 1976, № 5

Ив. Лекков. Славянская филология — комплекс наук с достойным прошлым и прочным будущим; Д. Лишачев. Стиль Тырновской литературной школы и его значение для развития древнерусской литературы; З. Хлебаровва-Ненова. Отношение Яворова к форме поэтического произведения; В. Захаржевская. Революционные традиции в современной болгарской поэзии.

№ 6

Ю. Маслов. К проблеме сопоставительной аспектологии; В. Велчев. Паисий Хилендарски и народы юго-восточной Европы; М. Попова. Трансформационный анализ и вопросы глагольной валентности; Е. Демина. К проблеме литературного наследия Евфимия в новоболгарской письменности; С. Георгиев. Сочетаемость наречий в современном болгарском языке.

1977, № 1

Д. Колева. Образный мир Ильи Волена; А. Ничев. Проблемы перевода древнегреческой драмы; М. Бочева. Некоторые проблемы поэтики Тютчева; В. Вытов. Удвоение в структуре болгарских звукоподражательных слов; Л. Йорданова. К характеристике понятия языкового неологизма; Г. Павлик. Польская тема в советской литературе.

«Zeitschrift für Slavistik», 1976, № 6

К. Гутшмидт. Предисловие; К. Гутшмидт. О связи развития культуры и литературного языка в эпоху болгарского национального Возрождения; Т. Бояджиев. О составе палатальных фонем болгарского литературного языка; М. А. Штудинер. Долгие согласные в современном болгарском языке.

ке; Т. В. Попова. Морфонологические чередования в оппозиции презенс — аорист в современных болгарских диалектах; Э. А. Григорян. Слова с двумя ударениями и с двойным ударением в современном болгарском литературном языке; Х. Вальтер. К проблеме темпоральной и модальной семантики пересказывательных форм в болгарском литературном языке; Г. К. Венедиктов. Новые материалы об одном редком явлении в системе болгарского глагольного вида; Е. И. Демина. О взаимосвязи оппозиций совершенный : несовершенный вид и аорист: имперфект в болгарском; М. Г. Рожновская. Глагольное согласование в конструкциях с именным сказуемым; Р. Николова. О связи синтаксиса и лексики; Б. Байчев. Предлоги с временным значением в современном болгарском и их соответствия в немецком; М. Костов, К. Костов. О болгарских предлогах, управляющих дательным падежом; С. Б. Бернштейн. О болгарской лексикологии и лексикографии; А. Минчева. Об изучении лексического состава жития Мефодия; Б. Велчева. Издания Добромирова евангелия; Й. Заимов. Болгарская ономастика как отражение древнеболгарского и праславянского словаря; В. Шаур. О развитии значения болгарского предлога *из*; М. С. Младенов. Распространение и значение предлога *низ* в болгарских говорах; Р. Лётч, С. Петрова. Происхождение синтетических форм болгарского кондиционалиса; Г. А. Цыхун. О болгарском компаративе; Н. И. Толстой. Об одной южнославянско-русской лексической параллели; Г. П. Клепикова. Праслав. *kъbъlъ в болгарском и других славянских языках; Э. Байер. Христо Ботев и национально-освободительная борьба болгарского народа.

1977, № 1

К 70-летию проф. Г. Х. Бильфельда. Библиография трудов проф. Г. Х. Бильфельда 1972—1976 гг.; Р. Ружичка. Синтаксический и семантический аспекты правила подъема в современном русском языке; Р. Лётч. Об аналитических формах пассивного инфинитива в современном русском языке; В. Гладров. К вопросу о межязыковых соответствиях; В. Бёк. Функционально-семантические категории и преподавание русского языка; С. Михалк. О количественном изучении интерференции; Х. Фасске. Числительное *dwaj* в современном верхнедунайском литературном языке; К. Гутшидт. Верхнедунайск. *zrebje* 'грубая пакля, пряжа и т. п.'; Г. Штурм. *Lucotoma* в «Московии» Герберштейна; Р. Эккерт. Об именах женских мифологических существ

на *-uni* в славянском; Ф. Хинце. Поморские названия *Phalascosogaх sarbo* L; Т. Витковский. Праслав. *ter 'теплый, греть и т. п.'; Э. Эйхлер. Ономастика и лексикология; К. Каспер. Состояние и задачи в области литературоведческой терминологии; И. Клаге. Классовый характер народной песни; Э. Доннерт. Радищев и пугачевское движение; Г. Дудек. О жанровом своеобразии романа И. С. Тургенева; М. Вегнер. Горький и литературный эксперимент; Х. Юнгер. «Тихий Дон» М. А. Шолохова и трагедия Григория Мелехова; Г. Бахро. Ленин об изображении новой советской действительности в литературе; М. Енихен. Литературоведение в богемистике ГДР; Э. Гексельшнейдер. Второе рождение лейпцигской славистики после 1945 г.; В. Цейль. Значение Лейпцигской кафедры славистики для немецкой сорабистики; Ф. Краузе. Связи Фридриха Вилкенса с Иосифом Добровским; Ф. Метшк. О биографии М. Косыка; Х. Порт. Новое о немецком слависте Эрихе Бернекере.

№ 2

Г. Х. Бильфельдт, Х. Порт, В. Цейль. О работе и задачах Комиссии по истории славистики при национальном Комитете славистов ГДР; В. Цейль, Х. Порт. Развитие немецкой славистики от ее зарождения до конца XIX в.; А. Грассхоф. Истоки и зачинатели славистики; И. Леманн. Роль Гердера в истории славистики; Ф. Краузе. А. Брюкнер и Королевская библиотека в Берлине; Х. Порт. Полонистика в Берлинском университете в 1841—1880-е годы В. Цейль. Вильгельм Вольфнер — выдающийся немецкий славист; Л. Цейль. Немецкая славистика во время Веймарской республики по переписке М. Фасмера и М. Мурко; Х. Бауманн. Учебник русского языка для немцев XIX в. К. Хенгст. Заимствование — интернациональное слово — аналогим.

«Przegląd Historyczny», 1977, № 2

А. Куниш. Вторая пуническая война и преобразования в римском монетном деле; В. Урбан. Грамотность в Малой Польше во второй половине XVI в.; В. Прусс. Вероисповедание и национальный состав Королевства Польского в XIX и начале XX вв.; З. Ландау. Положение польской промышленности в годы экономического кризиса (1930—1935); М. Врублевский. Трудовая повинность в гитлеровской Германии.

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ БЮРО МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР

31 мая — 3 июня в Москве состоялось первое заседание Бюро Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК).

МАИРСК как специальная международная организация, ставящая своей целью изучение славянских культур и — что особенно важно — распространение знаний о славянских культурах, была учреждена в 1976 г. в соответствии с решениями XVIII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО во время берлинской конференции Славянского проекта.

Сам акт ее создания явился закономерным следствием и непосредственным результатом успешного осуществления Славянского проекта ЮНЕСКО, принятого в 1970 г. на основании решений XVI сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО и представляющего собой широкую программу международных мероприятий в области изучения и популяризации культур славянских народов. В рамках этой долгосрочной программы были проведены четыре крупные международные конференции: «Гуманистические и социальные ценности славянских литератур» (Варшава, 1972), «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций» (Москва, 1974), «Славянские культуры и Балканы» (Варна, 1975) и «Славянские культуры в истории европейских культур XVIII—XX вв.» (Берлин, 1976), подготовлена к изданию на славянских и французском языках «Антология славянской лирики XIX — начала XX в.», монографии в серии «Выдающиеся деятели славянской культуры» (Шевченко, Скоруна, Новомеский), составлен макет альбома, посвященного славянскому деревянному зодчеству и т. д.

Рассматриваемое в более общем плане создание международной ассоциации такого типа, объединяющей ученых-славистов из социалистических, капиталистических и развивающихся стран, несомненно отражало тенденцию неуклонного увеличения интереса в широких кругах общественности различных стран мира к многовековой самобытной культуре славянских народов, к современной жизни славянских стран, добившихся в последние десятилетия в условиях социализма выдающихся успехов в эко-

номической и культурной деятельности. Согласно Уставу МАИРСК, принятому на Учредительном заседании, руководящими органами Ассоциации являются Совет и Бюро. Бюро МАИРСК, осуществляющее постоянную практическую деятельность Ассоциации, включает в себя президента Ассоциации (им был единодушно избран чл.-корр. АН СССР директор Института славяноведения и балканистики АН СССР Д. Ф. Марков), семерых вице-президентов (четыре от славянских стран и по одному от неславянских стран Восточной Европы, Западной Европы, а также США и Канады) и двух секретарей — в Москве (по месту пребывания президента) и в Париже (по месту штаб-квартиры ЮНЕСКО).

Участниками первого заседания Бюро МАИРСК наряду с членами Бюро были также личный представитель Генерального директора ЮНЕСКО д-р П. Штульц — директор Отдела изучения и распространения культур ЮНЕСКО и д-р В. Тюрин — программный специалист этого Отдела.

На первом заседании Бюро был обсужден большой круг вопросов, касающихся важнейших сторон деятельности Ассоциации. Бюро заслушало информацию о ходе выполнения Славянского проекта за период со времени берлинской конференции и отметило, что план изданий по Славянскому проекту успешно выполняется. Вместе с тем Бюро предложило ряд конкретных мер по ускорению выпуска «Антологии славянской лирики XIX — начала XX в.» и двух брошюр (о А. Пушкине и А. Мицкевиче) из серии «Выдающиеся деятели славянской культуры», а также указало на необходимость ускорения публикаций материалов конференций, прошедших в рамках Славянского проекта в 1972—1976 гг. Для завершения работы по «Антологии славянской лирики XIX — начала XX в.» Бюро признало целесообразным образовать международную редколлегия.

Бюро одобрило рекомендацию группы экспертов-искусствоведов о продолжении серии альбомов по славянскому искусству, наметив в качестве ближайших «Альбом славянского костюма и тканей» и «Альбом по керамике и стеклу».

Отметив успех предшествующих конференций комплексного характера в рамках Славянского проекта, Бюро решило продолжить эту практику и запланировало проведение двух новых междисциплинарных конференций: «Славянские культуры XX в.» (1979, Киев) и «Славянские культуры и Восток» (подготовку последней предполагается осуществить в сотрудничестве с Международной ассоциацией по изучению культур Центральной Азии).

На Бюро были обсуждены вопросы, касающиеся организационной стороны деятельности Ассоциации, были приняты, в частности, рекомендации о создании Национальных комитетов Ассоциации в отдельных странах и об образовании проблемно-тематических Комиссий. Бюро одобрило предложение о создании Центра информации и документации МАИРСК в Москве и его отделения в Париже, по месту пребывания двух штаб-квартир Ассоциации, а также национальных центров информации в странах. Бюро рассмотрело также вопрос об издании Бюл-

летеня МАИРСК. Бюро согласилось с рекомендацией о включении некоторых важных славистических трудов, подготавливаемых в отдельных странах, в серию работ, выходящих под эгидой Ассоциации.

Первое заседание Бюро МАИРСК проходило в атмосфере доброжелательности, искреннего сотрудничества и взаимопонимания. Его участники единодушно выразили признательность ЮНЕСКО и ее Генеральному директору за многолетнюю поддержку Славянского проекта и деятельности Ассоциации и выразили уверенность, что международное сотрудничество в области изучения и распространения славянских культур будет успешно развиваться. Участники заседания выразили благодарность Академии наук СССР, Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО и Институту славяноведения и балканистики АН СССР, взявшим на себя организацию и проведение заседания.

М. Н. Кузьмин

ПРАЗДНОВАНИЕ 100-ЛЕТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Н. С. ДЕРЖАВИНА

17 сентября 1977 г. в с. Преслав, на родине ученого, по инициативе сельского Совета и РК КПСС Приморского района Запорожской области состоялось торжественное празднование 100-летней годовщины со дня рождения выдающегося советского слависта академика Н. С. Державина. С докладом о жизни и научной деятельности Н. С. Державина выступил директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков. Он охарактеризовал Н. С. Державина как выдающегося ученого, который внес крупный вклад в развитие советского славяноведения. Возглавляя в течение длительного времени кафедру славянской филологии в Ленинградском университете, будучи директором Института славяноведения в Ленинграде в начале 30-х годов, руководя ленинградским отделением Института славяноведения в конце 40-х — начале 50-х годов, Н. С. Державин много сделал для подготовки молодых кадров славистов, для разработки важнейших проблем истории языка и литературы славянских народов. Особое внимание ученый уделял истории Болгарии, болгарской литературе, фольклору и этнографии. В докладе специально были отмечены такие ценные труды Н. С. Державина как «История Болгарии» в 4-х томах, монографии «Х. Ботев поэт-революционер», «И. Вазов. Жизнь и творчество», «Племенные и культурные связи болгарского и русского народов».

Д-р филол. наук В. И. Злыднев в своем выступлении остановился на связях Н. С. Державина с крупными болгарскими писателями (Пенчо Славейков, А. Страшимиров), а также известными учеными (И. Шишманов, В. Златарский, Г. Бакалов, А. Златаров, Т. Павлов). Проф. С. Б. Бернштейн охарактеризовал вклад Н. С. Державина в изучение болгарских диалектов и болгарского литературного языка. В частности было отмечено научное значение его труда «Болгарские колонии в России», к которому и сейчас обращаются советские языковеды.

От украинской литературной общественности выступил поэт и переводчик Д. Г. Билоус, который рассказал о новых изданиях болгарских писателей на Украине и прочел свои поэтические переводы. Заместитель председателя украинского отделения Общества советско-болгарской дружбы А. Д. Кетков подчеркнул ту большую роль, которую сыграли труды Н. С. Державина в укреплении украинско-болгарских культурных и литературных отношений. На торжественном заседании с личными воспоминаниями об ученом и выдающемся общественном деятеле выступили также М. А. Буцакчийский и А. Ф. Райчева. Участников заседания приветствовали директор Приморской музыкальной школы В. А. Корниенко и представитель общественности села З. Н. Гогунская.

К празднованию 100-летия акад. Н. С. Державина было приурочено открытие новой экспозиции Историко-краеведческого музея с. Преслав, включающей большое число документов и дающей богатое представление об истории села и его жизни сейчас. С хозяйственными и культурными достижениями с. Преслав познакомил многочисленных гостей — ученых, писателей, ветеранов Великой Отечественной войны, выпускников бывшего Преславского педагогического техникума — председатель колхоза им. Коминтерна К. Г. Полукчи.

В. З.

CONTENTS

- Shafir M. A., Koveshnikov E. M.* The Constitution of the socialist public state. *Shcherbakov J.* February of the 1948 — the great boundary in the history of Czechoslovak peoples. *Sherlainova S. A.* To the 100-th anniversary of Zdenek Needly. *Volkov V. K.* Munich: international and internal political consequences for Yugoslavia. *Baginsky E. S.* The political conception of sanation and Polish constitution of 1935. *Hartsieva G. J.* News-paper «Словенске народне новине» (August of the 1845 — June of the 1848) and the formation of the program of the Slovak national movement. *Vereshchagin E. M.* The revelation of semantic relations between words in the first literary language of Slavs with the help of the «chain» method. *Grigorian E. A.* Some semantic phenomena in bulgarian geographical terminology 3

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

- Noskova A. Z.* Kozik. Partie i stronnictwa polityczne w Krakowskiem. 1945—1947. *Parsadanova V. S.* A valuable research of the Polish historian. *Koprutsovniak Albin* (Poland). J. Jachymek. Oblicze społeczno-polityczne wsi lubelskiej 1930—1939. *Mylnikov A. S.* «Foreign Slav peoples and Russia». *Bilunov B. N., Moskalenko A. J., Taranova V. G.* «From the history of the Balkan Countries». *Gorsky I. K.* Г. Д. Вервес. В интернаціональних літературних зв'язках 107

Bibliography

- The main articles and materials of the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1977 (continued). The contents of foreign periodicals. 118

SCIENTIFIC LIFE

- Kuzmin M. N.* The first conference of the Bureau of the International Association for the Study and Dissemination of Slav Cultures. *V. Z.* The 100-th anniversary of academician N. S. Derzhavin. 125

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11/X-1977 г.	Т-16882	Подписано к печати 12/XII-1977 г.	Тираж 1230 экз.
Зак. 2929	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}	Усл. печ. л. 11,2	Бум. л. 4
			Уч.-изд. л. 12,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891